300 лет Российская Академия Наук

Российский центр научной информации

ВЕСТНИК РФФИ

Гуманитарные и общественные науки

2024/1 (116)

Российский центр научной информации

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 1 (116) январь – март 2024 года

Основан в 1995 году

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.В. Квардаков, В.Н. Фридлянов

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников, П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров, М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер, Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfbr.ru

© Российский центр научной информации, 2024

Russian Centre for Science information

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 1 (116) January – March 2024

Founded in 1995

The Founder
Federal State Institution
"Russian Foundation for Basic Research"

Chief editor V.Ya. Panchenko,
Deputy chief editors V.V. Kvardakov, V.N. Fridlyanov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov, P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova, G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova, D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia
Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)
E-mail: rovir@rfbr.ru

© Russian Centre for Science information, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

300-ЛЕТИЮ РАН ПОСВЯЩАЕТСЯ

От редколлегии 9

Выступление главы РАН Геннадия Красникова по случаю 300-летия Российской академии наук 11

ИЗ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК

Осипов Ю.С.
О становлении и истории развития Российской академии наук 13

ФАКТЫ, ИДЕИ, ОТКРЫТИЯ: ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ АКАДЕМИКОВ РАН — АВТОРОВ ЖУРНАЛОВ «ВЕСТНИК РГНФ» И «ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Фурсенко А.А.
О работе петербургских гуманитарных учреждений РАН 35

Шведова Н.Ю.
Русский семантический словарь: опыт описания лексики как системы 39

Зализняк А.А., Янин В.Л.
Новгородская псалтырь начала XI в. — древнейшая книга Руси (Новгород, 2000 г.) 47

Покровский Н.Н.
Крестьянские богословы России (XVII–XX вв.) 57

Бухарин М.Д.
Русские Туркестанские экспедиции 1909–1910 и 1914–1915 годов: итоги и перспективы изучения архивных материалов 69

Деревянко А.П., Козликин М.Б., Шуньков М.В.
Развитие культуры денисовского человека на Алтае 83

Мартынова М.Ю., Тишков В.А.
Наука о народах и национальная политика государства в эпоху СССР 93

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Коптюг В.А.
Что происходит с российской наукой? 111

Кудрявцев В.Н.
Юридическая конфликтология 121

Заславская Т.И.
Постсоциалистический трансформационный процесс в России 128

Ушаков Д.В.
Социальный и эмоциональный интеллект: теоретические подходы
и методы измерения 144

Лекторский В.А. —
В.С. Стёпин. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 744 с. 153

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ?

Алфёров Ж.И.
У нас есть будущее 157

CONTENTS

DEDICATED TO THE 300TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

By editorial board 9

Speech of Gennadiy Krasnikov, the RAS President, dedicated to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences 11

HISTORY OF THE ACADEMY OF SCIENCES

Osipov Yu.S.
Development and History of the Russian Academy of Sciences 13

FACTS, IDEAS, DISCOVERIES: SELECTED WORKS BY MEMBERS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES AND AUTHORS OF THE RUSSIAN HUMANITARIAN SCIENTIFIC FOUNDATION BULLETIN AND RUSSIAN FOUNDATION FOR BASIC RESEARCH BULLETIN: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

HUMANITIES

Fursenko A.A.
St. Petersburg Humanitarian Institutions of the Russian Academy of Sciences 35

Shvedova N.Yu.
Russian Semantic Dictionary: Lexicon as a System 39

Zaliznyak A.A., Yanin V.L.
Novgorod Psalter of Early 11th Century: Earliest Russian Book (Novgorod, 2000) 47

Pokrovsky N.N.
Peasant Theologians in Russia (17th–20th centuries) 57

Bukharin M.D.
Russian Turkestan Expeditions in 1909–1910 and 1914–1915:
Findings and Prospects of the Study of Archives 69

Derevyanko A.P., Kozlikin M.B., Shunkov M.V.
Development of Denisovan Culture in Altai 83

Martynova M.Yu., Tishkov V.A.
Peoples Studies and National Policy in the Soviet Era 93

SOCIAL SCIENCES

Koptyug V.A.
Current Status of Russian Science 111

Kudryavtsev V.N.
Legal Conflict Studies 121

Zaslavskaya T.I.
Post-Socialist Transformation in Russia 128

Ushakov D.V.
Social and Emotional Intelligence:
Theoretical Approaches and Methods of Measurement 144

Lektorsky V.A. —
Styopin V.S. Theoretical Knowledge. Moscow: Progres-Traditsiya, 2000. – 744 p. 153

IS THERE A FUTURE FOR ACADEMIC SCIENCE?

Alfyorov Zh.I.
There is a Future 157

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Российской академии наук исполнилось 300 лет.

История распорядилась так, что создание в России Академии наук связано с именами двух великих людей: Петра Первого, который, как выразился Пушкин, «один есть целая всемирная история», и Готфрида Вильгельма Лейбница, который, как написал Бертран Рассел, «был одним из выдающихся умов всех времён».

И при личных встречах, и в письмах Лейбниц излагал Петру свой план модернизации России посредством развития образования, наук и искусств. Его идеи «об улучшении наук и художеств» в Российской империи не остались без отклика, зерно упало на благодатную почву. Понятно, что Пётр, которого Вольтер назвал «основателем во всех родах человеческой деятельности», не мог оставить без внимания и науку. Но неутомимый реформатор, часто стремительный в принятии своих решений и их воплощении, в этом случае не спешил. Ушёл из жизни Лейбниц, а планы создания в России Академии всё ещё только обсуждались.

И вот, наконец, 20 января 1724 г. в Сенат была направлена написанная Петром короткая записка (по сути являющаяся указом) «О Академии, в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатным художествам и переводили книги, назначить место для сего и доход». А 22 января в Сенате в присутствии императора был рассмотрен объёмный документ, получивший позже название «Проект положения об утверждении Академии наук и художеств, утверждённый Петром I». 28 января (8 февраля по новому стилю) Сенатом был объявлен именной указ Петра I об утверждении Академии.

Весь 1724 г. шла активная работа по обустройству Академии и по приглашению академиков в её состав. Но 28 января 1725 г., ровно через год после выхода именного указа об Академии, Пётр I скоропостижно скончался. Сменившая Петра на престоле его жена Екатерина I, к её чести, не оставила своим попечением последнее детище Петрово. И 27 декабря 1725 г. наконец состоялось первое публичное собрание Академии. Эту дату иногда называют днём рождения Академии наук в России. Например, 200-летие Академии наук праздновалось в 1925 г. Но, конечно, есть все основания отмечать день рождения Российской академии наук именно 8 февраля по новому стилю, отдавая тем самым дань памяти истинному отцу высшего научного учреждения России – Петру Великому.

* * *

За три века существования Академии наук её членами избирались тысячи выдающихся российских и зарубежных учёных, писателей, политических и общественных деятелей. Оставили они нам огромное творческое наследие, прежде всего — в виде книг. Например, полные собрания сочинений почётных иностранных членов нашей Академии включают великого философа Вольтера — 92 тома, великого математика Эйлера — 75 томов, а нашего соотечественника, почётного академика Л.Н. Толстого — 90 томов! Вот если бы собрать все книги, вышедшие из-под пера, или из-под авторучки, или из компьютера всех членов

нашей Академии — какая огромная, какая удивительная библиотека получилась бы! Даже если мы ограничились бы только соотечественниками и только учёными...

Когда на заседании редколлегии мы размышляли, как нашему журналу лучше отметить 300-летний юбилей Российской академии наук, мы, конечно, и подумать не могли о таком грандиозном предприятии или о чём-то ему подобном. Но «журнальный жанр» имеет свои преимущества. За три десятилетия работы нашего «Вестника» на его страницах была опубликована не одна тысяча различных материалов, и среди них — многочисленные публикации членов Российской академии наук.

Вот мы и решили настоящий выпуск «Вестника», посвящённый юбилею Академии, составить из статей глубокоуважаемых авторов — членов Академии, ранее опубликованных в «Вестниках».

Объём журнала, увы, ограничен, поэтому мы вынуждены были и в отбор материалов для юбилейного выпуска ввести ограничения: включать только те публикации, авторами которых были действительные члены РАН. Исключений только два.

Это, во-первых, статья академика А.П. Деревянко, написанная совместно с М.Б. Козликиным и М.В. Шуньковым, «Развитие культуры денисовского человека на Алтае». Открытие российскими археологами нового вида (или подвида) человека, получившего название «денисовец», или «денисовский человек», стало подлинной мировой сенсацией. Второе исключение — статья академика В.А. Тишкова и М.Ю. Мартыновой, посвящённая крайне актуальной и для современной России проблематике, связанной с формированием российской идентичности.

Отбирались публикации, относящиеся к различным типам «малого научного жанра»: здесь и статьи в обычном понимании, и отчёты о проведённых экспедициях, и рецензия на книгу, и даже интервью. Но читатель, безо всяких сомнений, сразу же отметит, что все публикации отличает глубина суждений и бесспорная теоретическая значимость, не утратившая своей актуальности даже в материалах, опубликованных впервые вот уже почти 30 лет назад. Попутно отметим, что разрешение на републикацию статей получено от всех ныне здравствующих авторов, за что редколлегия выражает им большую признательность.

Открывает наш юбилейный выпуск выступление президента РАН Г.Я. Красникова в Кремлёвском дворце на торжественном мероприятии, посвящённом 300-летнему юбилею Академии. Далее публикуется доклад академика Ю.С. Осипова (тогда президента Российской академии наук) на юбилейном общем собрании РАН, посвящённом её 275-летию. Доклад даёт полное представление об истории Академии. Редколлегия благодарит Юрия Сергеевича за позволение воспроизвести доклад (с некоторыми сокращениями).

А замыкает выпуск статья Нобелевского лауреата академика Ж.И. Алфёрова с вселяющим оптимизм прогнозом: «У нас есть будущее!»

Г.Я. Красников, президент Российской академии наук

Выступление главы РАН Геннадия Красникова по случаю 300-летия Российской академии наук

(8 февраля в Государственном Кремлёвском дворце состоялось праздничное мероприятие, приуроченное к 300-летнему юбилею Российской академии наук)

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович!

Уважаемые члены Российской академии наук!

Дорогие гости!

Сегодня у всех нас очень важный день. Мы отмечаем трёхсотлетие Российской академии наук. Это поистине историческая дата для Академии. Созданная Петром Первым, за эти три века Российская академия наук вместе с государством прошла большой и яркий путь. Она всегда объединяла ведущих исследователей – настоящих искателей истины, которые помогали стране развиваться, изучали её природные богатства, совершали прорывные открытия и создавали научные школы. Наши предшественники сформировали значимые для научного сообщества традиции – в том числе открытое, публичное обсуждение научных результатов, свободу научных дискуссий.

Несмотря на непростые, переломные исторические события мы в Академии наук сохранили преемственность, сквозь поколения пронесли уважение к нашим великим учителям и к нашим ученикам. Отечественные учёные заложили прочную основу для развития математики, физики, химии, информатики, геологии, биологии, многих других направлений научной мысли. Они внесли огромный вклад в осмысление истории и роли человека в мире, способствовали сохранению богатейшего исторического и культурного наследия. Без их фундаментальных трудов и ярких научных результатов иначе развивались бы медицина, сельское хозяйство; и, конечно, современный мир, основанный на передовых технологиях, был бы совсем другим.

Наши предшественники – это не просто великие учёные. Многие из них были поистине государственными людьми. И в трудную минуту, и в годы благополучия они хранили преданность науке, вносили свой вклад в решение общенациональных задач. Когда в прошлом столетии перед нами встали вызовы общечеловеческого масштаба, Академия наук помогла найти на них достойные ответы. Над задачами в сфере обороны трудились без преувеличения лучшие умы страны. Мы обязаны им созданием мощнейшего военно-промышленного комплекса, который укрепил суверенитет нашего государства и обеспечил её безопасность на годы вперёд.

Наши учёные сумели укротить атом, создали атомную энергетику и атомный флот. Это они стояли у истоков покорения космоса, и именно они вывели Советский Союз в лидеры мировой науки. Сегодня перед нашей страной, а значит и перед отечественной наукой, стоят поистине масштабные, эпохальные задачи. И, конечно, они накладывают на нас огромную ответственность, которую чувствует, пожалуй, каждый учёный. Для достойного ответа на вызовы сегодняшнего, завтрашнего дня необходимо, чтобы Российская академия наук в полной мере реализовала свой потенциал. И очень важно, что сегодня это видение разделяет руководство нашей страны.

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович!

Хотел бы выразить Вам искреннюю признательность за неизменную погружённость в вопросы научно-технологического развития и понимание тех возможностей, которыми обладает Российская академия наук. Ведь сегодня РАН – это не только 1900 членов Академии, в числе которых 28 героев Советского Союза и России, 13 полных кавалеров Ордена «За заслуги перед Отечеством», 378 лауреатов Государственной премии. Академическое сообщество – это ещё и коллективы научных институтов по всей стране, которые работают под нашим научно-методическим руководством.

Всего Российская академия наук формирует тематики научных исследований для 746 НИИ и 388 вузов. И, конечно, отдельные слова признательности – за озвученные Вами решения. В этот поистине исторический для страны момент они не только укрепляют авторитет Академии, но и создают новые возможности для эффективного участия РАН в государственной системе принятия решений. Это позволит правильно расставить приоритеты в научной работе, грамотно распорядиться ресурсами, выстроить единый, целостный научный ландшафт, где Академия наук займёт ключевую роль.

Ваши инициативы в отношении Академии подчёркивают высокую, ответственную миссию, возложенную на нас, напоминают о ней обществу, всему миру. И академическое сообщество, все мы, сегодня ощущаем её особенно сильно.

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович!

Уверен, что при Вашей постоянной поддержке – и сегодня, и в будущем – Российская академия наук обязательно справится с поставленными задачами, впишет новые, яркие страницы в историю мировой науки и нашего Отечества.

Уважаемые друзья!

С праздником вас! С юбилеем Российской академии наук!

ИЗ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК

Индекс УДК 001.3
Код ГРНТИ 12.09, 12.75, 12.79

Ю.С. ОСИПОВ*

О становлении и истории развития Российской академии наук

Доклад на Юбилейном заседании Общего собрания РАН 3 июня 1999 г.

В докладе даётся обзор истории Российской академии наук – от её создания Петром I в 1724 г. до конца XX в. Отмечается выдающаяся роль в её становлении Л. Эйлера и М.В. Ломоносова. Приводятся многочисленные примеры крупнейших достижений академической науки. Подчёркивается огромный вклад Академии в укрепление обороноспособности страны. Делается вывод, что Академия была и остаётся опорой для России во всех её основополагающих делах.

Ключевые слова: Российская академия наук, комплексные экспедиционные исследования, кругосветные путешествия, периодическая система химических элементов, клеточный иммунитет, синтетический каучук, открытие месторождений полезных ископаемых, «атомный проект», исследования космоса, укрепление обороноспособности страны

Дорогие гости, уважаемые коллеги, товарищи, друзья!

От всей души хочу поздравить Вас с нашим общим большим праздником!

Датой основания Российской Академии наук принято считать 8 февраля (по новому стилю) 1724 г., когда Сенатом был одобрен проект Петра I (ил. 1) об учреждении в Санкт-Петербурге Академии наук и художеств. Учреждая академию, Пётр I понимал, что «...того ради невозможно, чтоб здесь следовать в протчих государствах принятому образцу», и далее: «...надлежит такое здание учинить, через которое бы не токмо слава сего для государства для размножения наук нынешним временем распространилась, но и чрез обучение и расположение оных польза в народе впредь была». И эти цели Петра были достигнуты. На протяжении всей своей 275-летней истории учёные Академии служили Отечеству, народу.

Академия была и остаётся высшим научным учреждением страны, мировым центром исследований в области математики, естественных, технических, гуманитарных и общественных наук.

В трудные, переломные моменты жизни наш народ всегда обращался к живым корням своей истории и черпал в них

---

* **Осипов Юрий Сергеевич** — академик РАН, доктор физико-математических наук, президент РАН (1991–2013).

Ил. 1. Пётр Первый

силу. Вот почему сегодня мы перелистываем некоторые страницы истории Российской академии наук.

* * *

Создание Академии наук прямо связано с реформаторской деятельностью Петра I, направленной на укрепление государства, его экономической и политической независимости. Пётр понимал значение научной мысли, образования и культуры народа для процветания страны. И он начал действовать «сверху».

По его проекту Академия существенно отличалась от всех родственных ей зарубежных организаций. Она была государственным учреждением; её члены, получая жалование, должны были обеспечивать научно-техническое обслуживание государства. Академия соединила функции научного исследования и обучения, имея в своём составе университет и гимназию.

27 декабря 1725 г. Академия отпраздновала своё создание большим публичным собранием. Это был торжественный акт появления нового атрибута российской государственной жизни.

Академическая Конференция стала органом коллективного обсуждения и оценки результатов исследований. Учёные не были связаны какой-нибудь господствующей догмой, пользовались свободой научного творчества, активно участвуя в противоборстве картезианцев и ньютонианцев. Практически неограниченными были возможности публиковать научные труды.

Первым президентом Академии был назначен медик Лаврентий Блюментрост (ил. 2). Заботясь о соответствии деятельности Академии мировому уровню, Пётр I пригласил в неё ведущих иностранных учёных. В числе первых были математики Николай и Даниил Бернулли, Христиан Гольдбах, физик Георг Бюльфингер, астроном и географ Жозеф Делиль, историк Г.Ф. Миллер. В 1727 г. членом Академии стал Леонард Эйлер.

Научная работа Академии в первые десятилетия велась по трём основным направлениям (или «классам»): математическому, физическому (естественному) и гуманитарному. Фактически Академия сразу включилась в умножение научного и культурного богатства страны. В своё распоряжение она получила богатейшие коллекции Кунсткамеры. Были созданы Анатомический театр, Географический департамент, Астрономическая обсерватория, Физический и Минералогический кабинеты. Академия имела Ботанический сад и инструментальные мастерские. Благодаря исследованиям академических учёных закладывались основы для развития горного дела, металлургии и других отраслей промышленности России. Велись работы по геодезии и картографии. В 1745 г. была создана первая генеральная карта страны — «Атлас Российский».

Деятельность Академии с самого начала позволила ей занять почётное место среди крупнейших научных учреждений Европы. Этому способствовала широкая известность таких корифеев науки, как Л. Эйлер и М.В. Ломоносов.

Плодотворная, поистине титаническая научная деятельность великого учёного Леонарда Эйлера началась в Петербургской академии наук. Математические исследования Л. Эйлера знаменовали важнейший, после Ньютона и Лейбница, этап в развитии математического анализа и его приложений. Л. Эйлер получил глубокие результаты в теории чисел, заложил основы комплексного анализа, вариационного исчисления, аналитической механики и, вместе с Даниилом Бернулли, гидродинамики. Его математические исследования были тесно связаны с практическими проблемами механики, баллистики, картографии, кораблестроения, навигации. Эйлер воспитал первых российских математиков, ставших членами Академии.

Целую эпоху в истории Академии и российской науки составила научная, просветительская и организаторская деятельность великого учёного-энциклопедиста Михаила Васильевича Ломоносова (ил. 3). Он обогатил её фундаментальными открытиями в химии, физике, астрономии, геологии, географии; внёс большой вклад в разработку истории, языкознания и поэтики; организовал в 1748 г. первую химическую лабораторию; активно участвовал в 1755 г. в основании Московского университета, ныне по праву носящего его имя.

По инициативе Академии и при её участии были осуществлены комплексные экспедиционные исследования, внесшие огромный вклад в раскрытие природных ресурсов России, и этнографические исследования территорий страны от Белого до Каспийского моря, от западных областей до Камчатки. Великая Северная (1733–1742) и академические экспедиции 1760–1770 гг., капитальные труды участников экспедиций И.Г. Гмелина, С.Г. Гмелина, А.П. Горланова, С.П. Крашенинникова, С.П. Палласа и других сыграли выдающуюся роль в развитии географии, биологии, этнографии, истории и культуры народов России и были высоко оценены в Европе, открыв европейским исследователям малоизвестные территории. Они решили вопрос о проливе между Азией и Америкой и северо-восточных рубежах России. Были составлены карты обследованных районов, изучен их животный и растительный мир, выявлены полезные ископаемые, описаны история, этнография, хозяйственная деятельность живущих там народов, и начато изучение их языков. Плававший вместе с В. Берингом Г.В. Стеллер стал пионером в изучении природы и быта народов Аляски и Алеутских островов.

Ил. 2. Л.Л. Блюментрост,
первый президент Академии наук

Академия начала публикацию источников по русской истории, а участники её экспедиций коллекционировали предметы культуры многочисленных народностей, населявших окраины империи. Трудами В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Г.Ф. Миллера, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, изданием «Древнейшей российской Вивлиофики», организацией архивов и отделов рукописей в музеях в России осуществилось становление истории как науки. В начале 40-х годов были опубликованы несколько томов каталога коллекций Кунсткамеры.

Ил. 3. М.В. Ломоносов

Академия становится хранительницей памятников отечественной и мировой науки. В 1773 г. были приобретены 18 томов рукописей Кеплера, которые и сейчас составляют гордость академического Архива и используются Баварской академией наук при издании Полного собрания его сочинений. Создавалось богатейшее собрание научной корреспонденции XVIII в., ценнейшего памятника не только русской, но и общеевропейской культуры. Академия поддерживала постоянную связь с европейскими научными журналами, публиковавшими рефераты её изданий.

С 1728 г. стал издаваться журнал, или, точнее, ежегодный сборник трудов «Комментарии Петербургской академии наук» (на латинском языке), который приобрёл в учёном мире популярность и авторитет одного из ведущих научных изданий Европы.

Была создана собственная типография, которая быстро завоевала прекрасную репутацию, и ей было поручено издание всей литературы в стране, кроме церковной. Это сразу обозначило ведущую роль Академии в общем развитии российской культуры.

Уже в 1736 г. известный французский физик Дорту де Меран писал: «Петербургская академия со времени своего рождения поднялась на выдающуюся высоту науки, до которой академии Парижская и Лондонская добрались только за 60 лет упорного труда».

В 1748 г. состоялось назначение первого русского президента Академии, им стал граф К.Г. Разумовский (ил. 4). В Академию начали избираться отечественные учёные. Первыми русскими академиками стали С.П. Крашенинников — автор первой естественнонаучной книги («Описание Земли Камчатки»), написанной на русском языке, М.В. Ломоносов, поэт В.К. Тредиаковский, а позже – астрономы Н.И. Попов, С.Я. Румовский, П.Б. Иноходцев, натуралисты И.И. Лепёхин, Н.Я. Озерецковский, В.Ф. Зуев и др.

Распространению научных знаний активно содействовали издания Академии. В «Примечаниях на Ведомости» печатались статьи о природных явлениях, минералах, машинах и приборах, о путешествиях, о дальних странах и народах, о болезнях и их лечении, о поэтическом и драматическом искусстве, об опере и многом другом. Большая аудитория была у издававшихся Академией на двух языках «Календарей», или «Месяцесловов», в которых также регулярно выходили статьи на исторические и естественно-научные темы. И хотя к концу века набирали силу частное книгоиздательство и журналистика, в пропаганде науки сохранили лидерство именно академические издания. Разнообразна была тематика издававшегося Академией в 1755–1764 гг. на русском языке журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Позднее появились «Академические известия» и другие популярные издания, помещавшие статьи академиков и переводы иностранной научно-популярной литературы.

Ярким элементом культурной жизни Петербурга были публичные лекции, которые читались в 1785–1802 гг. для всех любителей наук. С лекциями по математике, физике,

химии, минералогии, естественной истории выступали почти все русские академики и адъюнкты. Эти чтения собирали большую аудиторию. Они читались по-русски.

Университет был неотъемлемой частью академии. Он должен был готовить научные кадры. Относительно регулярной работа университета была в 50-е и начале 60-х годов, когда его деятельно опекал М.В. Ломоносов. После его смерти Академический университет стал угасать и в 1767 г. был упразднён, сыграв важную роль в воспитании первых отечественных академиков. Академия оказала помощь в создании в 1755 г. Московского университета, «доучивала» в своей Обсерватории геодезистов из Морской академии, участвовала в делах Кадетского корпуса, обучала физиологии лекарей Сухопутного и Морского госпиталей. Словом, её роль в подъёме образовательного уровня первого отряда отечественных специалистов была бесспорно велика.

* * *

Академия сыграла огромную роль в подготовке и проведении школьной реформы в 80–90-х годах XVIII в. Члены академии разработали основные положения реформы, участвовали в подготовке первых профессиональных педагогических кадров, составили и издали около 30 учебников и пособий. По определению С.И. Вавилова, «в XVIII в. и в начале XIX в. русская Академия была вообще синонимом русской науки».

В XVIII в. почётными членами и членами-корреспондентами стали более 160 иностранных учёных (Ф. Вольтер, Д. Дидро, Ж. Даламбер, К. Линней, Б. Франклин и другие) (ил. 5). В свою очередь, почётными членами зарубежных академий стали Л. Эйлер, М.В. Ломоносов, И.И. Лепёхин, С.Я. Румовский, П.С. Паллас.

В 1783 г. параллельно с Петербургской академией наук начала работать Российская академия, основной задачей которой являлось составление словаря русского языка. Её членами были знаменитые русские писатели и поэты Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, с 1833 г. — гений русской поэзии А.С. Пушкин. Одним из инициаторов создания и первым председателем этой Академии была княгиня Е.Р. Дашкова (ил. 6). В 1841 г. Российская академия была упразднена, а часть её членов влилась в Академию наук, составив Отделение русского языка и словесности.

Ил. 4. К.Г. Разумовский, первый русский президент Академии

* * *

В 20-х годах XIX в. для Академии в Санкт-Петербурге было выстроено специальное здание. В 30-х годах на базе коллекций Кунсткамеры были организованы Ботанический, Зоологический, Этнографический, Минералогический, Азиатский, Египетский и Нумизматический музеи. Впоследствии некоторые из них стали соответствующими отделами Эрмитажа и других всемирно известных музеев. 1 января 1839 г. состоялось открытие Пулковской астрономической обсерватории, которая сразу же заняла ведущее место в мировой астрономической науке.

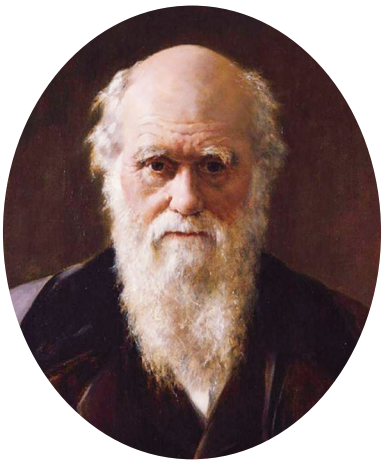
Ф. Вольтер

Д. Дидро

Ж. Даламбер

К. Линней

Б. Франклин


Ч. Дарвин

Ил. 5. Зарубежные члены Академии

В 1804 г. Академия наук начала издание нового печатного органа — «Технологического журнала, или Собрания сочинений и известий, относящихся до технологии, и приложения учинённых в науках открытий к практическому употреблению». Выход журнала отражал стремление укреплять связи науки с практикой. На русском языке стали выходить и периодические научные издания «Умозрительные исследования», «Труды Академии наук». Увеличилось число членов-корреспондентов и почётных членов Академии, среди которых были Н.И. Гнедич, В.М. Головнин, Н.И. Греч, В.И. Даль, Н.М. Карамзин, А.С. Шишков и многие другие выдающиеся деятели отечественной культуры, знаменитые путешественники и естествоиспытатели. О высоком авторитете Академии свидетельствует и тот факт, что среди её иностранных членов мы видим имена блистательных писателей и учёных XIX в., например, А.-М. Ампера, Ж.-Л. Гей-Люссака, Т.Г. Гекели, У. Гершеля, И.В. Гёте, А. фон Гумбольдта, Ч.Р. Дарвина, Ж. Кювье, Ч. Лайеля, И.Ю. Либиха, Т.Р. Мальтуса, О.-Л. Коши, Ж.-Б.-Ж. Фурье.

Начало XIX в. стало новым ярким этапом в истории русских географических исследований. В 1803–1806 гг. было осуществлено первое кругосветное путешествие под руководством И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского, в котором участвовали члены Академии В. Тилезиус фон Тиленау и Г.И. Лангсдорф. В первой половине XIX в. русское правительство организовало около 50 крупных морских путешествий, в ко-

торых, как правило, участвовали натуралисты Академии. Выдающимся событием в развитии географических исследований стало открытие Антарктиды экспедицией Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева (1820). Эти экспедиции принесли славу России и превратили Петербург в один из центров мировой географии. Ценность зоологических коллекций и ботанических гербариев тех лет в наши дни возросла стократно. Только по ним мы можем судить о видах, исчезнувших за последние два столетия.

Проблемы анализа, математической физики, механики получили развитие в исследованиях выдающихся математиков М.В. Остроградского и В.Я. Буняковского. Показателем успехов университетской науки в эти годы может служить опередившее своё время открытие неевклидовой геометрии гениальным русским математиком Н.И. Лобачевским.

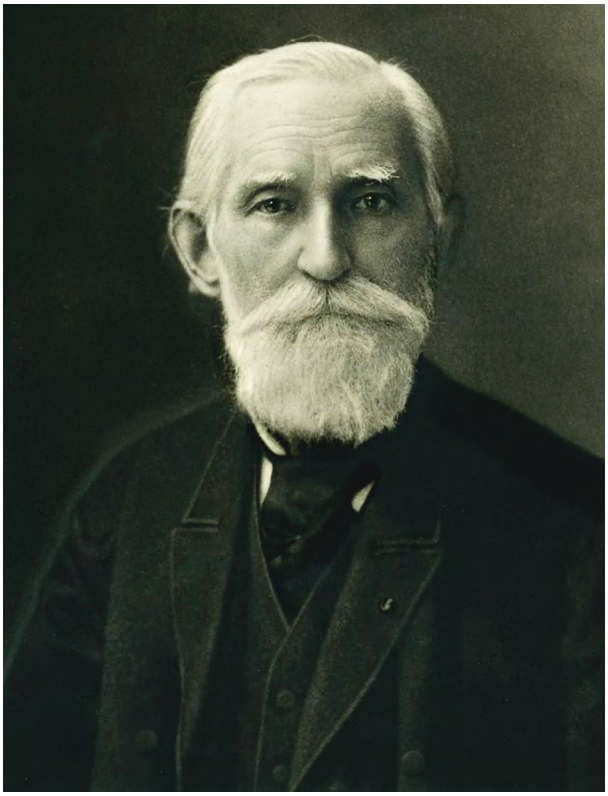
К числу крупнейших математиков XIX в. принадлежит Пафнутий Львович Чебышев (ил. 7). Величайшей заслугой П.Л. Чебышева является также создание знаменитой Петербургской математической школы. А.Н. Коркин, Е.И. Золотарев, А.А. Марков, А.М. Ляпунов, В.А. Стеклов — это далеко не полный список блестящих представителей его школы.

С тех пор и до сегодняшнего дня Россия — один из лидеров в области математики.

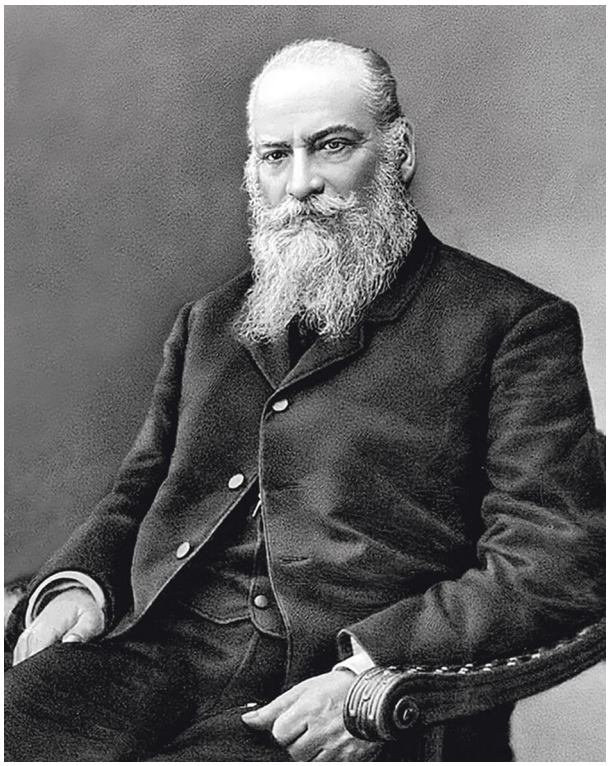
Огромное значение для разработки фундаментальных проблем аэродинамики имели труды Н.Е. Жуковского и С.А. Чаплыгина (ил. 8). В историю науки вошли открытие электрической дуги В.В. Петровым, исследования тока Э.Х. Ленца; Б.С. Якоби изобрёл гальванопластику и судовой электродвигатель. А.Г. Столетов и П.Н. Лебедев осуществили фундаментальные исследования электромагнитных процессов. Выдающимся достижением явилось изобретение радио А.С. Поповым в 1895 г.

Вторая половина XIX в. характеризуется расцветом химической науки в России. Неоценим вклад в неё Д.И. Менделеева (ил. 9) — творца периодической системы химических элементов, Н.Н. Зини-

Ил. 6. Е.Р. Дашкова, один из инициаторов создания и первый председатель Российской академии



Ил. 7. П.Л. Чебышев, один из крупнейших математиков XIX в.



Ил. 8. Н.Е. Жуковский и С.А. Чаплыгин, основоположники гидро- и аэродинамики

на — основателя школы химиков-органиков и А.М. Бутлерова — создателя теории химического строения.

На рубеже XIX–XX вв. Россия дала миру такие имена, как Д.И. Ивановский — первооткрыватель вирусов, И.И. Мечников — один из первых Нобелевских лауреатов, раскрывший клеточные механизмы иммунитета, И.П. Павлов — Нобелевский лауреат, открывший условные рефлексы — основу сознания (ил. 10).

Гениальными трудами В.И. Вернадского (ил. 11) заложены основы новых наук — геохимии, а позднее – радиохимии и радиогеологии. Его учение о биосфере и ноосфере играет сегодня выдающуюся роль в решении экологических проблем. Крупнейшим открытием, относящимся к истории Земли, стало установление новой системы палеозоя, названной Пермской. В этот период были открыты первые значительные месторождения платины на Урале, урана — в Фергане, нефти — в районе Баку, золота и углей — в Сибири.

Важнейшей задачей Академии наук было совершенствование русского языка. В Отделении русского языка и словесности наряду с крупными лингвистами состояли блестящие русские писатели П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, И.А. Крылов, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, А.Н. Майков, И.С. Тургенев, А.Н. Островский, А.К. Толстой, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, А.С. Хомяков и другие.

Академик Я.К. Грот установил нормы русского правописания, которые сохранялись до реформы 1918 г., а также составил словарь, не утративший значения до сих пор. Академик А.Х. Востоков — исследователь памятников древнеславянской письменности — издал «Остромирово Евангелие» (1843). В XIX в. учёные-историки привлекли внимание общества к богатству отечественной истории. В 1818 г. начала публиковаться «История Государства Российского» Н.М. Карамзина, избранного в том же году почётным членом Академии. По образному выражению А.С. Пушкина, «история России была найдена Карамзиным, как Америка Колумбом». Свою непростую историю Россия познавала и стараниями академиков-историков С.М. Соловьёва,

В.О. Ключевского (ил. 12), Т.Н. Грановского и других.

В первой четверти XIX в. государственному деятелю Н.П. Румянцеву удалось объединить учёных, сделавших своей профессией собирание, изучение и издание документов российской истории, — К.Ф. Калайдовича, И.И. Григоровича, А.Х. Востокова, П.М. Строева и других. Была осуществлена археографическая экспедиция Академии (1828–1834). Стали доступными Лаврентьевская, Троицкая, Ипатьевская летописи, Судебник 1497 г. Н.П. Румянцев собрал коллекцию рукописей и книг, ставших основой Румянцевского музея. Широкую известность получили фундаментальные исследования филологов Н.И. Срезневского, В.И. Даля, А.А. Шахматова. Трудами В.Р. Розена, А.В. Радлова, В.В. Бартольда, Ф.И. Щербатского, С.Ф. Ольденбурга и других были заложены основы теперь всемирно известных востоковедческих школ.

Высокий научный и общественный статус членов Академии в значительной степени определялся и тем, что многие из них являлись профессорами высших учебных заведений. Именно Академия присуждала наиболее престижные премии в области науки.

Активно работали фонды Демидовской, Уваровской и Пушкинской премий. Были учреждены премии имени Ф.Ф. Брандта, В.Я. Буняковского, К.М. Бэра, Г.П. Гельмерсена, Митрополита Макария, графа Д.А. Толстого. В 1865 г. столетие со дня смерти М.В. Ломоносова было отмечено новой ежегодной премией имени выдающегося российского учёного. Кстати, премия им. Митрополита Макария, члена нашей Академии, была возрождена Московской патриархией, Правительством Москвы и нашей Академией.

В декабре 1899 г., когда отмечалось 100-летие со дня рождения А.С. Пушкина, при Отделении русского языка и словесности появился Разряд изящной словесности, в задачи которого входили составление Словаря русского языка и аннотированное издание произведений русских писателей.

Ил. 9. Д.И. Менделеев, учёный-энциклопедист, создатель периодической системы химических элементов, одного из фундаментальных законов мироздания

Ил. 10. И.П. Павлов, лауреат Нобелевской премии, открывший условные рефлексы – основу сознания

Ил. 11. В.И. Вернадский, основоположник комплекса современных наук о Земле

В состав Разряда изящной словесности избирались и почётные академики из числа писателей, художников и литературных критиков. Во время первых выборов в январе 1900 г. были избраны общепризнанные «властители дум» России — Л.Н. Толстой, А.Ф. Кони, А.М. Жемчужников, В.Г. Короленко, А.П. Чехов, С. Соловьёв, В.В. Стасов. В последующие годы почётными академиками стали К.С. Алексеев (Станиславский), И.А. Бунин, А.Н. Веселовский и другие. И хотя вокруг выборов иногда возникали бурные споры и даже скандалы, как это было при избрании А.М. Горького, деятели литературы и искусства высоко ценили избрание их почётными академиками, рассматривали его не только как проявление внимания Академии наук к отечественной культуре, но и как акт общероссийского признания.

В 1889 г. Академию возглавил высокообразованный член императорской семьи, известный поэт великий князь Константин Константинович Романов (ил. 13). Он провёл Академию без потерь через сложный период начала XX в.

* * *

Наступил 1917 г. — год великих потрясений. Рухнула Российская империя. Большинство учёных не приняло Октябрьскую революцию. 21 ноября 1917 г. Общее собрание Академии обратилось к учёным страны с посланием, в котором высказывалось негативное отношение к революции. Но Академия при этом не отказалась от профессионального сотрудничества с новой властью. В декабре 1917 г. на годичном собрании С.Ф. Ольденбург, отметив, что «Россия встала на край гибели», подчёркивал: «Люди науки не могут не сознавать, что без их работы немыслимо просвещение и культура, а без этих последних — никакое достойное человеческое существование».

Наступил новый, почти 70-летний период беспрецедентного развития науки и образования в стране. Но период драматический, искалечивший судьбы многих тысяч учёных, период, характеризуемый недопустимыми вторжениями власти и идеологии в науку. Именно в этот период трижды предпринимались попытки распустить Академию.

С февраля 1917 г. Императорская Санкт-Петербургская академия по решению Общего собрания учёных стала называться Российской академией наук. Впервые был введён принцип выборности руководства. Президентом стал выдающийся геолог А.П. Карпинский.

Академия активно включилась в решение социально-экономических и культурных проблем страны. К этому была привлечена Комиссия по изучению естественных производительных сил и природных ресурсов (КЕПС), созданная при Академии в 1915 г. по инициативе В.И. Вернадского. Развернулись исследования Курской магнитной аномалии и минеральных ресурсов Кольского полуострова.

Под руководством Г.М. Кржижановского, впоследствии академика и вице-пре-

Ил. 12. Выдающиеся историки Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский

зидента Академии, разрабатывается план ГОЭЛРО — государственный план электрификации страны, ставший на многие годы развёрнутой программой строительства электростанций и высоковольтных линий электропередач и послуживший основой индустриализации всей страны.

По образцу РАН в 1918 г. создаётся Академия наук Украины (президентом был избран В.И. Вернадский), в 1929 г. — Академия наук Белоруссии.

С 1918 г. в системе Академии начали создаваться научно-исследовательские институты, в частности Физико-технический — во главе с А.Ф. Иоффе, Физико-математический — во главе с В.А. Стекловым. Численность научных сотрудников Академии к 1925 г. увеличилась в четыре раза по сравнению с 1917 г. Признанием возраставшей роли Академии в жизни общества явилось решение правительства 1925 г., которым она была провозглашена «высшим всесоюзным учёным учреждением» и получила название «Академия наук СССР». В Академию стали избираться учёные, работающие вне её системы — в вузах, отраслевых институтах, других организациях, что позволило объединить в её составе большинство выдающихся деятелей науки без оглядки на ведомственные барьеры.

По решению правительства в 1934 г. Президиум Академии и ряд академических научных учреждений были переведены из Ленинграда в Москву. В 1935 г. было создано Отделение технических наук, и в 1938 г. Академия имела уже 8 отделений: Физико-математических, Технических, Химических, Биологических, Геолого-географических наук, Экономики и права, Истории и философии, Литературы и языка. В национальных республиках и крупных регионах Российской Федерации стали создаваться филиалы и базы Академии, послужившие основой для организации Академий наук союзных республик, научных центров и региональных отделений.

В 1957 г. организуется Сибирское отделение Академии. В конце 60-х годов Уральский и Дальневосточный филиалы преобразуются в научные центры, а затем (в 1980-х гг.) — в региональные отделения. Выдающуюся роль в организации региональных отделений, филиалов, научных центров сыграли В.Л. Комаров (впоследствии президент Академии наук), М.А. Лаврентьев, С.Л. Соболев и другие наши учёные. Первый председатель Сибирского отделения М.А. Лаврентьев по существу создал систему управления наукой в регионах, которая позже была развита Г.И. Марчуком и В.А. Коптюгом и исполь-

Ил. 13. К.К. Романов, президент Академии (1889–1915), член императорской семьи

зована на Урале и Дальнем Востоке. В начале 1960-х гг. завершилось создание АН во всех союзных республиках. На Академию наук возлагалась координация деятельности республиканских Академий.

По мере роста Академии возрастает её вклад в мировую науку, в решение проблем, стоявших перед нашей страной. Упомяну лишь некоторые из выдающихся достижений.

Внесён крупнейший вклад в развитие современной математики и её приложений. И.М. Виноградовым и его учениками получены выдающиеся результаты в области теории чисел. В 20-е годы Н.Н. Лузин создаёт широко известную Московскую школу теории функций. Необыкновенно многогранное творчество А.Н. Колмогорова оказало огромное влияние на развитие современной математики. Л.С. Понтрягиным и его школой получены выдающиеся результаты в области алгебраической топологии и теории оптимального управления; упомяну знаменитый принцип максимума Понтрягина. В математических работах М.В. Келдыша и М.А. Лаврентьева получены выдающиеся результаты в области комплексного анализа, теории потенциала, функционального анализа и теории приближений. Крупнейшие результаты получены в области вычислительной математики, математического моделирования А.Н. Тихоновым, А.А. Дородницыным и другими. Были разработаны эффективные численные методы решения задач механики, физики, геофизики, техники, позволившие решить многие трудные прикладные проблемы. Нобелевской премией отмечены работы Л.В. Канторовича по математической экономике. Под руководством С.А. Лебедева были начаты исследования, приведшие к созданию первых отечественных быстродействующих электронных вычислительных машин, в том числе БЭСМ-1 (1952 г.) — в то время самой производительной ЭВМ в Европе. Особо отмечу основополагающий вклад в математику, механику и теоретическую физику Н.Н. Боголюбова, более 25 лет возглавлявшего Отделение математики нашей Академии.

Важнейшие результаты получены в области механики. Крупный вклад в развитие аэродинамики внесли М.В. Келдыш, В.В. Струминский, А.А. Дородницын; в развитие теории упругости — Н.И. Мусхелишвили; теории фильтрации — П.Я. Кочина, столетний юбилей которой был отмечен в мае этого года.

Широкое признание получили достижения Академии в области астрономии и астрофизики. Существенно расширилась наблюдательная база астрономии. Были созданы крупнейшие в мире Крымская и Специальная астрофизические обсерватории. Последняя располагает одними из самых больших в мире оптическим и радиотелескопом. Выдающиеся результаты по исследованию эволюции галактики получил В.А. Амбарцумян, по физике Солнца — А.Б. Северный, в релятивистской астрофизике — Я.Б. Зельдович. Важные результаты получены в радиоастрономических наблюдениях, в радиолокации планет, в рентгеновской астрономии.

Трудно переоценить вклад в развитие физических наук всемирно известной школы физиков во главе с А.Ф. Иоффе и Ленинградского Физико-технического института, давших путёвку в жизнь целому ряду новых институтов и научных направлений.

Физика в Академии всегда была на высоком уровне. На базе Серпуховского ускорителя открыты новые элементарные частицы, важные закономерности в физике элементарных частиц. На базе подземных обсерваторий получили развитие нейтринная физика и астрофизика. Выполнены исследования частиц сверхвысоких энергий, приходящих из космического пространства.

Успешно развивается релятивистская ядерная физика, осуществлён синтез самых тяжёлых трансурановых элементов. Работы физиков-теоретиков углубили понимание структуры ядра и элементарных частиц, внесли большой вклад в создание теории сильных взаимодействий — квантовой хромодинамики. Предсказано синхротронное излучение.

Получены фундаментальные результаты в теории высокотемпературной плазмы и проблемы управляемого термоядерного синтеза. И.Е. Таммом и А.Д. Сахаровым предложена основополагающая идея удержания плазмы в магнитном поле, в частности в установках типа «Токамак», в разработке проблемы инерционного термоядерного синтеза.

Фундаментальные исследования люминесценции выполнены С.И. Вавиловым и его учениками. П.А. Черенков открыл, а И.Е. Тамм и И.М. Франк дали теоретическое объяснение явлению излучения света заряженной частицей при движении её со скоростью, превышающей фазовую скорость света в среде. Н.Г. Басов и А.М. Прохоров заложили основы квантовой электроники, создали ряд типов лазеров и определили области применения лазерной техники.

Крупные результаты получены в статистической радиофизике, в теории потенциальной помехоустойчивости радиосвязи. Открытием электронного парамагнитного резонанса наука обязана Е.К. Завойскому, открытием явления сверхтекучести жидкого гелия — П.Л. Капице. Теоретическое объяснение этого явления и развитие теории сверхпроводимости принадлежат Л.Д. Ландау, Н.Н. Боголюбову и другим.

Работы Л.Ф. Верещагина по технологии получения искусственных алмазов привели к созданию промышленности синтетических сверхтвёрдых материалов.

Стали лауреатами Нобелевской премии Н.Н. Семёнов — в 1956 г., П.А. Черенков, И.М. Франк, И.Е. Тамм — в 1958 г., Л.Д. Ландау — в 1962 г., Н.Г. Басов и А.М. Прохоров — в 1964 г., П.Л. Капица — в 1978 г. (ил. 14).

Нобелевскому лауреату Н.Н. Семёнову принадлежат экспериментальное открытие и создание теории разветвлённых цепных реакций. В его работах, в работах Я.Б. Зельдовича, В.Н. Кондратьева, Н.М. Эмануэля блестящее развитие получили химическая кинетика, теория горения и детонации. Трудами А.Н. Несмеянова, Г.А. Разуваева, И.Л. Кнунянца, М.И. Кабачника, отца и сына Арбузовых создано новое направление в химии — химия элементоорганических соединений, которую А.Н. Несмеянов называл «третьим континентом химии».

Учёные-химики внесли неоценимый вклад в развитие отечественной промышленности в XX в. Работами С.В. Лебедева создана первая в мире технология получения синтетического каучука. Труды В.А. Каргина, С.С. Медведева, Н.С. Ениколопова, В.Н. Цветкова по химии и физике полимеров позволили наладить производство синтетических материалов. Работы И.П. Бардина, А.А. Байкова нашли широкое применение в металлургии. В развитии технологии электросварки и специальной электрометаллургии выдающуюся роль сыграли исследования Б.Е. Патона и его коллег.

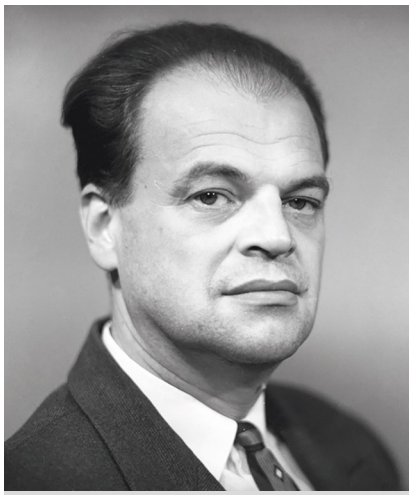
Среди достижений, определивших прогресс биологии, нельзя не отметить открытие Н.И. Вавиловым закона гомологиче-

Ил. 14. Члены АН СССР – лауреаты Нобелевской премии:
Илья Ильич Мечников (1845–1916), Николай Николаевич Семёнов (1896–1986),
Павел Алексеевич Черенков (1904–1990), Илья Михайлович Франк (1908–1990),
Игорь Евгеньевич Тамм (1895–1971), Лев Давыдович Ландау (1908–1968)

ских рядов в наследственной изменчивости, труды Н.К. Кольцова о структуре гена, пионерские исследования А.Н. Белозерского по нуклеиновым кислотам, геносистематике, оригинальную теорию происхождения жизни А.И. Опарина.

В работах И.П. Павлова и его школы получила развитие физиология высшей нервной деятельности. Развитие космической физиологии в работах В.Н. Черниговского, В.В. Парина и других содействовало осуществлению длительных полётов человека в космос.

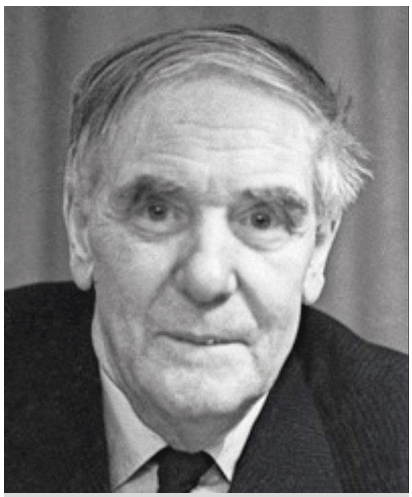
В 1950–1970-х гг. наши учёные успешно участвовали в решении проблем, имеющих глобальное значение. Среди них — создание вакцины против полиомиелита, позволившей практически искоренить эту страшную детскую болезнь. Разработаны основы радиобиологии, изучена лучевая болезнь и методы её лечения. При активнейшем участии нашей страны была осуществлена иммунизация населения Земли против оспы. Общеизвестны успехи в области космической физиологии.



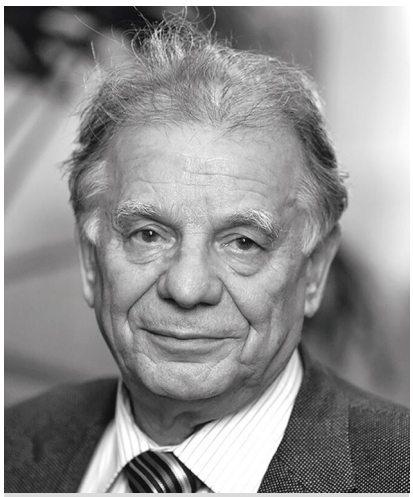
Н.Г. Басов

А.М. Прохоров

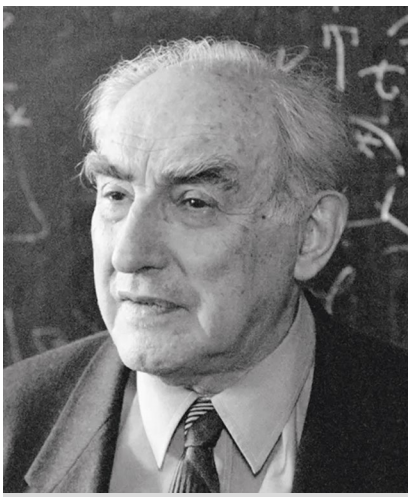
Л.В. Канторович



П.Л. Капица



Ж.И. Алфёров



Ф.Л. Гинзбург

Ил. 14. Члены АН СССР – лауреаты Нобелевской премии:
Николай Геннадиевич Басов (1922–2001), Александр Михайлович Прохоров (1916–2002),
Леонид Витальевич Канторович (1912–1986), Пётр Леонидович Капица (1894–1984),
Жорес Иванович Алфёров (1930–2019), Виталий Лазаревич Гинзбург (1916–2009)

В этот период огромный размах получили исследования, направленные на теоретическое обоснование поиска новых источников минеральных ресурсов и их освоение. Во всех регионах страны в составе Академии созданы новые институты, введён в действие крупнейший в мире научный флот, развёрнуты широкие экспедиционные исследования, охватившие не только территорию СССР, но и Мировой океан. Важнейшим направлением работ стала геологическая картография. Созданные геологические и специальные карты стали научной базой новых важнейших геологических открытий.

Трудами И.М. Губкина, А.А. Трофимука и их учеников обосновано открытие крупнейших нефтяных и газовых провинций. В.Н. Вернадский, Д.И. Щербаков и их последователи много сделали для создания крупнейшей в мире ресурсной базы атомной промышленности. А.Н. Заварицким открыты гигантские запасы железных руд на Урале и в районе Курской магнитной аномалии, А.Е. Ферсманом – уникальные месторождения апатитов на Кольском

Ил. 15. С.П. Королёв, один из основных создателей советской ракетно-космической техники

полуострове, В.С. Соболевым — алмазов в Сибири, В.А. Обручевым и Ю.А. Билибиным — золота на Северо-Востоке страны, С.С. Смирновым — цветных и редких металлов. Всё это стало весомым вкладом в укрепление могущества нашей страны.

В послевоенный период в Академии создана мощная экспериментальная база, введён в действие крупнейший в мире научный флот, развернуты широкие экспериментальные исследования в Мировом океане. В науках о Земле всё шире использовались результаты, полученные при помощи космических средств. При решении теоретических проблем учитывались данные исследований Луны, Венеры и других планет Солнечной системы.

Особенно велика роль Академии в изучении и освоении космического пространства.

Запуск в 1957 г. первого в мире искусственного спутника Земли и полёт Ю.А. Гагарина стали возможными благодаря работам научных коллективов, возглавляемых С.П. Королёвым (ил. 15), М.В. Келдышем, В.П. Барминым, А.Ф. Богомоловым, В.П. Глушко (ил. 16), В.Н. Кузнецовым, Н.А. Пилюгиным и другими учёными. С помощью космических автоматов выполнены пионерские исследования Луны и ближайших планет Солнечной системы, прежде всего Венеры.

Фундаментальные исследования по истории России выполнили Н.М. Дружинин, Б.Д. Греков, Е.В. Тарле, Л.В. Черепнин и другие; Е.М. Жуков и другие учёные — по истории зарубежных стран. Широко известны труды отечественных востоковедов — И.Ю. Крачковского, Н.А. Орбели, В.М. Алексеева, Н.И. Конрада и их коллег, труды славяноведов и этнографов. Мировое признание получили открытие А.В. Арциховским и В.Л. Яниным берестяных грамот в Новгороде и других городах, исследования Б.Б. Пиотровским древних поселений в Закавказье, С.П. Толстовым — в Хорезме, А.П. Окладниковым — на юге Сибири. Учёными Академии открыты многие новые страницы в истории Великой Отечественной войны.

Значительные литературоведческие исследования выполнены филологами. Большая работа по изучению языков народов России и мира проведена В.В. Виноградовым (ил. 17), Л.В. Щербой и другими.

* * *

Как и прежде, Академия наук играла в советское время определяющую роль в становлении образования в стране, активно содействуя созданию системы университетов и вузов, в становлении и развитии государственной системы подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров. Большое внимание Академия наук уделяла школьному образованию. Многие хорошие школьные учебники и пособия были созданы нашими сотрудниками или при их участии. Наша Академия придавала большое значение пропаганде научных знаний и играла ключевую роль в работе широко известного Общества «Знание». Большой вклад внесла Академия наук в создание системы непрерывного образования. Достаточно напомнить о записке

академиков А.М. Ляпунова, А.А. Маркова и В.А. Стеклова об университетской программе по математике; об организации в 1947 г. по предложению академиков П.Л. Капицы и С.А. Христиановича учебного Московского физико-технического института, базовые кафедры которого со дня создания размещались в институтах Академии наук; об учреждении Новосибирского университета в Академгородке Сибирского отделения Академии наук; об организации с 1963 г. по инициативе академиков А.Д. Александрова, М.А. Лаврентьева и А.Н. Колмогорова специализированных школ-интернатов физико-математического и химико-биологического профиля при крупнейших университетах — Московском, Ленинградском, Новосибирском и Киевском.

Создание одной из лучших в мире систем школьного и высшего образования сыграло выдающуюся роль в достижениях нашего народа. Эта система питала и питает кадрами и саму Академию наук.

* * *

Сегодня представляется важным также вспомнить, что в годы народных бедствий, мировых и гражданской войн учёные Академии предприняли титанические усилия для сохранения памятников науки и культуры, оказавшихся под угрозой уничтожения. Приведу несколько примеров. В октябре 1917 г., из-за военной опасности Петрограду, Академия наук эвакуировала в Саратов рукописные собрания, старопечатные книги и почти все издания XVIII в., хранившиеся в её Библиотеке, собрания Азиатского музея и Архива. В годы Гражданской войны удалось не только сохранить, но и существенно пополнить коллекции музеев. Например, были приобретены коллекция рукописей В.Г. Дружинина, подлинные рукописи А.С. Пушкина, а также автографы многих русских писателей из Дашковского собрания рукописей. Бессмертным подвигом стала деятельность работников академических музеев и рукописных собраний по сохранению и пополнению фондов в условиях блокадного Ленинграда.

Ил. 16. В.П. Глушко, главный конструктор космических систем

* * *

Велика роль Академии в укреплении обороноспособности страны. Ещё в прошлом веке член-корреспондент Академии генерал от артиллерии Н.В. Маиевский, основатель русской научной школы баллистики, разработал проект пушки с рекордными характеристиками. Академик Н.Д. Зелинский создал противогаз, спасший десятки тысяч жизней солдат в годы Первой мировой войны. Академик В.Н. Ипатьев в 1916–1920 гг. организовал производство взрывчатых веществ и порохов. Имя академика А.Н. Крылова в равной мере украшает историю российского флота и историю науки. Под его руководством был построен лучший для своего времени эсминец «Новик».

Особенно ярко проявилась роль науки в Великой Отечественной войне. Исследования учёных Академии в предвоенные и военные годы позволили осуществить разработку первоклассных самолётов и танков, артиллерийского и стрелкового

Ил. 17. В.В. Виноградов, основоположник крупнейшей научной школы в языкознании

вооружения, реактивных систем залпового огня, наладить их массовое производство. Под руководством А.П. Александрова была обеспечена защита военных кораблей от магнитных мин. Разработки М.В. Келдыша и других существенно улучшили лётные характеристики боевых самолётов. Учениками и последователями Н.Е. Жуковского и С.А. Чаплыгина в КБ С.В. Ильюшина, А.В. Яковлева, А.Н. Туполева были сконструированы самолёты, обеспечившие превосходство нашей авиации в воздухе во время войны и в дальнейшем послужившие базой для создания современных ВВС России. При активнейшем участии учёных Академии удалось в сжатые сроки перевести промышленность на военные рельсы. Были открыты и освоены месторождения нефти в Поволжье и Предуралье, мощнейшие месторождения золота, платины и алмазов в Сибири. Труды Н.Н. Бурденко, А.Д. Сперанского и других учёных-медиков обеспечили успешное лечение раненых в полевых условиях.

Огромна роль Академии в обеспечении национальной безопасности в послевоенный период. Созданием ракетно-ядерного щита, достижением военно-стратегического паритета и успешным поддержанием его на протяжении почти 30 лет страна обязана отечественной науке. Академики И.В. Курчатов (ил. 18), Ю.Б. Харитон, Я.Б. Зельдович, А.Д. Сахаров, А.П. Александров и другие обеспечили создание ядерного оружия. С.П. Королёв, М.В. Келдыш, А.Н. Туполев, С.В. Ильюшин, А.С. Яковлев, В.П. Глушко, М.К. Янгель, В.Н. Челомей и другие обеспечили создание реактивной авиации и ракетной техники.

В начале 50-х годов, в ответ на создание за рубежом атомных подводных лодок, была начата и успешно завершена программа их строительства в СССР. Имена А.П. Александрова, В.Н. Перегудова, Н.А. Доллежаля и других наших коллег навсегда вписаны в историю создания подводного флота.

Одновременно с созданием ядерного оружия начались работы по мирному использованию ядерной энергии. Д.И. Блохинцев, Н.А. Доллежаль, А.И. Лейпунский стали создателями первой АЭС, которая была введена в строй в 1954 г.

Появление лазеров, созданных трудами Н.Г. Басова и А.М. Прохорова, совершило революцию в созданий комплексов и образцов вооружения различного назначения. Лазеры стали незаменимыми в средствах обнаружения, локации и наведения ракет.

В Академии намного раньше, чем в США, был синтезирован окислитель для твёрдых ракетных топлив с рекордно высокими энергетическими характеристиками и организовано его промышленное производство. Многие наши современные оборонные комплексы и технологии не уступают зарубежным аналогам, по ряду характеристик их превосходят. Здесь большая заслуга Академии.

Учёные Академии наук стояли у истоков крупнейших международных соглашений — Договора о запрещении ядерных испытаний в трёх средах и мировой программы мирного использования атомной энергии.

Развитие этих идей послужило основой для возникновения широкого международного Пагуошского движения учёных за безопасность и разоружение, сыгравшего важнейшую роль в период холодной войны. Во многом благодаря учёным, объединившимся в стремлении к стабильному и прочному миру, в период противостояния двух систем не разгорелся ядерный пожар. У истоков этого движения стояли А.В. Топчиев, А.А. Арцимович, М.Д. Миллионщиков, М.А. Марков и другие.

Мы должны с благодарностью помнить имена президентов Академии наук советского периода: А.П. Карпинского (1917–1936 гг.), В.Л. Комарова (1936–1945 гг.), С.И. Вавилова (1945–1951 гг.), А.Н. Несмеянова (1951–1961 гг.), М.В. Келдыша (1961–1975 гг.), А.П. Александрова (1975–1986 гг.), Г.И. Марчука (1986–1991 гг.).

Новый этап в жизни Академии наступил с начала 90-х годов. Трудный, сложный, драматичный. Распад СССР, крушение привычных государственных и общественных институтов, глубокий экономический кризис, правовой вакуум — вот далеко не все проблемы, с которыми столкнулась Академия. В 1991 г. ситуация обострилась широкой кампанией дискредитации Академии наук в глазах общества, попытками отделить академическое сообщество от институтов и создать некую безликую ассоциацию институтов, распустить Академию по аналогии с ликвидацией союзных структур под предлогом борьбы с тоталитаризмом. В основе этого часто лежало понимание демократии как вседозволенности без серьёзной ответственности. Но Академия выстояла. Решающую роль сыграл здесь Указ Президента РФ от 21 ноября 1991 г. о воссоздании Российской Академии наук. Несмотря на тяжелейшие политические, экономические, социальные, психологические проблемы в стране, Академия наук сохранила своё единство, она остаётся главным научным центром России, одним из ведущих научных центров мировой науки. Об этом говорят и крупные научные достижения 90-х годов.

Ил. 18. И.В. Курчатов, главный научный руководитель атомного проекта в СССР, один из основоположников использования ядерной энергии в мирных целях

* * *

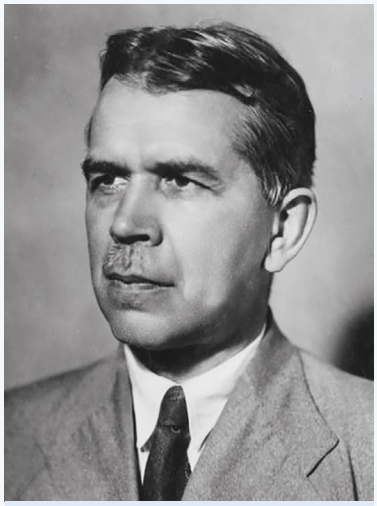
В юбилейном выступлении как-то не принято говорить о бедах и проблемах. Их у нас предостаточно, и они общеизвестны. Сегодня, в 275-й год существования Академии, мы можем сказать, что общими усилиями сохранили Академию наук — бесценное достояние России. Она живёт и развивается, она выдержала испытание временем. Она выдержала испытание временем в силу глубоких исторических традиций, цементирующих Академию, благодаря самоотверженному труду многих поколений наших сотрудников.

За 275 лет Россия сумела взрастить мощное, уникальное древо академической науки, принесшее замечательные плоды для своего народа, для мировой цивилизации, плоды, изменившие облик нашей страны. Не каждому государству такое по плечу.

ПРЕЗИДЕНТЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР

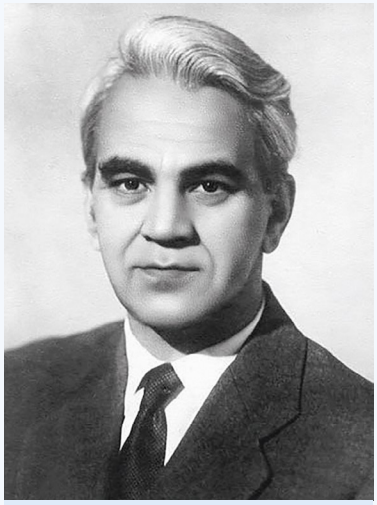
А.П. Карпинский
(1917–1936)

В.Л. Комаров
(1936–1945)

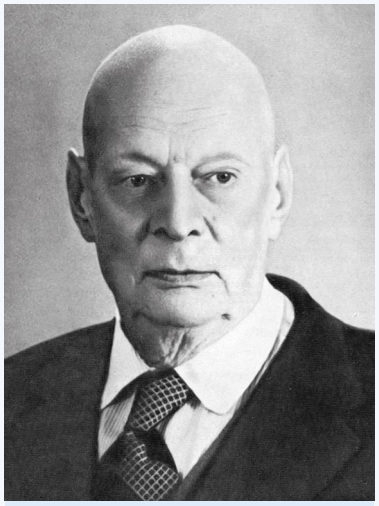


С.И. Вавилов
(1945–1951)

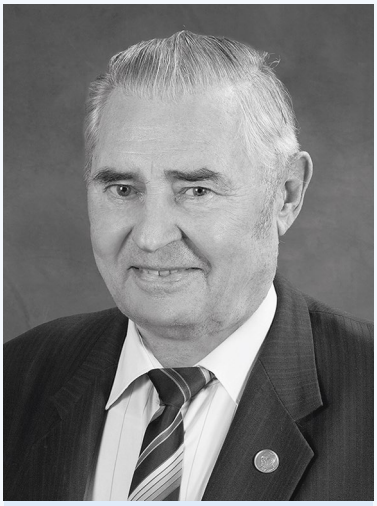
А.Н. Несмеянов
(1951–1961)



М.В. Келдыш
(1961–1975)



А.П. Александров
(1975–1986)



Г.И. Марчук
(1986–1991)

Бури и ураганы, проносящиеся над нашей Родиной, порой ломают её ветви, наносят глубокие раны. Но Академия, академическая наука остаются опорой для России во всех её основополагающих делах.

В заключение позвольте обратить внимание участников нашего юбилейного собрания, особенно присутствующего здесь премьер-министра и многих других государственных деятелей, на следующий слайд. На нём изображена Академическая печать 1735 г., сделанная по проекту выдающегося математика, конференц-секретаря Академии Христиана Гольдбаха (ил. 19). В центре на щите, наложенном на двуглавого орла — символа России, изображена богиня мудрости Минерва. Над щитом надпись: «Hic tuta perennat» — «Здесь она в безопасности на долгие годы».

Пожелаем, чтобы это было всегда так!

Ил. 19. Г. Гзель. Рисунок академической печати. Пергамен. Акварель. 17,5 × 24 см. 1735 г. СПФ АРАН. Р. IV. Оп. 4. Д. 1. Л. 6.

Доклад подготовлен при большой помощи вице-президентов, главного учёного секретаря, членов Президиума Академии наук, сотрудников аппарата, членов-корреспондентов А.Н. Сахарова, А.О. Чубарьяна, докторов наук В.М. Орла, Э.И. Колчинского, Е.Б. Рожковского, Н.И. Кузнецова. Всем им приношу искреннюю благодарность.

(Воспроизводится с некоторыми сокращениями, согласованными с Ю.С. Осиповым, по книге «Российская академия наук. 1724–1999: материалы юбилейных торжеств. М.: Наука, 1999)

Development and History of the Russian Academy of Sciences (RAS)

Report presented at the RAS General Assembly's Anniversary Meeting on June 3, 1999

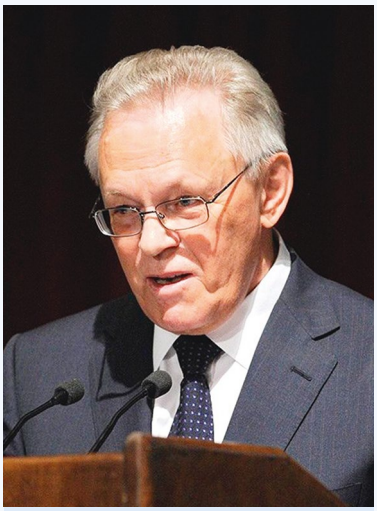
Yuriy Sergeevich Osipov — RAS academician, Doctor of Science (Physics, Mathematics), President of RAS (1991–2013).

The report provides a summary of the history of the Russian Academy of Sciences from its establishment by Peter the Great in 1724 through the end of the 20th century. It underlines Leonhard Euler and Mikhail Lomonosov's great contributions to the creation of the RAS. The paper provides numerous examples of outstanding academic achievements. It also highlights the Academy's immense contribution to the enhancement of the national defense capacity. The author concludes that the Academy has been and will continue to be a pillar of Russia's core endeavors.

Keywords: Russian Academy of Sciences, complex expedition studies, round-the-world journeys, periodic table of elements, cellular immunity, synthetic rubber, mineral deposit discovery, nuclear project, space exploration, strengthening national defense

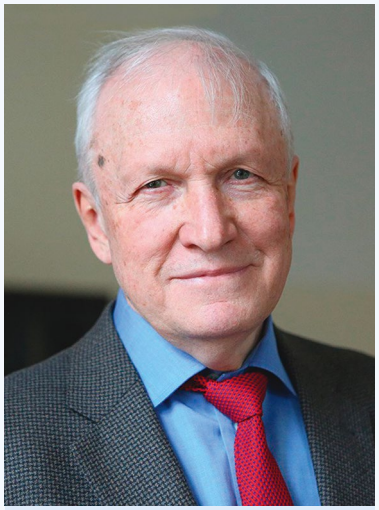
300 лет
Российская Академия Наук

ПРЕЗИДЕНТЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК



Ю.С. Осипов
(1991–2013)

В.Е. Фортов
(2013–2017)



В.В. Козлов
(2017)

А.М. Сергеев
(2017–2022)

Г.Я. Красников
(2022– н.в.)

ФАКТЫ, ИДЕИ, ОТКРЫТИЯ: ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ АКАДЕМИКОВ РАН — АВТОРОВ ЖУРНАЛОВ «ВЕСТНИК РГНФ» И «ВЕСТНИК РФФИ. ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Индекс УДК 008
Код ГРНТИ 26.03, 26.31, 00.11

А.А. ФУРСЕНКО*

О работе петербургских гуманитарных учреждений РАН

Статья посвящена истории и современному состоянию академических институтов гуманитарного профиля в Санкт-Петербурге, большинство из которых возникло на базе всемирно известных архивных и музейных коллекций. Анализируется тематика проводимых в этих институтах научных исследований. Констатируются критическое состояние многих из них вследствие остаточного принципа финансирования и необходимость их поддержки.

Ключевые слова: архивные и музейные коллекции, специальные исторические дисциплины, культурное наследие, остаточный принцип финансирования, аварийное состояние

Гуманитарные институты Санкт-Петербурга имеют одну важную особенность — почти все учреждения Академии наук представляют собой компактные, сравнительно небольшие по штату исследовательские коллективы, работающие на базе собственных архивных и музейных коллекций. Каждая из них является уникальным собранием мирового класса. Например, собрание древневосточных рукописей филиала ИВАН — одна из трёх крупнейших в мире (Петербург, Лондон, Париж) собранных ещё до революции коллекций восточных рукописей. Значительная часть коллектива Института занята их изучением, в том числе такой важной области, как история культуры сопредельных с Россией стран Востока.

Работы в этом направлении продолжают традиции дореволюционной школы ориенталистики, основанной на изучении восточных рукописей. Эта проблематика тесно связана с проектами «Эволюция национального состава Петербурга», а также

---

* **Фурсенко Александр Александрович** — академик РАН, доктор исторических наук, долгие годы был академиком-секретарём Отделения истории РАН, один из инициаторов создания РГНФ и член совета РГНФ.

«Этнографические проблемы Сибири», выдвинутыми в качестве приоритетных в плане работы Кунсткамеры. Хотя востоковеды и этнографы заняты исследованием этих проблем в рамках сугубо академических программ, ориентированных на фундаментальную науку, вполне очевидно, что их выводы могут иметь практическое значение.

Кунсткамера и Институт востоковедения — старейшие петербургские научные учреждения. Кунсткамера была основана Петром I в 1714 г., ещё до создания Академии наук (1724 г.). Институт востоковедения возник на базе образованного в 1831 г. Азиатского музея. То же самое можно сказать и о других академических институтах, которые со времени возникновения РАН и вплоть до 1920-х гг. играли главную роль в её деятельности, прежде всего в Петербурге, хотя затем, как известно, положение изменилось.

На протяжении XVIII, XIX и начала XX в. в Петербурге были собраны всемирно известные архивные и музейные коллекции, на базе которых возникло большинство ныне действующих гуманитарных институтов города. Основанная в 1834 г. Императорская археографическая комиссия явилась предтечей нынешнего филиала Института российской истории, в архиве которого хранятся родовые и семейные фонды выдающихся русских фамилий, бумаги Петра I и Екатерины II, материалы русских монастырей, акты средневековых итальянских городов и документы папской канцелярии.

Созданная в 1859 г. Императорская археологическая комиссия положила начало Институту истории материальной культуры, владеющему богатым археологическим и рукописным архивом, коллекцией изобразительных материалов и фотодокументов по истории Санкт-Петербурга. В Архиве АН, существующем с начала XVIII в., хранятся документы по всей истории отечественной науки, личные фонды таких её выдающихся деятелей, как М.В. Ломоносов, Г.Ф. Миллер, Л. Эйлер, президентов АН А.П. Карпинского и В.Л. Комарова, непременного секретаря АН С.Ф. Ольдербурга, фонды вице-президента В.А. Стеклова, академиков И.П. Павлова и А.Н. Крылова, И.Ю. Крачковского, А.А. Шахматова и многих других замечательных представителей российской науки.

Задуманный в 1905 г. как музей А.С. Пушкина, Пушкинский дом трансформировался в Институт русской литературы, где находятся рукописи великих русских писателей – Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Гоголя и многих других. В Пушкинском доме имеется знаменитое древлехранилище, представляющее собой коллекцию крестьянских библиотек, собранных на русском Севере; здесь же — автографы протопопа Аввакума и списки редчайших памятников древнерусской литературы, включая «Слово о погибели Русской земли». В Институте лингвистических исследований хранится единственная в своём роде картотека русского языка.

Чтобы дать представление о ценности этих собраний, приведу три примера. Согласно экспертной оценке, только рукописи Пушкина оцениваются в полтора млрд долларов. Лишь одна папская булла XI в. в собрании Института истории — в один млн долларов. Стоимость собрания восточных рукописей, по оценке покойного академика Б.Б. Пиотровского, сопоставима со стоимостью всех несметных сокровищ золотой кладовой Эрмитажа.

Архивы и музейные коллекции гуманитарных институтов всегда служили базой исследовательской работы, поддерживая и развивая созданную многими поколениями петербургскую школу гуманитарной науки. Петербургские научные учреждения оказались гарантом собраний историко-культурных ценностей, оплотом поддержания научных традиций, проложивших своего рода интеллектуальный мост между Россией, Западом и Востоком. В Петербурге были основаны получившие мировую известность школы русской и всеобщей истории, в области изучения русской литературы с древнейших времён и русского языка, литературоведения и лингвистики, востоковедения и археологии.

Ограничусь несколькими примерами того, как эта работа продолжается теперь. В на-

стоящее время петербургские историки (под редакцией акад. Б.В. Ананьича и при участии крупнейших специалистов по истории России) подготовили к печати фундаментальное издание «Власть и реформы в России. XVI – 20-е гг. XX в.». Речь идёт об изучении истории государственности от Московской Руси до наступления сталинизма. Изучались такие вопросы, как единство и разделение властей, соотношение центральной и местной власти, роль представительных учреждений в условиях самодержавия, функционирование государственного аппарата. Затем — проблема реформ и контрреформ, соотношение консервативной, либеральной и демократической идеологии в реформаторском процессе и т.д. Главная задача исследователей заключалась в том, чтобы проследить эволюцию власти в России, возможные параметры реформ, причины их удач и провалов.

Подобного рода постановка исследовательской темы имеет непосредственное отношение к современным проблемам изучения истории России. Вместе с тем, с моей точки зрения, в целом мы пока ещё не сумели сформулировать новую проблематику по советской истории с соблюдением всех академических правил. Конечно, прежде всего речь идёт о концептуальной перестройке. Но необходимой предпосылкой для успешного подхода к решению этой задачи являются также благоприятные условия работы в ранее закрытых советских архивах. Одна из проблем заключается в том, что для петербургских историков доступ к московским архивам стал почти таким же сложным, как к иностранным, из-за финансовых трудностей. Стоимость месячной командировки в Москву достигла астрономической суммы — свыше одного млн рублей.

На фоне современных проблем истории представляется с первого взгляда далёким от злободневности изучение такой области знания, как специальные исторические дисциплины: текстология, дипломатика, палеография, сфрагистика, нумизматика, историческая география и др. Значение этих дисциплин велико, и практически без них ни историческая наука, ни литературоведение существовать не могут. Когда-то именно петербургские учёные занимали в этой области лидирующее положение в мировой науке. Сохранение и развитие исследований в области специальных исторических дисциплин должно быть продолжено.

Многие годы в Петербурге регулярно публиковались ежегодники «Вспомогательные исторические дисциплины», «Труды Отдела древнерусской литературы», «Пушкинский Временник» и «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома», в редколлегию которых входят такие видные учёные, как акад. Д.С. Лихачёв и В.Л. Янин. Затем из-за финансовых трудностей в их публикации наступила пауза. Хочу выразить пожелание, чтобы РГНФ, уже поддержавший указанные издания, оказывал им помощь и впредь.

В результате пренебрежения к гуманитарным ценностям и гонений на учёных-гуманитариев после революции, репрессий и диктата в годы сталинщины и застоя гуманитарные учреждения оказались отодвинуты на задний план. По численности своей 11 гуманитарных институтов Петербурга сейчас насчитывают около 1500 человек. Это — менее десятой части штатного состава всех учреждений Петербургского научного центра. А общее финансирование гуманитарных институтов города сопоставимо с бюджетом одного крупного столичного института. По причине многолетней нищеты вследствие остаточного принципа финансирования культуры, не обошедшего стороной и Академию наук, гуманитарные институты, владеющие музейными и гуманитарными коллекциям мировой значимости, оказались сегодня перед лицом опасности, угрожающей их дальнейшему существованию. Ряд зданий находится в аварийном состоянии, многие коллекции документов и музейные экспонаты хранятся в условиях, ведущих к их утрате в ближайшем будущем. Буквально на грани прорыва находятся тепло- и водокоммуникации, что уже не раз приводило к затоплению архивохранилищ и библиотек. Отсутствует даже пожарная и охранная сигнализации. Это создаёт предпосылки для таких поистине национального масштаба

бедствий, как случившийся несколько лет назад пожар в Библиотеке АН.

Основанная в 1714 г. Петром I, эта библиотека положила начало государственным научным и публичным библиотекам России. По величине и ценности своих фондов (19 млн томов), включая рукописные, она входит в пятёрку крупнейших библиотек мира. Но нагрузки хранения книг в ней превышают почти в два десятка раз установленные нормы. После пожара много говорили о том, что БАН будут выделены дополнительные площади, чтобы расчистить завалы и предотвратить новую катастрофу. Но теперь все эти обещания давно забыты.

Подчёркивая важность поддержки исследований русской старины и богатейшего культурного наследия зарубежных стран, которым мы располагаем, не следует умалять значения новых успешно развивающихся в Петербурге научных школ, таких, например, как социологическая или экономико-математическая. Наоборот, в предложенной нами и частично финансируемой РГНФ гуманитарной программе «Возрождение Санкт-Петербурга», завершение которой приурочено к исполняющемуся в 2003 г. 300-летию города, социологам и специалистам в области экономико-математических методов отводится важное место. С целью разрешения существующих в петербургской гуманитарной науке трудностей президент РАН Ю.С. Осипов, мэр города А.А. Собчак, академик Д.С. Лихачёв и автор этих строк обратились в конце января 1992 г. с письмом к президенту России Б.Н. Ельцину, описав критическое состояние петербургской гуманитарной школы и хранилищ. В этом письме предлагалось рассмотреть вопрос о дополнительном целевом финансировании гуманитарных учреждений, а также о создании в Петербурге Центра гуманитарной науки РАН, в котором было бы обеспечено взаимодействие академических учреждений с системой высшего и среднего образования. Совместно с руководителями петербургских гуманитарных учреждений были подготовлены конкретные предложения для такого рода решения и переданы правительству.

Хочу выразить пожелание, чтобы в дальнейшем РГНФ, принимая во внимание особенности петербургской гуманитарной науки, уделял должное внимание поддержанию проектов петербургских учёных, направленных на разработку актуальных вопросов фундаментальной гуманитарной науки, поддержанию научных школ и традиций Петербурга.

(Воспроизводится по: Вестник РГНФ. 1996. № 1. С. 22–25)

St. Petersburg Humanitarian Institutions of the Russian Academy of Sciences

Aleksandr Aleksandrovich Fursenko — RAS academician, Doctor of Science (History), long-time Academic Secretary of the RAS History Department, one of the founders and board members of the Russian Humanitarian Scientific Foundation.

St. Petersburg, most of which were founded on the basis of globally renowned archives and museum collections. The author studies the themes of scientific research conducted in these institutions. According to the study, the majority of these institutions are in catastrophic condition as a result of inadequate funding. It is argued that due care should be taken to support the humanitarian institutions of St. Petersburg.

Keywords: archival and museum collections, auxiliary sciences of history, cultural heritage, scarce funding, emergency condition

Индекс УДК 8.81
Код ГРНТИ 16.21

Н.Ю. ШВЕДОВА*

Русский семантический словарь: опыт описания лексики как системы

В статье подводятся теоретические итоги многолетней работы большого коллектива академических лексикологов и лексикографов над новым в российской и мировой лексикографии типом словаря — «Русским семантическим словарём», представляющим лексику как исторически сложившуюся естественную систему в виде лексического древа, членящегося на лексико-семантические классы, в основе которых лежит система частей речи. Членение лексического древа доведено до лексических рядов, включающих отдельные слово-значения. Утверждается тезис о глубинном изоморфизме между строением лексико-аналитического класса и многозначного слова.

Ключевые слова: семантический словарь, лексика как система, лексическое древо, система частей речи, лексико-семантический класс, лексический ряд, слово-значение, грамматика слова, многозначное слово, изоморфизм

В Институте русского языка РАН при поддержке Российского гуманитарного научного фонда заканчивается большой коллективный труд «Русский семантический словарь (опыт описания лексики как системы. Толковый словарь, представленный в лексико-семантических классах слов)». Авторы поставили перед собой задачу осуществить первое в лексикографии описание современной русской лексики, которое представило бы её как естественную исторически сложившуюся систему, показало бы само строение этой системы и все единицы, ей принадлежащие. В качестве исходного материала исследователи использовали все современные русские толковые словари, специально создаваемые картотеки, отражающие живые процессы в современной русской лексике, специальные языковые словари — грамматические, орфоэпические, фразеологические, словообразовательные, терминологические, отраслевые справочники и энциклопедии, а также академические грамматики 1970–1989 гг.

В распоряжении авторов была вся специальная лингвистическая литература, многочисленные статьи и диссертационные исследования, посвящённые отдельным группам слов, а также достаточно субъективные систематизации слов, осуществлявшиеся по принципам «идеографической лексикографии», т.е. на основе

* **Шведова Наталия Юльевна** — академик РАН, доктор филологических наук.

неязыковых и заведомо неполных классификаций, которые строятся «от понятий», избираемых по усмотрению составителей. Корпус книги складывался из русских толковых словарей: из них было извлечено около 400 000 единиц, основные характеристики которых (значения, грамматические свойства, связи и отношения с другими единицами) предстояло изучить и описать в составе принадлежащих самому языку лексических классов, входящих в них множеств и подмножеств. В качестве первичной языковой единицы, подлежащей изучению как самой по себе, так и с точки зрения её отношения к другим таким единицам и к объединяющим их множествам, было принято значение слова (слово-значение), при полисемии — входящее в семантическую структуру многозначного слова, при моносемии – составляющее собственно однозначное слово.

Исходной теоретической предпосылкой явилось положение, согласно которому лексический и грамматический строй языка составляют единое целое; основа этой целостности образуется тем, что и грамматические, и лексико-грамматические категории изначально абстрагированы от слов и от их подчинения неким общеязыковым законам. Одной из высших ступеней обобщения отношений между грамматическими законами и словесным составом языка является система частей речи; она и была положена авторами словаря в основу первоначальной систематизации слов (значений).

Из всех существующих представлений русских частей речи было принято то, которое опирается не только на собственно грамматические, формальные свойства слов, но также и на их функции, причём функциональный признак применительно к некоторым классам слов оказывается доминирующим. В вершине классификации стоит собственно слово, которое далее представлено в пяти исходных макроклассах; слова, именующие предмет или процессуальный либо непроцессуальный признак (имена существительные, глаголы, имена прилагательные, наречия и предикативы), слова указующие (местоимения), слова счётные, слова связующие (предлоги, союзы, связки) и их аналоги и слова квалифицирующие (модальные слова, частицы). Каждый из этих классов был изучен с точки зрения его состава и строения.

Результатом таких изучений явились предстающие в виде разветвлённого древа многоступенчатые классификации, отражающие естественное строение каждого класса и отношения между входящими в него множествами. Класс предстаёт как исторически сложившаяся языковая система, сочетающая в себе такие участки (подсистемы), которые находятся друг с другом в тесных связях и взаимодействии, которые оказываются друг с другом в отношениях порождения и соподчинения, в общем виде — в отношениях ступенчатой инклюзии.

Лексическое древо, репрезентирующее словесный класс во всём его сложном устройстве, представляет собой разветвлённую языковую организацию, каждая из ветвей которой существует под эгидой системы в целом. Естественность и безостаточность полученных классификаций, проверка их с точки зрения пополнения и утрат, анализ их отношений с лексическими классами других частей речи утверждают тезис, согласно которому словесный состав языка представляет собой исторически сложившуюся живую систему и существует по законам, принадлежащим естественной системе.

В соответствии с разработанными классификациями все слово-значения в «Русском семантическом словаре» располагаются по лексическим классам, их множествам и подмножествам. Словарная статья строится по шести зонам: 1) исходное слово; 2) его грамматическая и орфоэпическая характеристика; 3) его дефиниция; 4) иллюстративная часть; 5) словообразовательное гнездо; 6) фразеологическое «поле» данного слово-значения, включающее идиомы, устойчивые речения (эти последние во всех необходимых случаях снабжаются этимологическими справками). При описании слова последовательно принимаются

во внимание и фиксируются современные общеязыковые употребления: актуальные новации, живые тенденции в развитии семантической структуры слова.

Словарь состоит из шести томов, охватывающих лексику всех частей речи и описывающих ее по названным выше параметрам.

Том I — Предисловие. Справочный аппарат. Общая классификация русской лексики (Схема). Словарь: слова указующие и счётные; слова, называющие всё живое (живые существа, растительный мир). Словоуказатель.

Том II — Слова, называющие неживое (природные образования; продукты деятельности человека). Словоуказатель.

Том III — Слова, называющие отвлечённые понятия (бытие, духовный мир человека). Словоуказатель.

Том IV — Слова, называющие непроцессуальные признаки (имена прилагательные, наречия, предикативы). Словоуказатель.

Том V — Слова, называющие процессуальные признаки (глагол).

Том VI — Слова, называющие процессуальные признаки (глагол: окончание). Слова связующие и квалифицирующие. Словоуказатель к V и VI томам.

Каждый том открывается классификационными схемами, они показывают лексическое древо, снабжённое необходимыми комментариями.

Работа над «Русским семантическим словарём» привела её авторов к важным теоретическим выводам и обобщениям.

1. В давних спорах о том, является ли словесный состав языка функционирующей системой или он есть не что иное, как бесконечное и неупорядоченное множество слов, оказывается убедительно продемонстрированной первая точка зрения: лексика, так же, как и грамматика, существует и развивается как система, способная быть представленной в категориях, ей самой принадлежащих. И в том, и в другом случае мы имеем дело с высокой ступенью абстракции: как грамматическая категория представляет собой абстракцию от бесконечного числа словоформ и отношений между ними, так и лексическое древо в самом своём строении есть конструкт, отвлечение от бесконечного числа слов и существующих между ними связей и отношений. И в грамматическом строе, и в своём словесном составе язык открывает перед нами сложные и многоуровневые устройства, законам и правилам которых подчиняются все отдельные единицы языка.
2. Лексический класс и каждое из его подмножеств имеют собственное строение; виды этого строения различны для классов, охватывающих разные части речи; однако в любом случае класс строится по законам вычленения нижеследующей ветви из вышестоящей и, следовательно, обязательного включения нижестоящей ветви в вышестоящую.

Как уже было сказано выше, первичным (исходным) основанием для классификации лексики признается тезис, согласно которому частеречное значение является конечной абстракцией от всех значений слов, образующих данную часть речи; таковы, например, значения предметности, процессуального и непроцессуального признака, а также пересекающиеся с частеречными значения местоимённости и счётности, для так называемых служебных слов — значения собственно связей и отношений.

Применительно к каждому из таких принадлежащих языку лексико-грамматических классов группируются все массивы охватываемых ими слов. Так выделенный словесный массив обнаруживает принадлежащее ему естественное членение на лексические классы, объединяющие в себе некие первоначальные семантические общности — лексические подклассы; эти общности образуют ту основу, на которой языком выстраиваются более частные лексические разряды и подразряды и далее — все составляющие их иерархически расположенные группировки — все нисходящие ветви лексического древа, возглавляемого частеречным (лексико-грамматическим)

значением, и — подвершинно (на второй и третьей ступенях разбиения) — семантикой лексического класса и подкласса.

Внутри лексических подклассов в качестве их естественных составляющих открываются лексические разряды и подразряды, объединённые некоей абстрактной семой (например, глаголы движения, именования лиц, именования непроцессуальных признаков по их отношению к процессу). Эти разряды обнаруживают собственное семантическое строение — членение на множества, доходящее до конечных лексических рядов и отражающее способность центральной семы представать в разнообразных модификациях и сужениях. Все соответствующие шаги приводят к такому построению разветвлённого лексического древа, которое отражает естественное и весьма сложное устройство изначально выделяющегося словесного массива.

Корректность построения лексического древа и естественность оснований, на которых базируется это построение, подтверждается следующим:

а) принадлежностью лексическому древу черт, общих другим высшим языковым абстракциям: это древо в совокупности всех своих ветвей предстает как исторически сложившаяся естественная система, по своим основным характеристикам и свойствам совпадающая, с одной стороны, с характеристиками и свойствами грамматических категорий, с другой стороны — с характеристиками и свойствами многозначного слова как языковой микросистемы (см. об этом п. 4);

б) включённостью каждой нисходящей ветви лексического древа в вышестоящую и невозможностью её включения в какую-либо другую ветвь верхней ступени того же уровня;

в) открытостью конечного ряда для словесных новаций (новых слово-значений), естественностью вхождения новаций в принимающий их словесный ряд — со всем тем кругом языковых движений внутри этого ряда, которым сопровождается такое вхождение;

г) безостаточностью классифицируемого словесного массива, границы которого определяются всей полнотой фиксаций в современных лексикографических источниках.

Таким образом, открывается возможность изучения типологии лексических классов и их отношений друг с другом; встаёт вопрос об открытых и закрытых лексических множествах и о законах существования тех и других. Иными словами, лексический класс, выступающий в словарном представлении, его строение и его история, его отношение к другим классам оказываются особым и специфическим объектом лингвистического исследования.

3. Лексический класс в целом и каждое из его подмножеств имеют свою грамматику, свои формальные грамматические характеристики. Эти характеристики складываются из общих грамматических свойств данного лексико-грамматического класса и из тех грамматических черт, которые, в своей совокупности, характерны именно для данной лексической организации. Это положение, само собою и с полной ясностью открывающееся в результате изучения разных лексических множеств, ставит новый круг задач перед исследователями, занимающимися так называемой формальной грамматикой и отношениями между грамматикой и лексикой: предстоит изучить грамматику частных лексических группировок и представить её как характерное свойство именно данного лексического множества. Такие изучения под новым углом зрения покажут ставший уже тривиальным, но строго исследовательски не подтверждённый тезис о коренных связях грамматики и лексики, имеющиеся частные наблюдения найдут при этом убедительные общетеоретические и практические подтверждения.

4. Существует глубинный изоморфизм между строением лексического класса и многозначного слова: они сходны по своему устройству, по тенденциям

развития, по своему отношению к языковым новациям и к разностилевым компонентам, тяготеющим к их составу. В слове, как в микромире, отражаются все основные свойства лексического класса как макромира. Это объяснимо, т.к. и то, и другое представляет собой сложившуюся целостность значимых единиц одной и той же природы: слово существует как иерархически организованная целостность слово-значений, лексический класс — как многоступенчатая целостность множеств, объединяющих такие же значения. Речь идёт о многозначном слове, однако существование однозначных слов не противоречит сказанному: любое слово всегда заключает в себе готовность к семантическим модификациям, потенциал смысловых суждений и расширений.

Говоря об изоморфизме слова и лексического класса, следует помнить, что при этом сопоставляются не отдельное слово с отдельным лексическим классом, а общие для всех слов и для всех классов черты строения и закономерности развития. Эта общность не абсолютна, но характерно, что черты различия выступают на фоне сходства, и это сходство с очевидностью доминирует над различием этих двух основополагающих языковых систем — лексического класса как макросистемы и слова как такой микросистемы, общеязыковые свойства которой формируются путём отвлечения от индивидуальных свойств отдельных и неисчислимых единиц, присутствию которых лексический класс обязан самим своим существованием.

Выявляется несколько безусловных черт сходства в строении слова и лексического класса.

1) Как слово, так и лексический класс представляет собой многоступенчатую целостность, объединяющую в своём составе такие участки, которые сочленены в определённую систему: в составе класса это все его подмножества и подчинённые им ветви, в слове это все его отдельные значения и отходящие от них «оттенки», также тесно сплетённые в единое целое. И в том, и в другом случае составляющие системы находятся друг с другом в отношениях взаимной зависимости: это не простое соположение компонентов, а отношения порождающего и порождаемого; и в слове, и в лексическом классе присутствует возникающая в самом ходе развития связь между теми целостностями, которые являются компонентами их структуры.
2) Как слово, так и лексический класс представляют собой ступенчатую организацию: и в том, и в другом случае ступени нисходят от общего к частному, от производящего к производному. Для лексического класса такая черта является конструктивной, она обязательна и постоянна: это всегда сужение. Для семантической структуры слова эта черта характерна, но не абсолютна; модификации значений разнообразны: это может быть как сужение, так и расширение производящего значения; однако и само расширение значения, по-видимому, может рассматриваться как один из видов семантического включения.

В целом же картина достаточно очевидна: лексическое древо предстаёт как разветвление семантически дифференцируемых, сужающихся ветвей, слово — как семантическая структура, расчленяющаяся по направлению от общего к частному; даже в тех случаях, когда вычленяющееся значение оказывается более широким по сравнению с вычленяющим, отношения порождения всегда остаются одной из ступеней, идущих от смыслового исхода к завершающим ступеням целостного построения.

3) Как слово, так и лексический класс являются открытой системой. Слово постоянно развивается, образует новые значения, всегда при этом сохраняя «спящие», но готовые по-разному напомнить о себе значения старые или устаревшие. Открытость слова состоит в его разнообразных взаимодействиях с другими лексическими единицами — через словопроизводство, синонимику,

омонимические отталкивания; практически ни одно слово не существует вне взаимодействий с другими словами или фразеологизмами.

Та же черта характерна и для лексического класса: он открыт для образования новых единиц — лексических рядов, образующихся в результате появления новых слов и значений, заимствований, интернациональных включений. Однако ни в слове, ни в лексическом классе открытость не колеблет целого, а лишь обогащает его и стимулирует его естественное развитие и разветвление.

4) Слово и лексический класс сходны по характеру происходящих в них и обусловленных развитием языка внутренних движений. И там, и там перед нами — живая, движущаяся и непрерывно развивающаяся система, в самой себе заключающая потенциал расчленения и обогащения: в границах слова формируются новые семантические единицы, порождаемые самим словом как знаком, обращённым вовне — к реалиям, требующим именования, к другим словам и связям между ними. В границах лексического класса формируются (но гораздо постепеннее, чем в слове) новые обогащающие его компоненты — лексические ряды, в процессе развития словаря вычленяющиеся из конечных ветвей лексического древа.
5) Как слово, так и лексический класс обладают собственным производящим потенциалом. В слове — это способность каждого из значений к словопроизводству, способность образовать другие единицы, принадлежащие как к тому же самому, так и к другим классам и распределяющиеся по самым разнообразным множествам. В лексическом классе — это его мощный потенциал взаимодействия с другими классами, осуществляющийся по общим законам словообразования и межклассных семантических связей.
6) Слово и как совокупность внутренне связанных значений, и как отдельное слово-значение имеет свою грамматику — предписанную ему языком парадигму (кстати, довольно часто им к себе приспосабливаемую), также диктуемые ему языком синтаксические связи. Свою грамматику имеет и лексический класс: в круг его характеристик обязательно входят как общие для всего класса, так и для его подмножеств правила словоизменения и синтаксической сочетаемости, а также — и в первую очередь: те грамматические черты, на которых складывается индивидуальная характеристика того или иного лексического множества. Грамматика слова — со многими условно допускаемыми ограничениями — показывается в словарной статье; грамматика лексического класса в лингвистических описаниях ограничивается сообщением о ней в терминах и категориях частей речи и в соответствующих границах; грамматика отдельных подмножеств, отдельных ветвей лексического древа характеризуется очень бегло или вообще остаётся вне поля зрения исследователя. Между тем наука о словесном составе языка, претендующая на всестороннее описание лексики, обязательно должна иметь своим предметом все те как общие, так и частные грамматические характеристики, которые вместе с семантикой слов, образующих данное множество, с его «семантической сеткой» составляют сущностную черту этого множества.
7) Как для лексического класса и любого из образующих его множеств, так и для многозначного слова характерно то, что можно назвать «стилистической всеядностью»: внутри словесной системы и её подсистем существуют единицы разной, очень часто противоположной стилистической значимости; это объясняется множественностью и разнообразием путей формирования и пополнения лексики, принципиальной открытостью её состава. В многозначном слове свободно соседствуют значения, принадлежащие к самым разным языковым сферам: к нейтральной, книжной или высокой речи, к речи узкоспециальной или про-

фессиональной, к просторечию, жаргонам, к диалектам, взаимодействующим с общенациональными нормами; слово отличается высокой семантической активностью, оно стремится свободно действовать во всём языковом пространстве, которое для него всегда открыто.

То же самое относится и к широте охвата словесных единиц, относящихся к разным периодам в истории языка: лексический класс свободно охватывает словесные массивы, складывающиеся на протяжении нескольких эпох; многозначное слово включает в свою семантическую структуру как живые, активные значения, так и значения устаревающие или старые; в зависимости от задач предпринимаемого лексикографического труда в словарной статье описывается или весь исторически сложившийся состав значений слова со всеми связывающими их переходами, или показывается только тот или другой его синхронический «срез».

На фоне показанного сходства отчётливо выступают черты различия, обусловленные знаковой природой слова и природой лексического класса как языковой абстракции.

1. Слово есть знак; за ним стоят, с одной стороны, понятие, с другой — сама именуемая реалия, в нём заключён потенциал неких взаимоотношений, связей как с понятием (сигнификатом), так и с конкретной «жизненной» данностью (денотатом). Лексический класс как целостная организация не обладает таким потенциалом; это конструкт, абстракция от отношений между словесными целостностями, именно благодаря этим отношениям организованными в систему. Здесь уместна аналогия между лексическим классом и грамматической категорией. В обоих случаях языком представлена высокая ступень абстракции: в грамматической категории это абстракция от значений словоформ, в лексическом классе — от семантических характеристик его подмножеств. Как грамматическая категория, отлившись в языковую абстракцию, существует уже над породившими её и подчиняющимися ей единицами, так и лексический класс, сложившись в систему связей и отношений между словесными группировками, существует уже сам по себе и независимо от существования или несуществования какой-то отдельной единицы в составе той или иной такой группировки.
2. Слово обращено к речи: речь — устная и письменная, социально нормированная или индивидуальная, отклоняющаяся от нормы, — сфера его существования. Именно поэтому слово, непосредственно взаимодействуя с говорящим и пишущим, открыто для индивидуальных осмыслений и переосмыслений, для неожиданных столкновений; сама знаковая природа слова позволяет ему расширять круг именуемого, делает его предметом творчества, художественного мастерства.

Лексический класс обращён непосредственно к тем связям и отношениям, которые формируют языковую систему. Никакая индивидуальная деятельность в границах класса или входящего в него множества невозможна — так же, как невозможна такая деятельность в сфере грамматики, её категорий и форм: редкие попытки выглядят странно и никогда не принимаются языком.

3. В слове переход от одного значения к другому происходит плавно и постепенно: будь то сужение или расширение значения, преобразование его в связанный компонент фразеологизма — здесь всегда существуют промежуточные ступени, связующие звенья между семантическими наращениями или утратами. Между множествами и подмножествами лексического класса таких переходов нет. Связь между лексическими множествами — это сложившаяся связь вычленённости нисходящей ветви в вышестоящую. Эти отношения между подмножествами закреплены структурно: ими создаётся лексический конструкт, принадлежащий языковой системе в целом. В слове заложена постоянная и высокая

семантическая продуктивность, обеспечивающая развитие самых разнообразных словесных семантических структур; продуктивность класса, т.е. способность порождать и вычленять новые ветви, не идёт ни в какое сравнение с продуктивностью слова: если в слове её можно наблюдать «невооружённым глазом», то в лексическом классе соответствующие процессы обнаруживаются лишь в результате специальных исторических разысканий.

На основе «Русского семантического словаря» создаётся компьютерная версия нового русского толкового алфавитного словаря в двух томах. Этот алфавитный словарь построен не по принципу «упорядоченного беспорядка», а как произведение, каждая статья которого вписывается в лексическую систему и в миниатюре представляет одну из единиц, участвующих в строении этой системы. Читатель, пользующийся таким словарём, естественно подойдёт к сопоставлению близких лексем и получит возможность сравнить их, опираясь на параметры, заложенные в самой системе. Таким образом, из простого собрания слов и из справочного пособия традиционный толковый словарь превращается в такое произведение, которое строго и точно отражает свойства слов как единиц, через ступень того или иного подмножества входящих в целостную языковую организацию.

Работа над «Русским семантическим словарём» близка к завершению. Эта книга будет иметь большое значение как для теории слова, так и для практической лексикографии. По своему жанру «Русский семантический словарь» является новым словом как в русской, так и в инославянской лексикографии. Слово как живая и развивающаяся единица предстанет здесь в том окружении, в котором оно непосредственно существует и с которым оно взаимодействует. Словарь даст новые и тщательно разработанные материалы для русских словарей разных жанров: толковых, синонимических, фразеологических, словообразовательных, исторических. Семантические классификации, которые легли в основу «Русского семантического словаря», охватывают основной состав современной общелитературной лексики и граничащего с ней просторечия, сами по себе имеющие большую научную ценность, дадут надёжные материалы в руки языковедов-лексикологов, специалистов по словообразованию и идиоматике.

(Воспроизводится по: Вестник РГНФ. 1996. № 1. С. 220–227)

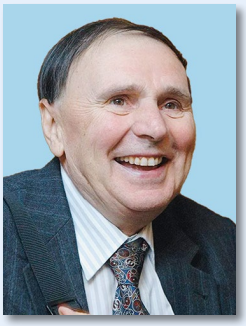
Russian Semantic Dictionary: Lexicon as a System

Natalia Yulievna Shvedova — RAS academician, Doctor of Science (Philology).

The paper sums up the theoretical achievements of a team of academic lexicologists and lexicographers who created the Russian Semantic Dictionary, a new dictionary in Russian and global lexicography. This dictionary describes the lexicon as a historically established natural system that is presented as a lexical tree divided into lexical-semantic classes based on the system of parts of speech. The classification of the lexical tree is extended to lexical chains, which include individual word meanings. The author argues that the structure of a lexical-analytic class is deeply isomorphic to that of a polyseme.

Keywords: semantic vocabulary, lexicon as a system, lexical tree, system of parts of speech, lexical-semantic class, lexical chains, word meaning, word grammar, polyseme, isomorphism

Индекс УДК 904
Код ГРНТИ 03.23.23, 6.31



А.А. ЗАЛИЗНЯК,
В.Л. ЯНИН*

Новгородская псалтырь начала XI в. — древнейшая книга Руси (Новгород, 2000 г.)

В статье описывается и анализируется сенсационная находка Новгородской археологической экспедиции 2000 г.: самая ранняя из дошедших до нас книг Древней Руси и самая ранняя из удовлетворительно датированных славянских книг — Новгородская псалтырь, написанная на трёх покрытых воском дощечках. Книга датируется последними годами X – первым двадцатилетием XI в. Делается два важных вывода: родным языком писца был древнерусский; в тексте ощутимо влияние апокрифической литературы.

Ключевые слова: берестяные грамоты, древний кодекс, липовые дощечки, письмо по воску, цера, писало, радиокарбонный анализ, церковнославянский язык русского извода, одноеровая графическая система, палеография, ритуальные формулы, варианты перевода, связь с язычеством, апокрифическая литература

Ежегодно открываемые в процессе раскопок древности Великого Новгорода не перестают поражать воображение. Новгородская археологическая экспедиция, основанная А.В. Арциховским в 1932 г., работает почти семьдесят лет, но не было полевого сезона, результаты которого не ставили бы новые, подчас совершенно неожиданные проблемы. С момента обнаружения первых берестяных грамот в 1931 г. расширение научной программы экспедиционных работ стало базироваться на нерасторжимом единстве вещественных и письменных источников. Среди последних — вновь открываемые берестяные тексты, которые персонифицировали исследуемые жилые комплексы X–XV вв., открыв исследователям имена их владельцев и прочих жителей древних усадеб.

Начиная с 1973 г. раскопочные работы были сосредоточены в Людином конце

* **Зализняк Андрей Анатольевич** — академик РАН, доктор филологических наук.
Янин Валентин Лаврентьевич — академик РАН, доктор исторических наук, один из инициаторов создания РГНФ, член совета РГНФ (1996–2003), награждён Большой Золотой медалью им. М.В. Ломоносова РАН.

Софийской стороны, на раскопе, получившем название «Троицкого» по расположенной по соседству средневековой церкви. К концу полевого сезона 2000 г. исследованная площадь этого раскопа превысила 6000 кв. м. Здесь были вскрыты многоярусные мостовые трёх древних улиц — Черницыной, Пробойной и Ярышевой — и исследованы древности четырнадцати усадеб. В последние шесть лет главным объектом исследования стала усадьба «Е» (руководит этими работами А.Н. Сорокин), резко отличающаяся от соседних дворов громадными размерами. Она имеет площадь около 1200 кв. м, что вдвое, а порой и втрое превосходит площадь соседних весьма элитарных усадеб. Раскопками 1998 и 1999 гг. было выяснено, что усадьба «Е» имела не жилое, а общественное назначение. Во второй – четвёртой четвертях XII в. здесь размещался «сместной» суд князя и посадника (см. «Вестник РАН», 1999, т. 69, № 7), а во второй трети XI – первой четверти XII в. усадьба «Е» служила местом, куда стекались государственные доходы Новгорода и где они распределялись по принадлежности статьям бюджета (см. «Вестник РАН», 2000, т. 70, № 8).

Сезон 2000 г. начался приятной неожиданностью. В слое первой трети XI в. был обнаружен небольшой лист бересты, на обеих сторонах которого процарапаны изображения человеческих фигур. Изображение на одной стороне опознаётся как образ Иисуса Христа. Фигура на другой стороне обозначена хорошо читаемой надписью «Варвара» и стоящей перед ней буквой «а» в кружке, что является привычным сокращением греческого слова «святой». Образ св. Варвары передан в полном соответствии с каноном: святая в короне держит в руке мученический крест.

Находка сразу же породила проблему. Усадьба «Е», на которой она была обнаружена, находится на древней Черницыной улице, которая получила своё название от некогда расположенного на ней девичьего монастыря св. Варвары. Разумеется, в первой трети XI в. никакого монастыря здесь быть ещё не могло: самые ранние монастыри на Руси возникают лишь во второй половине XI в., а новгородский Варваринский монастырь впервые упомянут в летописи под 1138 г., т.е. более чем на сто лет позднее нашей находки. Оказывается, св. Варвара особенно почиталась на славянском побережье южной Балтики, а именно оттуда в Новгород пришли первые славянские поселенцы, потомки которых и в дальнейшем не теряли связей со своей прародиной. Св. Варвару считали покровительницей рыбаков и мореходов. Отметим, что в тех слоях, в которых обнаружена эта находка, предметы, связанные с рыболовством, встречены в изобилии.

И ещё одна любопытная деталь. Под изображением св. Варвары на бересте процарапана дата, читаемая как 6537 год (от сотворения мира), что соответствует 1029 г. н.э. Первая, третья и четвёртая цифры переданы славянскими знаками, а вторая, по предположению С.Г. Болотова, — латинским знаком. Значит, изобразил св. Варвару человек, который затруднился передать обозначающую 500 цифру по-славянски, но знал, как её пишут в соответствии с западной традицией. Можно полагать, что принесённое в Людин конец Новгорода из южной Балтики почитание св. Варвары оказалось столь прочным, что спустя несколько десятилетий после 1029 г. в её честь именно здесь был основан монастырь.

Но главное событие сезона было впереди. 13 июля 2000 г. на Троицком XII раскопе из напластований I четверти XI в. была извлечена уникальная находка — древняя книга (кодекс) с текстом, написанным по воску. Кодекс представляет собой так называемый триптих: он состоит из трёх деревянных (липовых) дощечек размером 19×15×1 см. Каждая дощечка имеет прямоугольное углубление (15×11,5 см), залитое воском; средняя дощечка имеет такие углубления с двух сторон. Таким образом, кодекс содержит четыре восковых страницы (так называемые церы). Внешние стороны первой и последней дощечек играют

роль «обложек» кодекса. Дощечки имеют на краях отверстия, в которые вставлены деревянные штыри для соединения их в единый комплект.

Хорошо известно, что церы — навощённые деревянные таблетки — широко употреблялись для письма в Древних Греции и Риме, а также в средневековой Западной Европе. Иногда соединялись в «кодекс» пять и более дощечек, образуя «полиптих», но чаще бытовали, как и в нашем случае, соединения трёх дощечек — «триптихи». Орудием письма на церах служили «стилосы» — металлические или костяные стержни, заострённые для писания по воску на одном конце и снабжённые плоской лопаточкой для стирания написанного – на другом. Иногда (в Италии, Румынии, Германии, Польше и других странах) находили кодексы с сохранившимся на воске текстом.

Что касается средневековой Руси, то в литературе долгое время существовало высказанное в 1928 г. мнение крупнейшего палеографа академика Е.Ф. Карского о том, что Русь не знала письма по воску. Это мнение стало сомнительным после многочисленных находок в Новгороде и других древнерусских городах «стилосов» (они на Руси назывались писалами). Такие инструменты (их в одном только Новгороде найдено около 250) имеют обязательную лопаточку, бесполезную для берестяного письма. Когда же стали находиться в новгородских раскопках и сами церы, стала окончательно ясна ошибочность мнения маститого палеографа. Всего до 2000 г. было найдено 12 цер, некоторые из них на обороте и на бортиках снабжены азбукой, что указывает на их использование в обучении письму. На одной цере сохранились остатки воска с фрагментами написанного. Все прежние находки имеют небольшой размер, будучи подобиями позднейших записных книжек (см.: Рыбина Е.А. Церы из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1994. Вып. 8).

К сожалению, кодекс в момент находки получил повреждение. Уже начатая и ныне продолжающаяся работа по его реставрации должна вернуть его к состоянию, близкому к первоначальному. Исключительная сложность реставрации в данном случае связана прежде всего с тем, что невозможно сохранить оба элемента кодекса — дерево и воск, предварительно их не разделив.

Дело в том, что сохранность кодекса, пролежавшего в земле около тысячи лет, обеспечена тем, что его дощечки насквозь пропитаны влагой, в силу чего к ним не было доступа воздуха и, следовательно, отсутствовали условия жизнедеятельности микроорганизмов, вызывающих процессы гниения. Опыт стабилизации мокрой древесины древних деревянных изделий диктует использование полиэтиленгликолей для замещения вытесняемой ими влаги — процедура, требующая длительного использования термостатов и противопоказанная одновременной сохранности воскового покрытия цер. В мировой реставрационной практике задача, вставшая перед экспедицией, была беспрецедентной. И величайшим счастьем стало согласие В.И. Поветкина после долгих и мучительных колебаний приступить к операции предварительного перенесения воска новгородских цер на другую основу. В.И. Поветкин, художник и скульптор, обладающий золотыми руками и многолетним опытом восстановления древних новгородских музыкальных инструментов по их ископаемым остаткам, добился в реставрации цер несомненного успеха.

Датировка кодекса определяется в первую очередь тем, что он лежал в полуметре от края и на 30 см ниже сруба, получившего надёжную дендрохронологическую дату: 1036 год. Средняя скорость нарастания культурного слоя в Новгороде — около 1 см в год. Таким образом, наиболее вероятное время попадания кодекса в землю — первые 15–20 лет XI в. Для повышения надёжности эти рамки следует слегка расширить; это даёт нам интервал: последние годы X – первое двадцатилетие XI в.

Понятно, что дата создания кодекса старше даты его потери, но, к сожалению, неизвестно, сколь велик был этот интервал.

Нижней хронологической границей создания кодекса разумно считать крещение Руси в 988 г. О том, почему ещё более ранняя датировка маловероятна, см. отдельно ниже.

В октябре 2000 г. в лаборатории им. Ангстрема отделения ионной физики университета Упсалы И. Посснерт произвёл радиокарбонный анализ воска из данного кодекса. Основные результаты таковы. Датирующий интервал, вычисленный: 1) с надёжностью 68,2%: 860–1010 гг.; 2) с надёжностью 95,4%: 760–1030 гг. Эти результаты вполне совместимы со стратиграфическими данными и в особенности ценны для подтверждения верхних хронологических границ находки. В частности, они показывают, что в уже известном нам интервале между 988 г. (крещением Руси) и 1036 г. (абсолютной верхней границей находки) для датировки кодекса безусловно предпочтительна первая половина. Разумеется, следует учитывать, что между моментом «рождения» воска (который улавливается радиокарбонным анализом) и моментом его использования в кодексе в принципе могло пройти значительное время. Возможно, именно с этим обстоятельством связан тот факт, что радиокарбонный анализ указывает на X, а не на XI в. как на наиболее вероятное время «рождения» нашего воска.

Таким образом, найдена древнейшая ныне известная книга Древней Руси. Она как минимум на несколько десятилетий старше, чем самая ранняя датированная книга Древней Руси — Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. Правда, некоторые недатированные книги Руси, традиционно относимые к XI в., как иногда предполагают, могут быть и несколько старше Остромирова Евангелия, но к столь раннему времени, как новонайденный кодекс, ни одну из них не относят даже гипотетически.

Следует учитывать, что Остромирово Евангелие — самая ранняя точно датированная книга не только Руси, но и всего славянского мира. Ни одна из старославянских книг не имеет даты в тексте. Все они датируются лишь по косвенным данным (палеографическим и лингвистическим) — обычно лишь с точностью до столетия. В частности, самые древние старославянские книги, писанные кириллицей, — Супрасльский кодекс и Саввина книга, традиционно датируются XI в., но даже и столь широкую датировку нельзя считать вполне гарантированной.

Понятно, сколь ценно то, что новонайденный кодекс имеет гораздо более узкую дату — порядка четверти века. И эта дата такова, что наш кодекс оказывается самой ранней славянской книгой с относительно узкой датой. Более ранними славянскими датированными документами являются лишь некоторые древнеболгарские надписи X в., но надписи — это существенно иная категория письменных памятников.

Основной текст кодекса состоит из двух псалмов: 75 и 76 (по традиционной православной нумерации). Перед нами — часть псалтыри, а именно заключительные псалмы 10-й кафизмы.

Мы предлагаем именовать новонайденный памятник Новгородской псалтырью — подобно тому, как существуют, например, Синайская псалтырь или Болонская псалтырь (конечно, кодекс содержит не всю псалтырь, а лишь несколько псалмов, но таковы же и некоторые другие древние псалтыри, скажем, Евгениевская) (ил.).

То, что древнейшей ныне известной книгой Руси оказалась именно псалтырь, со статистической точки зрения неудивительно. В Древней Руси псалтырь была самой распространённой из всех книг. Она служила не только для чтения и для литургии, но и для обучения грамоте. Именно по ней из века в век одно поколение русских людей за другим училось читать (а у старообрядцев этот обычай сохраняется и поныне). Многие знали псалтырь целиком наизусть, а отдельные псалмы помнил едва ли не каждый.

В кодексе текст псалма 76 заканчивается немного ниже середины четвёртой страни-

цы. Далее идёт пустое пространство в 4–5 строк со следами затёртого текста, после чего следуют 6 строк из псалма 67 (из стихов 4–6).

Вопрос о том, какую роль играли в кодексе строки из псалма 67, на первом этапе изучения памятника оставался неясным. Можно было предполагать, в частности, что эти строки составляли часть заключающей кафизму молитвы, но было непонятно, почему они начинаются с полуфразы. Разгадка пришла позднее, когда удалось установить, что затёртый текст — это предшествующие стихи того же псалма 67. При этом, однако, начало этого псалма оказалось под нынешним текстом псалма 76. Тем самым выяснилось, что нынешний текст написан поверх затёртого прежнего текста, содержавшего псалом 67 (и предшествующие ему). Последний отрезок прежнего текста писец оставил нестёртым: для его новой записи «расчищенного» места уже хватало.

Ил. «Страница» Новгородской псалтыри

Это значит, что писец не рассматривал данный кодекс как окончательно изготовленную книгу, которую остаётся лишь поставить на полку. Это была для него как бы книга «с бегущим текстом», функциональный аналог грифельной доски.

Может быть, перед нами просто ученические упражнения, состоявшие в том, чтобы последовательно списывать одну часть псалтыри за другой? Но такая версия должна быть немедленно отвергнута: почерк и весь характер письма неоспоримо свидетельствуют о том, что его писал опытный мастер. Его рука безупречно тверда, каждая буква имеет чрезвычайно устойчивое начертание, почти как в печатных книгах — это первейший признак каллиграфического мастерства. Таким образом, если перед нами инструмент учебного процесса, то он писан рукой учителя.

Естественно предположить, что это был южнославянский книжник, прибывший на Русь, ещё совсем недавно принявшую христианство, с миссионерской целью.

Однако тщательное изучение написанного им текста приводит к неожиданному выводу: писал не болгарин и не серб, а русский[1]! Этот вывод вытекает из того, что, списывая со старославянского оригинала, писец Новгородской псалтыри, несмотря на высокую тщательность его работы, всё же допустил несколько ошибок, причём таких, которые мог сделать только человек, чьим родным языком был древнерусский. Так, вместо стоявшего

[1] Разумеется, в широком смысле этого термина, охватывающем в применении к древней эпохе всех восточных славян.

в оригинале **оружиє**, где буква **ѫ** передаёт свойственный древнеболгарскому языку звук [ǫ] (носовое *о*, как во французском *bon),* он написал **оруужиє**, где оу передаёт звук [у] — такой же, как в современном русском слове *оружие;* аналогичным образом, например, вместо **съмѫтишасѧ** ‘смутились’ он написал **съмоуτишасѧ**. Далее, например, вместо **твоѭ** ‘твои’ (жен. род), где буква **ѭ** передаёт [jǫ] ([j] + носовое *е*, как во французском *bien),* он написал **твоюѧ**, где **ѭ** передает [ja]. Причина здесь в том, что в древнерусском языке конца X – начала XI в. уже не было носовых гласных. Праславянские носовые гласные к этому времени в древнерусском языке уже изменились, а именно, [о] дало [у], а [ѧ] дало [а] (со смягчением предшествующей согласной). Между тем в южнославянских языках той эпохи носовые гласные в одних случаях просто сохранялись, в других изменялись, но иначе, чем в древнерусском. Приведённые написания — это просто запись живого русского произношения соответствующих слов. Разумеется, с точки зрения писца это были именно ошибки, результат временного ослабления внимания — как, скажем, написание *гара* вместо *гора* в наше время; поэтому они встречаются лишь изредка, на фоне в целом орфографически правильного распределения соответствующих букв.

Заметим, что точно такое же спорадическое смешение букв для носовых и неносовых гласных наблюдается в Остромировом Евангелии и других древнейших рукописях русского происхождения. Это одна из их наиболее характерных особенностей.

Установив происхождение писца, мы должны вернуться к вопросу о нижней хронологической границе создания кодекса. Если фигура христианина-болгарина для эпохи, предшествующей крещению Руси, достаточно естественна, то представить себе в эту эпоху опытного русского писца-христианина неизмеримо труднее. Всерьёз рассматривать гипотезу о том, что наш кодекс (который написан именно таким писцом) создан до крещения Руси, можно было бы только в том случае, если бы отнесение его к более позднему времени почему-либо вызывало большие трудности. Поскольку в данном случае таких трудностей нет, естественно относить кодекс ко времени после крещения, причём добавить к этой дате как минимум несколько лет, необходимых для того, чтобы русский ученик превратился в опытного писца. Таким образом, наиболее вероятной нижней хронологической границей создания кодекса следует признать начало 990-х годов. В целом же памятник должен быть датирован началом 990-х – концом 1010-х гг. (причём наиболее вероятны конец X – первое десятилетие XI в.).

Итак, Новгородская псалтырь — самый ранний памятник церковнославянского языка русского извода. Написавший её мастер почти наверняка был свидетелем крещения Руси в 988–990 гг. Возможно, он был в это время ещё мальчиком. Можно представить себе даже, что он был из тех детей, которых сразу после крещения Руси отдали в книжное учение и по которым матери «плакали как по мертвецах». Поразительно, как быстро из этого первого поколения грамотных русских людей смог выйти столь опытный книжный мастер.

Важнейшая особенность графики Новгородской псалтыри состоит в том, что вместо двух разных букв — **ъ** и **ь** — употребляется только одна, а именно **ъ**. Это так называемая одноеровая графическая система, известная до сих пор на Руси лишь по нескольким фрагментам книжных памятников XI в. и некоторым надписям, а также по части берестяных грамот XI – I половины XII в. В отличие от большинства других книжных памятников, в Новгородской псалтыри одноеровая графическая система проведена со стопроцентной последовательностью. Графика Новгородской псалтыри свидетельствует о том, что вопреки традиционным представлениям в начальный период русской письменности одноеровая система играла весьма существенную роль.

Лишь позднее, во II половине XI в. (а как раз к этой эпохе относятся почти все известные до сих пор древнерусские памятники XI в.), одноеровая система была почти полностью вытеснена (по крайней мере в книжном письме) двуеровой, т.е. обычной для всей последующей русской письменности. Становится ясно, что даже Остромирово Евангелие, которое традиционно рассматривается как отражение «младенческого» состояния русской письменности, в действительности отражает уже значительно продвинутый этап её развития, а именно этап, когда в практике книжного русского письма уже решительно было отдано предпочтение той из двух пришедших извне графических систем, которая лучше соответствовала древнерусской фонологической системе. Заметим, что берестяные грамоты, сохраняющие, в силу их общего консерватизма, одноеровую систему дольше, чем все другие источники, оказались в очередной раз носителями древнейших особенностей русской письменности.

Весьма интересен вопрос о том, был ли кодекс написан в самом Новгороде или его привезли, например, из Киева. К сожалению, однозначных лингвистических признаков новгородского или киевского происхождения писца в тексте нет. Можно лишь отметить, что в тексте нет характерного для Новгорода смешения **ц** и **ч** (т.е. следов так наз. цоканья). В тексте имеется, правда, любопытная ошибка: **просвѣщаєси ты** вместо **просвѣщаєши ты**, которая в принципе могла бы быть проявлением характерного для псковских говоров смешения [с'] и [ш]. Однако в памятнике, где нет смешения **ц** и **ч**, единичное написание такого рода осторожнее всё же расценивать как ошибку под влиянием привычного сочетания **єси ты** (например, в силу контаминации с близким по смыслу **просвѣща єси ты**).

Текст кодекса представляет исключительный интерес также с точки зрения палеографии. Ведь, как мы уже говорили, почти все древнейшие рукописи не имеют даты. А палеографы датируют такие рукописи исключительно на основе их сравнения с немногочисленными датированными. И вот перед нами новый памятник с достаточно узкой датой, причём самой ранней из имеющихся ныне (если не считать надписей). Понятно, что теперь именно Новгородская псалтырь станет новой точкой отсчёта для палеографических оценок и, возможно, приведёт к пересмотру многих из них.

Оказалось, что Новгородская псалтырь обнаруживает определённые палеографические сходства, с одной стороны, с книжными памятниками XI в., писанными на пергамене, с другой — с древнейшими берестяными грамотами. При этом, однако, нет полного совпадения ни с теми, ни с другими, т.е. письмо на воске обладало и определённой палеографической спецификой. Характерно, что в ряде пунктов, где Новгородская псалтырь расходится по палеографии с рукописями XI в. на пергамене (например, в начертании буквы Р), она вполне сходна с древнеболгарскими надписями X в. Кодекс позволил также понять, откуда взялись палеографические отличия берестяного письма от книжного, которые отмечаются с самого начала письменной эпохи, т.е. уже в берестяных грамотах XI в. Оказалось, что по крайней мере в части случаев эти черты «унаследованы» от письма на воске.

Интересные результаты сулит текстологическое сравнение Новгородской псалтыри с другими древнейшими, а также и более поздними псалтырями. Для полного осуществления этой работы потребуется длительное время, но уже сейчас можно сказать, что, во-первых, текст Новгородской псалтыри не совпадает полностью ни с одной из других известных псалтырей; во-вторых, в нём в большинстве случаев выступают варианты, свойственные самым древним спискам псалтыри; в-третьих, в целом ряде пунктов в нём обнаруживаются те варианты, которые характерны для псалтырей, писан-

ных именно на Руси (как древнейших, так и более поздних).

Текст на воске сохранился в Новгородской псалтыри столь превосходно, что его чтение не составляет особого труда. Но некоторые фрагменты растрескавшегося воска утрачены, и пришлось искать способы как-то восполнить образовавшиеся по этой причине лакуны. В ходе дополнительного обследования памятника удалось установить, что, помимо хорошо видимого текста на воске, кодекс содержит также некоторые следы других текстов — правда, столь слабые, что в течение первых недель работы над памятником они вообще не были замечены. Все эти тексты написаны тем же почерком, что и основной текст на воске.

Выше уже говорилось о следах затёртого прежнего текста, слегка различимых на пустых участках воска, а также между буквами нынешнего текста. Помимо этого выяснилось, что имеются следы надписей, процарапанных на верхних и нижних частях деревянных рамок, которые служат как бы полями для восковых табличек. Правда, дерево здесь очень сильно истёрто, так что от букв сохранились лишь некоторые едва различимые штрихи. Весьма трудная работа по выявлению этих штрихов привела, однако, к успеху: удалось прочесть надписи в шести участках этих рамок.

Открылся связный текст, переходящий с верхнего поля на нижнее и с одной страницы на другую. Это оказались указания о предназначении данной книги, плавно переходящие в слова высокого поэтического достоинства о благе чтения псалтыри. Вот этот текст в несколько осовремененной форме (но с сохранением ряда древних выражений)[1]: «Псалтырь без чина службы и без всех часов[2], без отпевания душ, без от себя прогнания всех[3] людей, без отлучения алчущих знания. Сия книга псалтырь — сиротам и вдовицам утешение мирное, странничкам недвижимое море, детям рабов неосуждаемое деяние».

Нет сомнения, что эти слова не сочинены писцом, а списаны с некоторого образца. Фраза «странничкам недвижимое море» с очевидностью выдает византийское происхождение текста: только в морской стране быть странником означает путешествовать по морю. Но прямого аналога всего этого текста пока ещё ни в славянских, ни в византийских источниках не отыскано.

Дальнейший важный шаг в исследовании памятника состоял в том, что были обнаружены слабые отпечатки букв на деревянной подложке восковых табличек: давление от писала, врезывающегося в слой воска нередко почти на всю его глубину, создавало в мягком дереве вмятины; в некоторых случаях оставались даже лёгкие царапины. Но выявление этих отпечатков ещё сложнее, чем чтение истёршихся надписей на дереве. Помимо трудности, связанной с тем, что сами отпечатки едва заметны, здесь встаёт проблема разделения разных записей, наложившихся друг на друга.

Эти трудности столь значительны, что достигнуть надёжного прочтения всех прежних записей кодекса, по-видимому, невозможно. Однако они всё же не настолько велики, чтобы оправдать полный отказ от попыток восстановить эти записи хотя бы частично и хотя бы с некоторыми элементами гипотетичности.

Крайне трудоёмкая и чрезвычайно медленная работа по распознаванию и распутыванию отпечатков букв на дереве уже дала некоторые важные результаты.

Прежде всего, удалось восполнить большинство лакун в основном тексте кодекса, возникших из-за утраты кусочков воска.

---

[1] Таким же условным способом — промежуточным между прямым цитированием и переводом — мы передаём ниже и прочие тексты кодекса.

[2] Часы — церковная служба, совершаемая в определённые часы четыре раза в день.

[3] Т.е. каких бы то ни было.

Далее, внизу каждой страницы кодекса, ниже текста псалмов, обнаружились следы следующей формулы: «Пойте, пойте по два раза, славьте Бога». По правдоподобному предположению А.А. Турилова, это не что иное, как древний вариант перевода той же ритуальной формулы, которая в обычном православном богослужении имеет вид «Аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже». Если это так, то перед нами — уникальное свидетельство того, что на древнейшем этапе истории русской церкви ещё могли сосуществовать варианты перевода даже основных ритуальных формул.

Важную особенность найденной формулы составляет то, что в ней выступает слово разъ. Дело в том, что это древнерусское слово отсутствует в старославянском (равно как и в современных южнославянских языках). По-старославянски было бы сказано **дъвашьды**, но никак не **дъва раза**. Это значит, что использованная в кодексе формула возникла на русской почве.

Удалось прочесть также, хотя и без полной надёжности, по крайней мере некоторые части тех псалмов, которые были записаны в кодексе прежде его нынешнего текста. В ходе этой работы постепенно выяснилось, однако, что писец заполнял восковые страницы текстом не два раза, как представлялось на более раннем этапе исследования, а значительно больше. Было установлено, в частности, что в числе прежних текстов кодекса имелись и некоторые псалмы из первой кафизмы, т.е. из самого начала псалтыри. В далеко ещё не законченной работе над памятником этот его аспект подлежит дальнейшему тщательному изучению.

Самым важным результатом работы по распознанию отпечатков на дереве оказалось открытие не известного доныне исключительно важного текста, который был помещён в нашей псалтыри перед самими псалмами и служил, таким образом, вступлением ко всей книге.

Этот текст, длиной в одну страницу, отчётливо делится на три части. Первая из них — короткое вступление. Оно начинается словами: «Закон да познаешь христианского наказания». Слово *наказание,* разумеется, выступает здесь в своём древнейшем значении: «наставление», «поучение», «учение». *Закон* — здесь «канон», «основной принцип», «первооснова». В соответствии с этой формулой весь новонайденный текст уместно назвать «Закон христианского наказания».

Следующая фраза: «Я наставлен во спасение наставлением неземных словес». Вопрос о том, кто именно говорит здесь от первого лица, допускает несколько разных ответов. Судя по дальнейшему тексту, перед нами скорее всего слова, которые должен повторить за проповедником новообращённый; в этом случае принципиальная структура текста оказывается такой же, как в Символе веры (молитве «Верую») и в присягах.

Вторая часть — изречения, в конце которых сказано: «Таковы слова Иисуса Христа». Все они начинаются с «аз есмь»: «Аз есмь тайна несказанная»; «Аз есмь истина и закон и пророки»; «Аз есмь истина и путь и стезя» и другие. Таких изречений десять, но большинство из них повторяется (через одну-две строки или даже подряд), так что получается 22 фразы. Нагнетающееся повторение одних и тех же или сходных формул создаёт впечатление магического заклинания.

Последняя часть — это вкладываемое в уста новообращённому язычнику торжественное заявление об отказе от идолослужения и преданности учению Христа: «Да будем работниками ему (Иисусу Христу), а не идольскому служению. От идольского обмана отвращаюсь. Да не изберём пути погибели. Всех людей избавителя Иисуса Христа, над всеми людьми приявшего суд, идольский обман разбившего и на земле святое своё имя украсившего, достойны да будем». Фразы, построенные в первом лице множественного числа («да будем...» и т.д.), могли бы исходить и от проповедника, обращающегося к своим слушателям, но единствен-

ное число в «отвращаюсь» показывает, что перед нами слова, которые должен произнести новообращённый.

Ни в славянских, ни в византийских источниках до настоящего момента данного текста не обнаружено. Ясно, что перед нами сочинение, обращённое к людям, стоящим ещё лишь на пороге принятия новой веры или принявшим её совсем недавно и ещё во многом связанным с язычеством. Вероятно, заклинательное звучание настойчиво повторяющихся формул было призвано прямее воздействовать на эмоциональный строй язычников, нежели догматическое содержание проповеди.

Существенно, что из изречений, приписываемых здесь Христу, лишь некоторые содержатся в канонических Евангелиях. Прочие несомненно восходят к апокрифической литературе. Возможно, именно поэтому данное сочинение не закрепилось в церковной традиции и со временем было предано забвению.

Перед нами открывается, таким образом, доныне неизвестная глава из самого начального периода распространения христианства на Руси.

Итак, новооткрытый памятник — это самая древняя из дошедших до нас книг Древней Руси, самая ранняя из удовлетворительно датированных славянских книг. Она несомненно займёт почётное место в истории русской письменности и культуры и привлечёт к себе пристальное внимание со стороны специалистов многих наук — историков, археологов, лингвистов, палеографов, текстологов.

(Воспроизводится по: Вестник РГНФ. 2001. № 1. С. 153–164)

Novgorod Psalter of Early 11th Century: Earliest Russian Book (Novgorod, 2000)

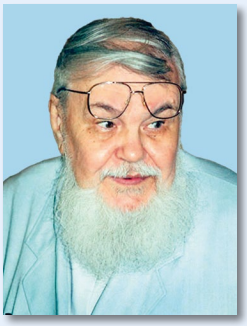
Andrey Anatolievich Zaliznyak — RAS academician, Doctor of Science (Philology).

Valentin Lavrentievich Yanin — RAS academician, Doctor of Science (History), one of the founders and board members of the Russian Humanitarian Scientific Foundation (1996–2003), holder of the Lomonosov Gold Medal of the Russian Academy of Sciences.

The article explores the Novgorod Archaeological Expedition's 2000 discovery of the Novgorod Psalter, the oldest surviving book of Ancient Russia and the first reliably dated Slavonic book inscribed on three wax tablets. The book was written between late 10th century and the first two decades of the 11th century. The researchers make two important conclusions: the writer's native language was Old Russian, and the text reflects the influence of apocryphal literature.

Keywords: birch bark manuscript, ancient code, linden tablets, wax tablet writing, cerae, stylus, radiocarbon analysis, Russian Church Slavonic, one-jer graphic system, paleography, ceremonial formulas, translation versions, paganism connections, apocryphal literature

Индекс УДК 9.93/94
Код ГРНТИ 03.23.31



Н.Н. ПОКРОВСКИЙ*

Крестьянские богословы России (XVII–XX вв.)

Во время археографического обследования старообрядческих поселений, скитов Сибири и Урала новосибирские и екатеринбургские археографы обнаружили сотни ранее неизвестных рукописей, содержащих народные богословские сочинения (догматические трактаты, исторические «родословия», соборные постановления, полемические послания и т.д.) за всё время существования раскола Русской православной церкви — от эпохи протопопа Аввакума и дьякона Фёдора до конца XX в. В статье рассказывается о ряде подобных находок, о влиянии на эти тексты динамичной исторической действительности, о некоторых методах анализа столь специфичных источников, характеризующих народное религиозное сознание.

Ключевые слова: церковный раскол, староверы, крестьянские богословские трактаты, народные богословы, поповцы, беспоповцы, униаты, единоверие, беглопоповцы, бегуны странники

Изучение памятников религиозного творчества крестьянских масс представляет интересную, увлекательную историческую и источниковедческую проблему. За годы, прошедшие со времени памятной статьи Д.С. Лихачёва в «Литературной газете», которая обозначила появившуюся, наконец, возможность историкам и литературоведам заниматься подобными темами, к ним стали обращаться неисчислимые толпы желающих быстро сделать себе имя на этой внезапно открывшейся ниве. Но велись и настоящие научные изыскания, как правило, в таких центрах, где ими в обход всяческой цензуры времён «великого застоя» серьёзно занимались и ранее. Одним из таких центров является Новосибирск, где интерес к богословским сочинениям крестьян-староверов логически вытекал из общения с авторами и их преемниками в ходе археографических экспедиций.

Недаром же Д.С. Лихачёв, десятилетиями боровшийся за право учёных заниматься литературоведческими и историческими проблемами изучения памятников русской литературы богословской тематики, ещё в 1984 г. смог особо отметить в подцензурных изданиях значение находок и трудов новосибирских археографов. «Сильной группе сибирских археографов необычайно повезло: они открыли не только отдельных авторов

* **Покровский Николай Николаевич** — академик РАН, доктор исторических наук, один из инициаторов создания РГНФ и член совета РГНФ.

Ил. 1. Три из четырёх рукописных томов, созданных в конце XIX в. в семье зауральских крестьян Макаровых и Силиных, — огромная подборка авторитетных в народной среде богословских текстов

и переписчиков рукописей, — они открыли целую сибирскую крестьянскую литературу, разрушили обывательское представление о крестьянах как о людях, не имеющих особых интеллектуальных интересов. Они отчётливо показали, что крестьянские волнения, время от времени прокатывавшиеся по всей России, имели за собой напряжённые духовные искания» [1].

С тех пор новосибирские и уральские археографы открыли в далёких скитах, в избах умирающих деревень, в современных многоэтажных домах, куда из этих деревень старики переселялись к детям, немало новых манускриптов, новых крестьянских сочинений, новых интереснейших редакций ранее известных текстов (ил. 1). Последний десяток лет работа по поиску, изучению, анализу и изданию этих текстов была бы совершенно невозможной без грантов РГНФ, которые в трудные годы не дали умереть всему этому направлению сбережения истоков национальной культуры.

В Новосибирске результаты этих трудов издавались в ежегодниках серии «Археография и источниковедение Сибири» (вышел 24-й том серии [2]), в научных комментированных публикациях текстов «Духовная литература староверов Востока России в XVIII–XX вв.» и «Духовная литература староверов России в XVII–XX вв.»[1], в монографиях и монографиях-публикациях [3], в десятках статей. В источниковедческом плане хотелось бы отметить два обстоятельства. Во-первых, крестьянские богословские трактаты, подчас весьма обширные, в значительной части заполнены цитатами из Священного Писания и Предания. Иногда такие цитаты составляют почти весь объём произведения, перемежаясь краткими авторскими «рассуждениями здравого разумения». Все цитируемые тек-

[1] Первый из этих томов вышел в 1999 г. в Новосибирске в издательстве «Сибирский хронограф» (Серия «История Сибири. Первоисточники». Вып. IX) / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Второй том находится в типографии.

сты, как правило, давно и хорошо известны исследователям. Поэтому предметом анализа такого источника являются прежде всего та богословская система автора, ради утверждения которой он использовал древние тексты, а также методы, приёмы этого использования. Такие приёмы подчас позволяли староверам применять один и тот же авторитетный священный текст для доказательства противоположных богословских взглядов.

Однако источник позволяет изучать эти цитаты и с другой целью. Прослеживая их путь от иноязычных — греческих, арамейских и т.п. — подлинников в крестьянские «цветники», сборники непостоянного состава, историк может увидеть, какие промежуточные рукописные книги, старопечатные и новопечатные издания предпочитает автор, какими старообрядческими же сборниками он пользуется, как формируются и переходят из сочинения в сочинение целые комплексы цитат, которые используются для полемики, длящейся подчас веками. Анализ этих текстов, конечно же, выявил вполне понятный для мира староверия традиционализм, когда комплексы авторитетных святоотеческих аргументов, составленные ещё во времена дьякона Фёдора и Никиты Пустосвята, продолжают использоваться и в последующие века в догматических спорах как на прежние, обсуждавшиеся ещё в полемике XVII в. темы, так и на новые, поставленные меняющимися обстоятельствами реальной жизни. Но наряду с этими древними источниками в авторитетных для староверов дониконовских изданиях и рукописях уже с начала XVIII в. в догматической полемике всё чаще привлекаются и «никонианские» издания древних текстов, и сочинения противников, и труды гражданских историков, даже научно-популярные книжки и школьные учебники — причём не только как материал для критики, но и как резервуар полезных цитат.

Во все времена существования староверия важнейшей проблемой для его идеологов и адептов была необходимость выживания в обществе, достаточно жёстко управляемом враждебной старообрядцам властью. И что особенно важно — долгое время властью не только военно-гражданской, но и тесно связанной с ней синодальной, к тому же исповедовавшей те же основные догматы православия, что и «ревнители древлего благочестия». Ситуация эта требовала как выработки особой тактики поведения, так и догматического обоснования допустимости такой тактики. Историки, в том числе и писавшие после «переворота 1917 г.» (термин, давно употреблявшийся подпольными старообрядческими авторами), исследовали основные факты, относящиеся к разным вариантам тактики поведения. Догматическая сторона проблемы изучалась гораздо менее интенсивно, практически здесь немного прибавилось после классических работ П.С. Смирнова [6–8], темой этой занимались прежде всего новосибирские археографы. Мы лишь начинаем изучать непростую научную проблему, вставшую перед противниками реформы Никона, — проблему осмысления староверами в категориях православной догматики сложнейших требований, новаций реальной жизни.

В допетровское время власть занимала по отношению к миру староверия бескомпромиссно репрессивную позицию: действовали законы о смертной казни за «исповедание раскола», старообрядец мог легализоваться в России только ценой публичного отречения от своей веры, зачастую — с полным перекрещиванием крещёных по-староверски. Соответственно, на другом полюсе бурно развивались предельно враждебные государству и Церкви догматические настроения, объявлявшие (с отсылкой к авторитетным церковным книгам) всю власть антихристовой и провозглашавшие исполнение древних христианских пророчеств о «последних временах»: о царстве Антихриста, то ли уже наступившем, то ли вплотную приблизившемся. (Это последнее различие к концу XVII в. приведёт староверов к разделению на беспоповцев и поповцев, но не следует

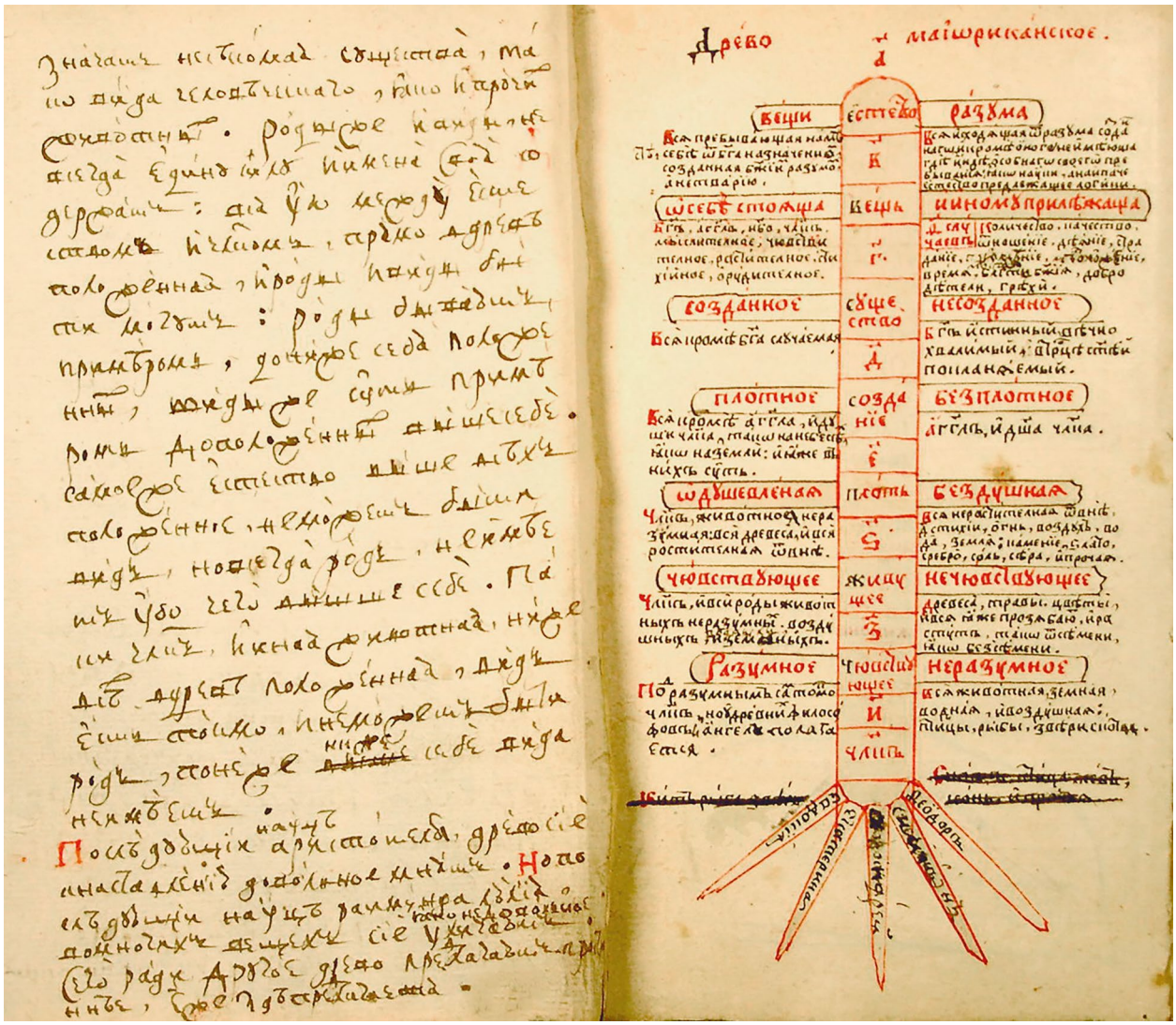
думать, что в реальной жизни первые будут более враждебны к «антихристовым властям», чем вторые.)

Догматически логичным выводом из тезиса о победе в системе российской государственности Антихриста или его верных слуг было либо бегство за пределы России, либо мужественное сопротивление вплоть до гибели «верных» в больших и малых самосожжениях, полыхавших в XVII–XVIII вв. Но даже огнепальный Аввакум начал в Пустозёрске задумываться о том, что выживание староверия возможно лишь при более гибкой тактике; в практических советах единомышленникам он рекомендует и тайное исповедание своей веры, и даже разнообразные приёмы обмана духовных и светских властей. Иные из его советов граничат с весьма сомнительным компромиссом, они будут приняты далеко не всеми и в пустозёрской земляной тюрьме, и во всей России, вызовут продолжительные споры и разделения. Это будет способствовать созданию всё новых догматико-полемических сочинений, охватывающих широкий круг проблем: о признаках наступления «последних времён», о природе Антихриста согласно Священному Писанию и творениям отцов церкви, о судьбе священства и вообще всех таинств после Никона, когда у староверов не осталось своих епископов и, следовательно, собственных священников.

В первый героический период становления вероучения противников Никона этим нараставшим внутренним раздорам уделялось меньше места, а решающую роль играл догматический спор с господствующей церковью. Но очень скоро именно внутренняя полемика стала занимать всё больше места в сочинениях «ревнителей древлей веры». Историками уже давно описан трагический раскол, происшедший между знаменитыми пустозёрскими узниками, когда многие смелые догматствования Аввакума, непростительно далеко выходившие за рамки традиционного православного вероучения, вызвали последовательные возражения его соузника дьякона Фёдора, гораздо более строгого богослова. Сейчас опубликован не только канонический текст одного из хорошо известных сочинений дьякона Фёдора, но его особая, дополненная в конце XVII в. (уже после его смерти) редакция. Это «Послание из Пустозёрска сыну Максиму и прочим сродникам и братиям по вере». Напомним, что догматствования Аввакума о сущности Живоначальной Троицы, о природе Богочеловека Христа, о священстве и критика этих взглядов дьяконом Фёдором приведут к бурной полемике в беглопоповских керженских скитах и проявятся затем в осторожном отношении урало-сибирских часовенных к творчеству огнепального протопопа [5, 9, 10].

В то же время серьёзный прорыв, который сделали в петровское время на Выге братья Денисовы, хорошо освоившие и передовые киевские методы богословской полемики, и широкий круг новых источников (вплоть до «Великой науки» Раймунда Люллия — ил. 2), и научные методы источниковедческой критики, — этот прорыв будет одобрен далеко за пределами поморского согласия. Это, конечно, не помешает переходящей из XVIII в. в век XX полемике поповцев с Денисовыми (в первую очередь — по проблеме таинства священства), подчас с использованием сходных наборов цитат [3, с. 166].

В истории крестьянского богословского творчества, в том числе и на Востоке России, исключительную роль играли два московских издания середины XVII в. сочинений не народной, но высокой богословской мысли, связанных с борьбой высокообразованных богословов Киевской митрополии с наступлением униатов, — «Кириллова книга» и «Книга о вере». Освоение этих текстов начинает ещё первое поколение старообрядческих писателей и затем продолжают все последующие поколения, включая народных богословов Урала и Сибири вплоть до наших дней [3, с. 111, 136, 140, 142, 159–164, 228, 255; 11, 12]. И именно Денисовы определили в петровское время на многие десятиле-



Ил. 2. «Великая наука» Раймунда Люллия в редакции А. Денисова (автограф А. Денисова)

тия вперёд (в том числе и для урало-сибирских кержаков) методы использования этих важных источников, приспосабливания их к самым разным догматическим и полемическим спорам.

Пётр Великий подошёл к проблеме церковного раскола со свойственным ему прагматизмом и твёрдым намерением подчинить церковные проблемы интересам государственным. Поскольку жестокие репрессии староверие не искоренили, а привели к массовым побегам преследуемых (в том числе и на окраины, интенсивно ими осваиваемые), следовало на определённых, очень жёстких условиях легализовать старообрядчество, заодно обложив его сторонников удвоенными налогами. Часть староверов, вроде насельников главного центра беспоповщины — Выговской пустыни, попыталась приспособиться к этим новым порядкам и даже добиться немалых льгот. Другая часть сочла предложенные условия легализации слишком тяжёлыми практически и неприемлемыми догматически. К концу правления первого императора противостояние, сопровождавшееся бунтами и гарями старообрядцев, опять обострилось, и на многие десятилетия вперёд определяющей для властей стала чеканная формула главного регламентирующего акта — «Духовного регламента» Феофана Прокоповича; старообрядцы — «лютые неприятели, и государству, и государю непрестанно зло мыслящие» [13].

Лишь к началу правления Петра III и Екатерины Великой крайняя неэффективность политики репрессий и вызванная ею утрата огромных людских ресурсов привели к новым послаблениям: было отменено двойное налоговое обложение староверов и некоторые более рационально настроенные идеологи старовериа стали искать пути к широкому компромиссу с властями. Он был окончательно оформлен много позднее, в 1801 г., под именем единоверия, но для большинства староверов его условия оказались неприемлемыми. Обстановка эта в последней трети XVIII в. обострила во многих согласиях споры о допустимости легализации на любых предлагаемых «антихристовыми властями» условиях.

У беглопоповцев Востока России (софонтиевцев) проекты компромисса с духовными и светскими властями, выдвигаемые видными представителями заводской и торговой верхушки, сталкиваются с актами самого острого противостояния этим властям крестьянских общин во время массовых волнений 1782–1784 гг. Авторитетные скитские старцы (вроде о. Максима) отчаянно пытаются предотвратить раскол согласия. С этой целью о. Максим созывает представительный Невьянский собор в 1777 г. Опираясь на влиятельных заводских приказчиков, о. Максим не допустил осуждения тех, кто пользовался услугами перешедших в старообрядчество «никонианских» священников, и высказался за допустимость обоих противоположных решений трудных догматических проблем о возможности существования священства и таинств в «последние времена», реальных границ компромисса с властями [3, с. 21–23].

Острые богословские дискуссии, звучавшие на этом соборе и после него, отражали давние споры в старообрядчестве о благодатности крещения, священства и других таинств, совершавшихся священниками, которые приняли реформы Никона. Перед обеими сторонами этого бесконечного спора стояла задача, в принципе не имевшая решения на базе традиционного, глубоко почитаемого всеми старообрядцами вероучения древней Церкви. Нужно было решить, что лучше: вообще обходиться без священников, мирянам самим исполнять необходимые для спасения души таинства, или признать благодатным священство тех, кого сами староверы считали еретиками. И то, и другое было тяжёлым нарушением привычной православной системы догм, той самой «старой веры», за которую шли в огонь.

Выход обе стороны пытались найти в новой, базовой для всех старообрядцев догме о том, что в наступившие «последние времена» царства Антихриста или его слуг древние постулаты приобретают не абсолютный, но «смотрительный» характер — судя по обстоятельствам. Беспоповцы поэтому учили, что при Антихристе священство невозможно, оно «улетело на небо»; они старательно искали в церковной истории первых веков христианства отдельные примеры исполнения некоторых треб мирянами, возводя исключение в правило. Беспоповцы столь же тщательно изучали историю древних ересей, коллекционируя некоторые случаи приёма священников из ересей с сохранением их сана и игнорируя противоположные соборные определения. Так споры о священстве и таинствах тесно переплетались с догмой о наступившем «последнем времени» и острых разногласиях о природе Антихриста.

Нами был обнаружен новый уральский памятник этой полемики — «Послание В.В. к Б.И.» (инициалы эти не идентифицированы)[1]. Почти за полвека до споров на Невьянском соборе здесь дискутировались те же догматические проблемы, что так волновали о. Максима и его противников. Б.И. в своём утверждении о том, что христиане могут обходиться без священства и причастия и что «простой человек» сам себя освящает, пытается опереться на авто-

[1] Древлехранилище УРГУ. Собрание XV (Шатровское). № 97р/875. Л. 1–16.

ритет Ефрема Сирина. Б.И. приводит из его Слов 84 и 112 цитаты о том, что «душа бо, Бога имеющи в себе, Церкви наречется свята и чиста и божественные тайны служатся в ней», что пустынники, живущие «в горах и вертепах», «сами суть священницы себе». (Позднее, после 1840 г., когда уральские беглопоповцы окончательно откажутся от священников, эти самые цитаты они будут использовать против крайних беспоповцев, доказывая, что отказ от священников не означает отказа от таинств причащения, брака и т.д.)

В.В. противопоставляет этим цитатам две другие из той же книги Слов авторитетного отца церкви (Слова 85 и 107). Первая повествует о благодатности церковного причастия, вторая притянута более искусственно, она содержит лишь известный тезис о том, что вера без добрых дел мертва. И уже сам В.В. добавляет, что из всех добрых дел христианина причастие является главным. Свою позицию он далее подкрепляет текстами о невозможности спасения души без причастия, вышедшими из-под пера таких церковных авторитетов, как Василий Великий, Никон Черногорец, Кирилл Александрийский. Касаясь поднятого Б.И. вопроса о причащении древних одиноких пустынников, В.В. приводит свидетельство Симеона Фессалоникийского о том, что архиереи повелевали таким аскетам держать у себя преждеосвящённые иереями Дары, чтобы если не будет другого выхода, самим причаститься ими. Именно такими примерами в конце XIX в. отставной казачий полковник И.И. Канбулин в своём «Цветнике» будет доказывать возможность самопричащения преждеосвящёнными Дарами, обличая при этом как причащение у священников «австрийской» или «никонианской» церкви, так и полный отказ беспоповцев от причастия[1] [13]. Но к тому времени спор часовенных о священстве будет решён внешними политическими обстоятельствами: репрессии николаевского режима изменили позицию торгово-промышленной верхушки согласия софонтиевцев-часовенных: одни примут казённое единоверие, другие на Тюменском соборе 1840 г. окончательно откажутся от священства.

Гораздо более радикальную позицию занял инок Евфимий, основатель самого крайнего течения в старообрядчестве (вскоре вообще вышедшего за его рамки) — согласия бегунов-странников. Благодаря трудам безвременно скончавшегося в 2005 г. новосибирского историка А.И. Мальцева обнаружены и частично изданы автографические сборники Евфимия, в том числе его лицевой «Цветник» и программные сочинения его последователей [4].

Странники проповедовали бегство из мира Антихриста, разрыв всех контактов с гибнущим обществом, его властями как единственно спасительную для христианина модель поведения. Историкам отечественного общественного сознания будет интересен тот факт, что, осуждая любые такие контакты, даже в целях допускаемой государством легализации, странники уделяли немало внимания доказательству вполне подходящего веку Просвещения тезиса о недопустимости грубого вмешательства государства, его аппарата насилия в дела веры. Конечно, и из-под пера Аввакума выходили гневные филиппики в связи с казнями староверов в его времена. Но в обнаруженных А.И. Мальцевым сочинениях странников мы находим детальную разработку темы, включая и догматические построения, и примеры из древней церковной истории (хотя представление об индифферентности светской власти к церковным делам не характерно для православной канонической традиции). Автор страннического трактата «О расколническом именовании...» не входит, однако, в рассмотрение старой проблемы о допустимых границах вмешательства православного государя в дела православной Церкви. Для него неправославие, дьявольский характер российской

[1] Собрание ИИ СО РАН. № 186/86. Л. 193–195 об.

императорской власти вполне аксиоматичны, и любые контакты с её представителями недопустимы категорически.

Самое крупное согласие беспоповщины — поморское — также дало новосибирским археографам ряд ценных памятников. Это прежде всего огромный полемический трактат «Обские ответы («Щит веры»)», созданный в Сибири в конце XVIII в. Сейчас находится в печати в сборнике «Духовная литература России» центральный, 5-й, раздел памятника, озаглавленный «О Антихристе». Он посвящён проблеме, легшей в основу догматического разделения поповцев и беспоповцев, — проблеме духовного или чувственного понимания природы Антихриста. Ещё в XVIII в. выявилась тесная связь этой проблемы с более широким вопросом о разных способах понимания текстов Писания и Предания, в том числе — «чувственного» (буквально, «по буквам») и духовного (иносказательного, сокровенного) их толкования.

Публикуемый памятник последовательно, по всем выявленным за полтора века предшествовавшей полемики пунктам, даёт «духовное» понимание священных текстов, использовавшихся оппонентами в этом споре. Неизвестный сибирский автор демонстрирует при этом, сколь полно и органично утвердилась в поморском согласии литературная и полемическая школа братьев Денисовых (рис. 3), тесно связанная с таким важнейшим явлением общерусской культуры грани XVII и XVIII вв., как стиль барокко с его исключительным вниманием к методам и правилам риторической науки. Любовь к «риторскому, философскому и феологическому учению», которое Андрей Денисов почерпнул в знаменитом его источнике — Киевской духовной академии — и привил к ранее враждебной этим новинам старообрядческой культуре, живёт на страницах огромного сибирского сочинения, принося свои плоды и в конце «века Просвещения».

Приступая к опровержению аргументов оппонентов «чувственника», автор «Обских ответов» сразу же поучает его о существовании разных способов толкования Писания, разных «разумов», тут же добавляя: «И сия убо разумы ради познания предает нам риторские учение». И в дальнейшем будет подробно доказываться, что «чувственники», приводя тексты Священного Писания и Отцов Церкви, каждый раз употребляют не тот «разум», чаще всего — «мертвящую букву» вместо «животворящего духа».

Одним из наиболее интересных итогов новосибирских археографических экспедиций стало выявление того необычного факта, что линия потаённой крестьянской письменности по историко-богословским проблемам староверия, возникшая в экспедиционных сборах начиная с памятников XVIII в., продолжается вплоть до сочинений 1990-х гг. Это даёт историку уникальную возможность наблюдать, как бурные социальные и политические события прошлого века отразились в этом специфическом жанре [3, с. 239–446; 14, с. 315–327; 15, с. 285–291].

Жёсткие реалии советских времён не могли не сказаться на характере догматико-полемического творчества урало-сибирских крестьян-староверов. Защищаясь от тотального государственного атеизма, крестьянским писателям приходилось обосновывать не только такие специфические черты своего согласия, как, например, изменение отношения к беглым иереям, но и отстаивать самые основы христианской веры или даже вообще веры в чудесное и божественное, наличие Творца в мироздании. Это существенное расширение, по сравнению с предыдущими веками, самого предмета полемики прослеживается в нескольких сочинениях часовенных XX в. [9].

Поскольку атеистическая пропаганда вполне однозначно твердила постоянно, что современная наука категорически опровергает главный религиозный постулат о бытии Божием, поскольку сама эта наука во многом представала перед верующими под обложкой журнала «Наука и религия», довольно беспардонно по-

Ил. 3. Поморские писатели Андрей и Семён Денисовы (выговский лубок)

дыгрывавшего красноярским чекистским карателям в их борьбе против скитов часовенных на Дубчесе [16], крестьянские авторы в свою очередь предъявляли счёт науке — за истребление окружающей среды «передовыми технологиями», за атомное безумие и реальную угрозу ядерного Армагеддона. Так, в круг тем часовенных авторов закономерно входят экологические проблемы, которые и в общественном сознании всего социума неплохо сочетаются сегодня с апокалиптическими ожиданиями конца света. Кстати говоря, уже в наши дни среди часовенных Сибири мгновенно распространилась и общемировая легенда о едином компьютере — Антихристе.

В 1982 г. талантливый современный писатель-старовер с Нижнего Енисея А.Г. Мурачёв написал большое догматическое сочинение «Об останке Израилевом», посвящённое современным подтверждениям ветхозаветных пророчеств. Сначала крестьянский автор доказывает возможность и необходимость толкования некоторых текстов Писания, в первую очередь — ветхозаветных книг пророков, затемнённый смысл которых становится понятным лишь накануне или в период их исполнения [17, с. 36]. Поэтому требуется постоянное сличение их с «событиями времени», чему и посвящены многие сочинения самого Мурачёва и его учителя игумена Симеона (С.Я. Лаптева). Этот последний доказывал начальнику карательной команды, посланной в 1951 г. для разгрома его скита, уничтожения огромного собрания древних книг и ареста монахов, что «тот, кто вскоре объединит весь мир в единую коммунистическую державу, и будет согласно Писанию Антихристом». Мурачёв же, толкуя пророчество Исайи (Ис 4:3) и Иезекииля (Иез 1–23, 39) о битвах последних времён, считает социалистов и коммунистов «оружеборцами», которые окончательно разрушат капитализм с его антихристовой властью денег, а затем и сами «позднее со Антихристом вкупе будут пожжены яростию Божиею».

Проза Мурачёва, подобно творчеству Аввакума, отражает народное стремление

представить торжественные древние тексты в живом, доступном современному читателю виде. Отождествляя загадочного Гога из пророчества Иезекииля с КПСС, сопрягая это пророчество с текстом Апокалипсиса, Мурачёв так описывает похвальбу коммунистов завоевать весь мир в царство пролетариата: «Главнокомандующие посменно выходят на ораторскую трибуну, по радио чрез громкоговоритель трубят на всю армию ободрительные повести, возбуждая всех к мужеству, говоря: Наша Гоговская армия непобедима, она разрушила устаревший многовековый строй царизма... Мы словем в мире победители космоса, мы наукой и техникой гордимся и с таким массовым оружием никому не поддадимся» [18–21].

Многие сочинения староверов XX в. суть явления художественной литературы в неменьшей мере, чем знаменитые толкования Аввакума на Евангелие. Они вполне достойны изучения специалистами-филологами, которые с должным пиететом относятся к устному народному творчеству (даже в современных записях), но подчас не нисходят до письменного народного творчества. Быть может, живое общение с крестьянскими богословами, быть может, хорошее знание многовековой глубины этой традиции способствуют тому, что новосибирские археографы не заражены этой болезнью и стараются изучать догматические тексты староверов и как литературный факт со своими поэтикой, творческими приёмами, системой художественных образов, языком [19].

(Воспроизводится по: Вестник РГНФ. 2005. № 4. С. 5–16)

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачёв Д.С. Археографическое открытие Сибири // Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. С. 7.
2. Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. / Отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.
3. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII–XX вв. Проблемы творчества и общественного сознания («Памятники исторической мысли»). М., 2002.
4. Мальцев А.И. Сочинения инока Евфимия. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003.
5. Титова Л.В., Демкова Н.С. Послание дьякона Фёдора сыну Максиму — литературный и публицистический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003.
6. Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898.
7. Смирнов П.С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909.
8. Смирнов П.С. Из истории раскола первой половины XVIII в. По неизданным памятникам. СПб., 1908.
9. Титова Л.В. Послание дьякона Фёдора сыну Максиму // Духовная литература староверов России в XVII–XX вв.
10. Титова Л.В. Литературная судьба пустозёрского архива на Керженце // Материалы Международной конференции «Христианство в Волго-Уральском регионе: история и культура». Казань, 2003.
11. Гурьянова Н.С. «Книга о вере» в системе авторитетов старообрядчества // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М.: Языки русской культуры, 2004. С. 205–223.
12. Гурьянова Н.С. О приёмах построения текстов писателями-старообрядцами // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. С. 23–28.

13. Полный свод законов. Т. VI: 1720–1722. СПб., 1830. № 3718. С. 342.
14. Рассказ о Невьянском соборе 1777 г. // Духовная литература России в XVII–XX вв. (в печати).
15. Зольникова Н.Д. Нижнеенисейский сборник: часовенное согласие, начало XXI в. // Проблемы истории России. Вып. 6: От средневековья до современности: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2005. С. 315–327.
16. Зольникова Н.Д. «История России с древнейших времён» С.М. Соловьёва в сибирском старообрядческом сборнике второй половины XX в. // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 285–291.
17. Шамаро А. На берегу чёрной магии // Наука и религия. 1963. № 1. С. 24–28.
18. Зольникова Н.Д. Ветхозаветные пророчества в творчестве А.Г. Мурачёва // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 3. С. 34–38.
19. Журавель О.Д. Повествования агиографического типа в поздней старообрядческой традиции (на материале Урало-Сибирского патерика) // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. С. 204–228.
20. Журавель О.Д. «Повесть известная и свидетельствованная о проявлении честных мощей и отчасти сказание о чудесах святого и праведного Симеона, нового Сибирского чудотворца»: модификация агиографического канона // Славянский альманах. 2002. М.: Индрик, 2003. С. 311–318.
21. Журавель О.Д. Повесть о видениях пустынножителя Михаила — памятник старообрядческой литературы // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. № 3. С. 16–23.
22. Журавель О.Д. Старообрядческий писатель Афанасий Мурачёв: новые сочинения на евангельские мотивы // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв. Развитие традиций. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. С. 286–307.

Peasant Theologians in Russia (17th–20th centuries)

Nikolay Nikolaevich Pokrovsky — RAS academician, Doctor of Science (History), one of the founders and board members of the Russian Humanitarian Scientific Foundation.

Archaeographers from Novosibirsk and Yekaterinburg conducted an archaeographic survey of Old Believer communities and sketes in Siberia and the Urals, revealing hundreds of unknown manuscripts containing folk theological writings (dogmatic treatises, historical "genealogies," cathedral resolutions, polemical pastorals, etc.) for the entire period of the Schism of the Russian Church, from Avvakum and Deacon Fedor through the late 20th century. The paper describes a number of discoveries, explores the influence of dynamic historical conditions on these texts, and outlines some methods of analysis of these unique sources that reflect folk religious consciousness.

Keywords: Russian Church Schism, Old Believers, peasant theological treatises, folk theologians, Popovtsy, Bespopovtsy, Uniates, Edinoverie, Beglopopovtsy, Beguny pilgrims

REFERENCES

1. Likhachyov D.S. Arkheograficheskoe otkrytie Sibiri // Pokrovskii N.N. Puteshestvie za redkimi knigami. M., 1984. S. 7 (in Russian).
2. Obshchestvennaya mysl' i traditsii russkoi dukhovnoi kul'tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XVI–XX vv. / Otv. red. E.K. Romodanovskaya. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2005 (in Russian).
3. Pokrovskii N.N., Zol'nikova N.D. Starovery-chasovennye na Vostoke Rossii v XVIII–XX vv. Problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniya («Pamyatniki istoricheskoi mysli»). M., 2002 (in Russian).
4. Mal'tsev A.I. Sochineniya inoka Evfimiya. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2003 (in Russian).
5. Titova L.V., Demkova N.S. Poslanie d'yakona Fyodora synu Maksimu — literaturnyi i publitsisticheskii pamyatnik rannego staroobryadchestva. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2003 (in Russian).
6. Smirnov P.S. Vnutrennie voprosy v raskole v XVII v. Issledovanie iz nachal'noi istorii raskola po vnov' otkrytym pamyatnikam, izdannym i rukopisnym. SPb., 1898 (in Russian).
7. Smirnov P.S. Spory i razdeleniya v russkom raskole v pervoi chetverti XVIII v. SPb., 1909 (in Russian).
8. Smirnov P.S. Iz istorii raskola pervoi poloviny XVIII v. Po neizdannym pamyatnikam. SPb., 1908 (in Russian).
9. Titova L.V. Poslanie d'yakona Fyodora synu Maksimu // Dukhovnaya literatura staroverov Rossii v XVII–XX vv. (in Russian).
10. Titova L.V. Literaturnaya sud'ba pustozerskogo arkhiva na Kerzhentse // Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii «Khristianstvo v Volgo-Ural'skom regione: istoriya i kul'tura». Kazan', 2003 (in Russian).
11. Gur'yanova N.S. «Kniga o vere» v sisteme avtoritetov staroobryadchestva // Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.). M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2004. S. 205–223 (in Russian).
12. Gur'yanova N.S. O priyomakh postroeniya tekstov pisatelyami-staroobryadtsami // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2004. S. 23–28 (in Russian).
13. Polnyi svod zakonov. T. VI: 1720–1722. SPb., 1830. № 3718. S. 342 (in Russian).
14. Rasskaz o Nev'yanskom sobore 1777 g. // Dukhovnaya literatura Rossii v XVII–XX vv. (v pechati) (in Russian).
15. Zol'nikova N.D. Nizhneeniseiskii sbornik: chasovennoe soglasie, nachalo XXI v. // Problemy istorii Rossii. Vyp. 6: Ot srednevekov'ya do sovremennosti: Sbornik nauchnykh trudov. Ekaterinburg, 2005. S. 315–327 (in Russian).
16. Zol'nikova N.D. «Istoriya Rossii s drevneishikh vremyon» S.M. Solov'yova v sibirskom staroobryadcheskom sbornike vtoroi poloviny XX v. // Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya Sibiri XVII–XX vv. Novosibirsk, 2005. S. 285–291 (in Russian).
17. Shamaro A. Na beregu chyornoi magii // Nauka i religiya. 1963. № 1. S. 24–28 (in Russian).
18. Zol'nikova N.D. Vetkhozavetnye prorochestva v tvorchestve A.G. Murachyova // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2004. № 3. S. 34–38 (in Russian).
19. Zhuravel' O.D. Povestvovaniya agiograficheskogo tipa v pozdnei staroobryadcheskoi traditsii (na materiale Uralo-Sibirskogo paterika) // Istoricheskie i literaturnye pamyatniki «vysokoi» i «nizovoi» kul'tury v Rossii XVI–XX vv. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2003. S. 204–228 (in Russian).
20. Zhuravel' O.D. «Povest' izvestnaya i svidetel'stvovannaya o proyavlenii chestnykh moshchei i otchasti skazanie o chudesakh svyatogo i pravednogo Simeona, novogo Sibirskogo chudotvortsa»: modifikatsiya agiograficheskogo kanona // Slavyanskii al'manakh. 2002. M.: Indrik, 2003. S. 311–318 (in Russian).
21. Zhuravel' O.D. Povest' o videniyakh pustynnozhitelya Mikhaila — pamyatnik staroobryadcheskoi literatury // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2004. № 3. S. 16–23 (in Russian).
22. Zhuravel' O.D. Staroobryadcheskii pisatel' Afanasii Murachyov: novye sochineniya na evangel'skie motivy // Istoricheskie istochniki i literaturnye pamyatniki XVI–XX vv. Razvitie traditsii. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2004. S. 286–307 (in Russian).

Индекс УДК 904
Код ГРНТИ 03.41

М.Д. БУХАРИН*

Русские Туркестанские экспедиции 1909–1910 и 1914–1915 годов: итоги и перспективы изучения архивных материалов

В 2018–2020 гг. участники исследовательской группы в рамках проекта «Вторая Русская туркестанская экспедиция 1914–1915 гг. академика С.Ф. Ольденбурга. Неизданные материалы из архивов РАН» выявили и подготовили к печати весь массив основной научной документации из архива РАН, которая полностью освещает деятельность российских исследователей по изучению Цянфодуна и Турфанского оазиса. В научный оборот вводятся работы, являющиеся, несомненно, важнейшими достижениями российского востоковедения за всю его историю. В значительной степени реконструированы биографии всех участников работ, подготовлена к печати ранее неизвестная их переписка. Основной результат работы заключается в подготовке к печати работы академика С.Ф. Ольденбурга «Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана», значение которой для изучения памятника за последние сто лет лишь многократно возросло.

Важнейшими перспективными направлениями продолжения работ являются реставрация и подготовка к печати фотоархива II Русской Туркестанской экспедиции, хранящегося в Государственном Эрмитаже, который насчитывает более 2000 снимков. Издание этого фотоархива полностью закроет крупную лакуну в истории российского востоковедения.

Ключевые слова: археология, Китай, Восточный Туркестан, Синьцзян, Цянфодун, буддизм, архив, искусство, стенопись

Изучение истории Восточного Туркестана: итоги работ к 2018 г.

В конце XIX в. началось планомерное археологическое изучение Северо-Западного Китая, в частности Восточного (Китайского) Туркестана, охватывающего область современного Синьцзяна. Значительную роль в развитии данного процесса сыграл русский консул в Кашгаре в 1883–1903 гг. (с 1895 г. — Генеральный консул) Н.Ф. Петровский (1837–1908). Деятельность Петровского носила любительский собирательский характер, однако его усилия, а также деятельность иностранных собирателей способствовали росту интереса к истории Восточного Туркеста-

* **Бухарин Михаил Дмитриевич** — академик РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Ил. 1. Академик С.Ф. Ольденбург
(АРАН. Ф. РХ. Оп. 1о. Д. 31. Л. 10)
© Архив Российской академии наук

на и прилегающих областей в российской и западноевропейской научной среде.

Крупнейшие российские учёные-востоковеды рубежа XIX–XX вв. В.Р. Розен (1849–1908) и В.В. Радлов (1837–1918) активно способствовали тому, что Россия стала одним из ведущих мировых игроков в деле развития археологического изучения Северо-Западного Китая. В историческом, археологическом и лингвистическом отношении центральную роль в этом процессе играл Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, основанный в 1902 г. в Санкт-Петербурге как координирующий орган деятельности Международной ассоциации по изучению Средней Азии и Дальнего Востока в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (Association internationale pour l'exploration historique, archéologique, linguistique et ethnographique de l'Asie centrale et de l'extrême Orient). Под эгидой Русского комитета был организован целый ряд экспедиций, однако наибольшее значение имели I и II Русские Туркестанские экспедиции 1909–1910 и 1914–1915 гг., работавшие под руководством академика Сергея Фёдоровича Ольденбурга (ил. 1, 2).

Первая экспедиция имела разведочный характер, вторая же, продолжив работы экспедиции 1909–1910 гг. по археологическому исследованию Восточного Туркестана на городищах Турфанского оазиса, сосредоточилась на изучении важнейшего памятника мировой культуры — пещерно-храмового комплекса Цянфодун (в транскрипции С.Ф. Ольденбурга — Чан-фо-дун), расположенного рядом с современным городом Дуньхуан в провинции Ганьсу (КНР). Экспедиции предстояло изучить порядка 450 пещер, стены которых были покрыты стенописью, охватывавшей ок. 1000 лет развития китайского, преимущественно буддийского, искусства. Кроме того, в пещерах имелись многочисленные произведения скульптуры, а сами пещеры представляли значительный интерес с точки зрения истории архитектуры.

Расположение буддийских святилищ в пещерах имеет давнюю традицию. Пещеры — одно из наиболее почитаемых святых мест в буддийской традиции. Другим аналогичным памятником всемирного значения являются пещеры Аджанта (Индия, Махараштра). Данный пещерно-храмовый комплекс состоит из 29 пещер, стены которых, как и в Цянфодуне, покрыты росписями, а помещения украшены выдающимися памятниками скульптуры.

Несмотря на тяжёлые условия ведения работ, экспедиция С.Ф. Ольденбурга справилась с поставленной задачей, и мировая наука обогатилась важнейшим материалом, в значительной степени расширяющим наши представления по истории одного из главных перекрёстков движения идей и этносов на Великом Шёлковом пути.

Судьба научного наследия II Русской Туркестанской экспедиции оказалась печальной. За исключением нескольких популярных статей, ничто из подготовленных отчётных работ издано не было. «Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дуньхуана» С.Ф. Ольденбурга, «Дневник поездки в Дун-хуан» С.М. Дудина, полевые дневники Б.Ф. Ромберга, Н.А. Смирнова, архитектурные планы, выполненные В.С. Биркенбергом, переписка участников работ вплоть до недавнего времени оставались вне поля зрения научного сообщества.

Ранее, в 2018 г., изданием трёх томов, посвящённых начальному этапу в исследованиях Восточного Туркестана и Монголии, были закрыты основные лакуны в изучении материалов целого ряда экспедиций, прежде всего экспедиции Д.А. Клеменца 1898 г., М.М. Березовского 1905–1907, А. Грюнведеля и А фон Ле Кока 1902–1914, П.К. Козлова в 1907–1909 и 1923–1926, С.Е. Малова 1909–1911 и 1913–1915 гг. [3–5]. Эти публикации вызвали значительный резонанс в международной научной среде, и к настоящему времени часть работ уже перевели, в частности, на китайский язык [6–8]. Ввиду целого ряда причин заинтересованность научной общественности в материалах по деятельности экспедиции С.Ф. Ольденбурга в 1914–1915 гг. значительно выше.

Ил. 2. Визитная карточка С.Ф. Ольденбурга (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 179. Л. 18)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Дуньхуан на Великом Шёлковом пути

Дуньхуан играл важнейшую роль в истории всей Центральной Азии и Дальнего Востока на протяжении поздней древности и Средневековья. В источниках он упоминается со II в. до н.э. Он находился на перекрёстке ветвей Великого Шёлкового пути, соединявших Китай с Центральной и Южной Азией, Ближним Востоком и Средиземноморьем. Через Дуньхуан проходили товары практически из всех регионов Евразии. Вместе с торговцами, наиболее активными и влиятельными из которых были согдийцы, шли и носители новых религиозных идей, распространявшихся по всей Азии, — буддизма, иранских религий, христианства, несторианства, манихейства.

Во второй половине IV в. н. э. к югу от Дуньхуана на восточном склоне горы Минша буддийские монахи Лэцзунь и Фалянь основали первые пещеры. Постепенно Дуньхуан становился крупным центром буддизма. Быстро увеличивалось количество пещер, развивалось хозяйство всего комплекса, разрасталась библиотека, получившая известность далеко за пределами Северо-Западного Китая. Наряду с литературой развивались и буддийская

живопись, скульптура. Постепенно пещеры покрывались стенописью, исследование которой позволяет выделить в ней несколько источников влияния: индийский, китайский, тибетский.

Дуньхуан являлся и важным оборонительным пунктом, фактически военным центром Западного Китая, игравшего важную роль в предотвращении проникновения вражеских армий с запада и юго-запада. В 400 г. Дуньхуан даже был провозглашён столицей независимого государства Западной Лян. Сменявшие друг друга династии боролись за влияние над Дуньхуаном, стратегическое значение которого возрастало с появлением всё новых соперников в борьбе за контроль над Западным и Северо-Западным Китаем — Западного и Восточного Тюркских и Уйгурского каганатов, Тибетской империи. Именно на период тибетского господства в Дуньхуане (790 г. – середина IX в.) приходится период расцвета буддизма в регионе.

Противостояние различных династий в Западном Китае привело к тому, что постепенно торговцы стали выбирать для продвижения на Запад и обратно более южные маршруты. В XIII в. Дуньхуан вошёл в состав монгольского государства Юань, торговые пути сместились на юг, и начался период быстрого упадка некогда процветавшего оазиса.

Исследование Дуньхуана: первые шаги

Нельзя сказать, что Дуньхуан оказался совершенно забыт. Целый ряд великих путешественников XIX в. посещал этот оазис, в том числе и Н.М. Пржевальский. Однако их не интересовала история Дуньхуана. Подлинное возрождение истории оазиса связано с деятельностью даосского монаха Ван Юаньлу (ок. 1850 – ок. 1931), по поручению которого 22 июня 1900 г. некий рабочий расчистил вход в пещеру, известную в настоящее время как пещера Цанцзидун и получившую № 16. В этой пещере было найдено несколько десятков свитков с изображениями и рукописями. Это открытие относят в современной китайской исследовательской традиции к четырём важнейшим открытиям Нового времени [10].

В течение нескольких лет стало очевидно, что Дуньхуан представляет собой величайший памятник мировой культуры, что вызвало приток к нему исследовательских экспедиций. В марте 1907 г. в Дуньхуан прибыл крупнейший английский путешественник — географ, этнограф Марк Аурел Стейн (1862–1943) [18–19], в 1908 г. на памятнике работала экспедиция французского синолога Поля Пеллио (1878–1945). Пеллио подготовил фотоальбом в шести частях, в которых, однако, иллюстративный материал практически не снабжён комментариями, а само издание выполнено на довольно посредственном полиграфическом уровне, к тому же оно вышло в свет спустя много лет после завершения экспедиции [17]. Работа с иллюстрациями П. Пеллио затрудняется тем обстоятельством, что обозначения частей пещер (стен, потолка, ниш и т.д.), принятое в его работе и в «Описании пещер...» С.Ф. Ольденбурга, совершенно не совпадают. Кроме того, номера пещер 181 и 182, использованные в работе П. Пеллио, в труде С.Ф. Ольденбурга не встречаются.

Экспедиция С.Ф. Ольденбурга была фактически единственной, систематически изучившей известные пещеры, открывшей новые и составившей подробные описания пещер, а также выполнившей искусствоведческий анализ исследованного материала.

Пещеры Дуньхуана (более точно говорить о пещерах Цянфодун — «Пещерах тысячи будд») после их открытия подвергались деструктивному воздействию – природному и антропогенному. В 1920-е гг. значительный урон стенописи Дуньхуана нанесли войска атамана Б.В. Анненкова (1889–1927), оказавшиеся в Синьцзяне в 1920 г. [15], а также американский исследователь Уорнер Ленгдон (1881–1955), работавший в Дуньхуане в 1924 г. [16]. Целый ряд реставраций, проводившихся

в ходе XX в., также в значительной мере исказил изначальный облик пещер. Вот почему подробное описание каждой пещеры с акцентом на особенности устройства, декора, композиции, цветовую гамму выделяет работу С.Ф. Ольденбурга как важнейший источник для реконструкции буддийской живописи на протяжении IV–XIV вв.

Дуньхуанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга

Академик Ольденбург готовил «Описание пещер Чан-фо-дуна...» непосредственно на месте проведения работ, однако в силу многих обстоятельств, прежде всего административной нагрузки на посту непременного секретаря РАН (с 1925 г. — АН СССР), издать работу не успел. Тем не менее сохранилось немало свидетельств того, что он работал над вопросом издания своего труда. Так, в отчёте С.Ф. Ольденбурга за 1923–1924 гг. о работе в Научно-исследовательском институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока говорится: «...вёл индивидуальную работу: по изучению среднеазиатского буддийского <искусства> (материалы, собранные в Дуньхуане и Восточном Туркестане), предположено к напечатанию заграницей, ввиду отсутствия у нас средств на таблицы»[1]. В отчёте Института истории искусств, опубликованном в 1924 г., также отмечается, что С.Ф. Ольденбург работал над темой «Росписи и статуи Дунь-хуанских пещер», и более того, намечавшийся к изданию третий том (четвёртый выпуск) «Ежегодника Российского Института истории искусств» должен был быть полностью посвящён публикации его исследования «Живопись Дунь-Хуанских пещер» [11, с. 204], причём в отчёте оговаривалось: «фототипические таблицы к этому выпуску уже готовы» [там же, с. 211].

«Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дуньхуана»: начальный этап подготовки к изданию

В декабре 1935 г. Елена Григорьевна Ольденбург, вдова академика С.Ф. Ольденбурга, решает просить президиум АН СССР образовать комиссию по изданию трудов супруга. Фактическим делопроизводителем комиссии должна была стать О.А. Крауш. Издателем материалов экспедиции в Дуньхуан становится в декабре 1935 г. академик Щербатской. Однако конфликт с И.А. Орбели — директором Государственного Эрмитажа, где хранились находки экспедиции, препятствует началу работы.

Президиум АН СССР выделяет средства на работу О.А. Крауш по перепечатке материалов экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан, над редактированием которых в 1938 г. работает академик Ф.И. Щербатской. Очередным серьёзным препятствием для продолжения работы становится тяжёлая болезнь Щербатского. Ему требуется время на то, чтобы поправить здоровье. Но затем работа возобновляется. Е.Г. Ольденбург и академик Щербатской разрабатывают план по изданию работ С.Ф. Ольденбурга.

В 1940 г. работа над машинописью заканчивается: подготовлены три экземпляра, два из которых в переплетённом виде сданы в Институт востоковедения АН СССР (ныне — Институт восточных рукописей РАН) и Государственный Эрмитаж. Не переплетённый и отредактированный Ф.И. Щербатским экземпляр сдан в Архив РАН [1–2].

В 2005 г. с машинописного экземпляра, хранящегося в Государственном Эрмитаже, был выполнен перевод «Описания пещер...» на китайский язык [13].

Текст работы сохранился и в виде рукописных черновиков, находящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН[2].

[1] Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 288. Оп. 1. Д. 9. Л. 15.

[2] СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 171.

В 1938–1940 гг. О.А. Крауш[1] и Е.Г. Ольденбург[2] на их основе подготовили машинописный набор[3], который был отредактирован Ф.И. Щербатским[4].

«Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дуньхуана»: машинописный экземпляр

Как показало пристальное исследование машинописного экземпляра работы С.Ф. Ольденбурга, машинопись была подготовлена к печати. Качество выполнения работы оказалось низким, и оно не позволяет пользоваться данным экземпляром для научной работы.

Машинопись, определённо, велась под диктовку. Этот вывод следует из характера ошибок, допущенных при печати. В частности, показательной является следующая: в рукописи[5] значится: «а ниже», в машинописи же[6] — «они же», не подходящее по смыслу, но произносимое так же.

В машинописи имеется большое число лакун, которые должны были быть заполнены вручную. Лакуны заполнялись синими и красными чернилами (Ф.И. Щербатским), а также простым и синим карандашами. Значительное количество лакун осталось незаполненными, иногда вследствие затруднений при чтении рукописи, иногда — вследствие наличия лакуны в рукописном тексте. Кроме того, некоторые разделы исправлялись карандашом после внесения чернильных вставок. Ряд страниц (448–449 об.) полностью написан от руки. Часть слов, написанных синими чернилами, исправлялась и красными чернилами, и карандашом (см., например, л. 138, особенно л. 146). При этом карандашом работали несколько сверщиков. Судя по почерку, одним из них также был Ф.И. Щербатской, вносивший эпизодическую правку.

К стилистическим отличиям рукописи и машинописи относится несовпадение при обозначении числительных. Без какой-либо системы, однако, не во всех случаях, там, где в рукописи числительные обозначены цифрами, в машинописи даётся буквенное обозначение, и наоборот.

Равным образом без какой-либо последовательности вместо рукописных вариантов buddha/bodhisattva (чаще всего в сокращениях) в машинописи появляется кириллическая передача, и наоборот. Это свидетельствует о том, что машинопись готовилась под диктовку, без уточнения формата рукописи.

Диакритика в машинописи расставлялась несистематически, часто ошибочно: так, Avalokitēśvara (правильно Avalokiteśvara) постоянно пишется с долгим ē. Так как рукописный текст С.Ф. Ольденбурга перепечатывала О.А. Крауш, не знакомая

---

[1] Крауш Ольга Александровна (1902–1942) — стенографистка, в конце 1920-х гг. — гражданская жена А.Е. Ферсмана, востоковед-иранист, ученица А.А. Фреймана и Э.А. Бертельса в Ленинградском историко-лингвистическом институте (1929–1932), управляющий делами и учёный секретарь Таджикско-Памирской экспедиции (1932–1934), заместитель учёного секретаря БАН (1935–1936), в январе–июне 1936 г. — личный секретарь непременного секретаря АН СССР академика Н.П. Горбунова, в 1938 г. — сотрудник Государственного Эрмитажа, с 1939 г. — м.н.с. ИВ АН СССР. Была знакома с С.Ф. Ольденбургом, в фонде которого сохранились её письма (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 303). Проживала в одном доме с семьёй С.Ф. и Е.Г. Ольденбург (Васильевский остров, 7 линия, д. 2).

[2] Ольденбург Елена Григорьевна (урожд. Клеменц, в первом браке — Головачёва, 1875–1955) — супруга С.Ф. Ольденбурга (с 1923 г.), племянница Д.А. Клеменца, сотрудник Государственного Эрмитажа (1924–1932, 1944–1950), Института востоковедения АН СССР (1932–1941).

[3] СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175; описание пещеры 120n также хранится в фонде Ф.И. Щербатского (СПбФ АРАН. Ф. 725. Оп. 4. Д. 560. Л. 1–8).

[4] Щербатской Фёдор Ипполитович (1866–1942) — российский учёный-востоковед, индолог, крупный специалист по истории индийских философских и религиозных учений, в частности буддизма; член-корреспондент (1910), действительный член РАН (1918).

[5] СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 171/6. Л. 45 об.

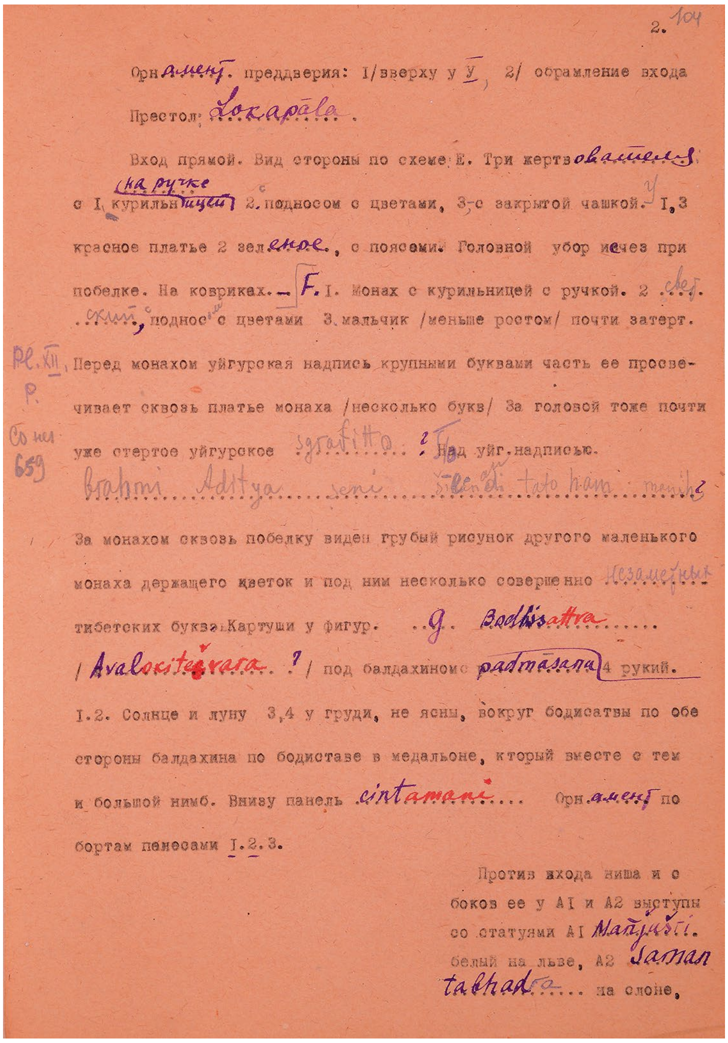
[6] Там же. Д. 175. Л. 949 об.

с санскритской диакритикой, то, очевидно, именно по этой причине в тексте оказалось много орфографических ошибок при передаче специальных терминов (dvarapāla вместо dvārapāla, cintāmāṇi вместо cintāmaṇi и т.д.): правка Ф.И. Щербатского носила весьма несистемный характер. Впрочем, многие эти ошибки восходят ещё к рукописной версии «Описания пещер...».

Вероятно, ввиду отсутствия соответствующего знака на клавиатуре печатной машинки вопросительные знаки, столь многочисленные в рукописном варианте, в машинописи пропущены.

Вместо арабской цифры 1 в машинописи используется римский знак I, что объясняется той же причиной – набором соответствующих знаков на клавиатуре печатной машинки.

Важнейшими же недостатками машинописи по сравнению с рукописью являются неточности при передаче номенклатуры. Многократно ссылки на те или иные фрагменты стенописи, передаваемые в рукописи штрихом (A′, B′, C′), в машинописи изображались так, как если бы штрих был тождествен цифре 1 (A-1, B-1, C-1). Цифра 1 и штрих над буквой передавали разные фрагменты декора и устройства пещеры. Соответственно, ссылки на такие фрагменты машинописи и переводы на иностранные языки «Описания пещер...», сделанные с машинописи, без учёта этой особенности работы редакторов машинописного варианта, заведомо ведут в неверном направлении (ил. 3).


2. 104

Орнамент. преддверия: I/вверху у V, 2/ обрамление входа

Престол: Lokapāla.

Вход прямой. Вид стороны по схеме Е. Три жертвователя: с I. курильницей (на ручке) 2. подносом с цветами, 3. с закрытой чашкой. У I, 3 красное платье 2 зеленое, с поясами. Головной убор исчез при побелке. На ковриках. F. I. Монах с курильницей с ручкой. 2 ...свеч...скит, поднос с цветами 3. мальчик /меньше ростом/ почти затерт.

Перед монахом уйгурская надпись крупными буквами часть ее просвечивает сквозь платье монаха /несколько букв/ За головой тоже почти уже стертое уйгурское sgrafitto...? Над уйг. надписью.

brahmi Aditya ... seni ... śilendi tato hana ... menih?

За монахом сквозь побелку виден грубый рисунок другого маленького монаха держащего цветок и под ним несколько совершенно незаметных тибетских букв. Картуши у фигур. ..9. Bodhisattva......

/Avalokiteśvara...?/ под балдахином с padmāsana 4 руки.

I.2. Солнце и луну 3,4 у груди, не ясны, вокруг бодисатвы по обе стороны балдахина по бодиставе в медальоне, кторый вместе с тем и большой нимб. Внизу панель cintamani.... Орнамент по бортам пенесами I.2.3.

Против входа ниша и с боков ее у AI и A2 выступы со статуями AI Mañjuśrī. белый на льве, A2 Samantabhadra... на слоне,

Ил. 3. Образец машинописного текста «Описания пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана» (пещера № 6) (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 104)

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

В тексте описаны 449 пещер: три пещеры (№ 65, 68, 111) указаны в содержании второй тетради, но их описание не сохранилось. Таким образом, фактически всего описаний – 446. Нумерация пещер не является сквозной[1]: с одной стороны, имеют место пропуски, с другой – сбои. Так, наряду с № 136F имеет место № 136f, именно так нумерация и обозначена в описи (Л. 657 машинописи). Одна пещера (№ 120v) в машинописи (Л. 707) не получила полного обозначения: вместо буквенного дополнения в номере ошибочно был поставлен знак вопроса. Описание пещеры № 119b не завершено. После

[1] В современных исследованиях нумерация пещер, использованная С.Ф. Ольденбургом, не применяется; см., например [9–10]. См. также [12, с. 266–267, 269 и др.]: речь идёт о предметах искусства, привезённых экспедицией С.Ф. Ольденбурга из пещер № 321, № 445, хотя такие номера Ольденбургом не использовались.

л. 469 и 469 об. снова идёт л. 469 (правильно — 470). Две разные пещеры необъяснимо получили одинаковый номер (136a), что говорит о неполной подготовленности рукописи С.Ф. Ольденбурга к печати.

Последовательность описания пещер № A – № 5a в машинописи не выдержана. Не своё место занимает одна из копий описания пещеры № 119. По этой причине части разделов пришлось поменять местами, для того чтобы соблюсти порядок, заданный самим С.Ф. Ольденбургом. Очевидно, что машинопись не была закончена и пребывала в беспорядке, так как в ней присутствовало более 100 листов совершенно постороннего текста — как машинописного, так и печатного — на различные сюжеты: античная историческая география, арабская географическая литература, сельскохозяйственное освоение Памира. Вероятно, для машинописи предназначались чистовые стороны использованных листов бумаги.

«Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дуньхуана»: рукопись текста

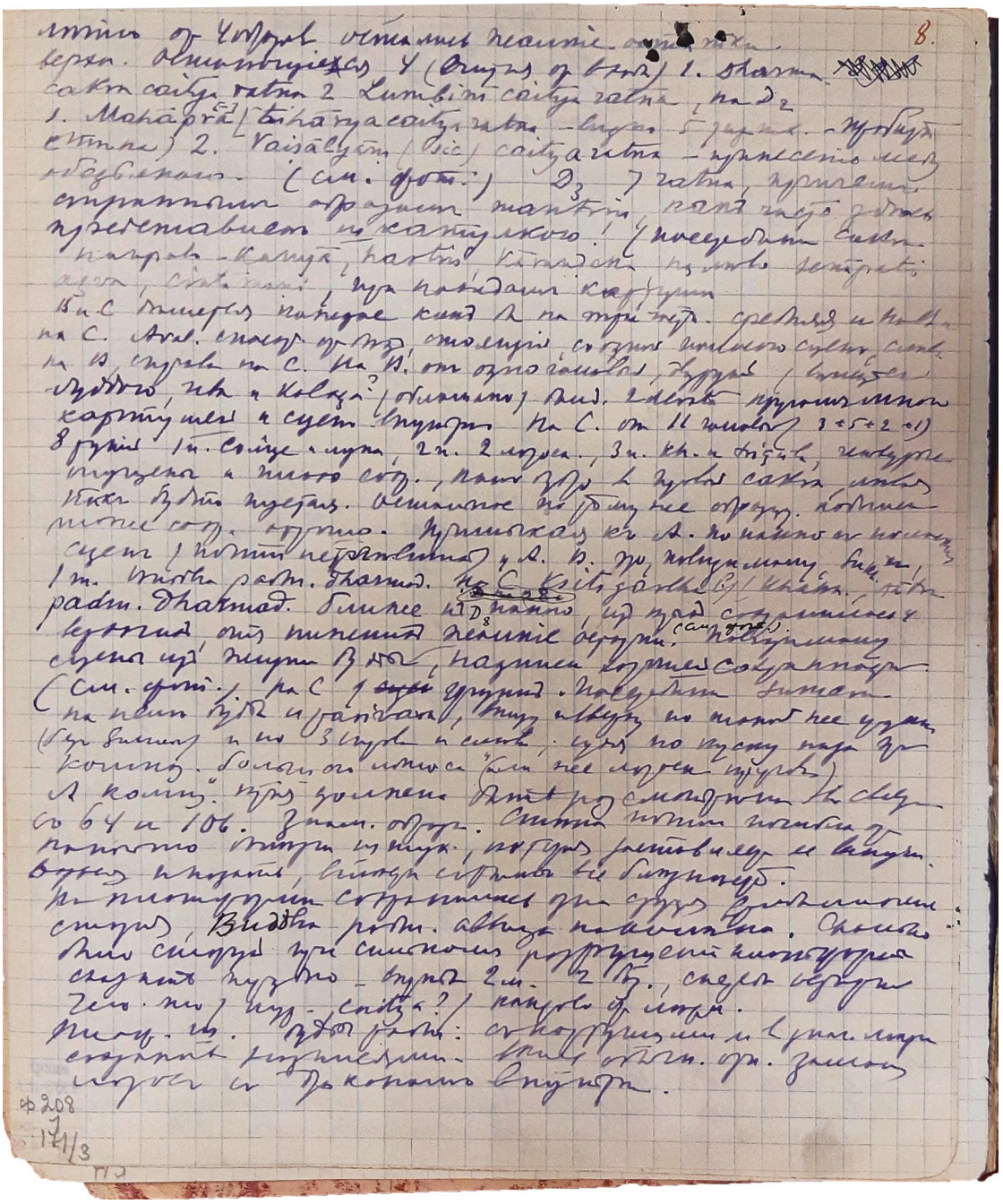
Установление низкого качества машинописи явилось тем фактором, который вынудил начать работу по подготовке «Описания пещер...» к печати заново, фактически с нуля, отталкиваясь от черновых рукописных записей (ил. 4). Эта работа проделана М.Д. Бухариным и И.В. Тункиной.

Листы рукописи частью пронумерованы дважды: в правом и левом верхнем углах, и эти системы нумерации не совпадают: слева номера даны красными чернилами, справа — карандашом. Почерк мелкий, слова, как правило, сокращены. Числительные чаще всего переданы цифрами, что делает чтение текста неудобным, так как в таких предложениях отсутствуют падежные согласования, как, например, в описании пещеры № 31: «... может быть, впрочем из 4 стоящих фигур 2 будда».

Читается рукописный текст с очень большими затруднениями. Знаки препинания расставлялись бессистемно, зачастую не расставлялись вовсе. Орфография санскритская не унифицирована. Как правило, верхний левый угол описания занят планом пещеры. Эти планы, однако, не воспроизведены в машинописи, хотя для них оставлялось место. Другим важным затруднением при работе с текстом является отсутствие однозначных объяснений номенклатуры — буквенных и цифровых обозначений тех или иных элементов архитектурного устройства и стенописи. Некоторые обозначения раскрываются на планах, некоторые становятся ясны из текста. Некоторые (например, -a-, -b-, -c-) однозначно не раскрываются.

В рукописи иногда присутствует несколько экземпляров описания одной и той же пещеры, и эти описания неодинаковы. Скорее всего, Ольденбург готовил чистовые варианты описаний. Так, например, описания пещеры C разнятся как объёмом, так и структурой текста. Пещера № 26 также описана дважды, и эти описания не являются копией друг друга. Номер 86a использован для двух описаний, сделанных на разных листах. Возможно, именно просмотр в рукописи вызвал появление в машинописи — и в содержании второй тетради, и в самом машинописном тексте — двух описаний с одним и тем же номером (86a). Можно предположить, что номер второй пещеры следует исправить на 86b. Для описания двух разных пещер использован и номер 136a. Два номера 136a указаны и в машинописном содержании четвёртой тетради (Л. 656 об., 657, 660). Это обстоятельство явно вызвало недоумение у Ф.И. Щербатского, который простым карандашом подчеркнул номер второй пещеры 136a и поставил вопросительный знак в машинописи. Затем, однако, вопросительный знак был перечёркнут. Для удобства пользования вторая пещера обозначена 136a′.

При этом в содержании второй тетради указаны пещеры № 65, № 68, № 111, а в содержании четвёртой — № 136l, но само описание этих пещер ни в рукописи, ни в машинописи не сохранилось. Также не сохранились описания пещер



Ил. 4. Образец рукописного текста
«Описания пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана» (пещера № 6).
(СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 8)
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

161b и 161c, хотя после описания пещеры 161 следует описание 161d. В публикации фотоархива II РТЭ фигурирует пещера 165c [12], ни в самом «Описании пещер...», ни в описи фотоархива[1] такая пещера не упоминается.

«Предварительный беглый осмотр пещер Чан-Фо-Дуна для выяснения хода работ» С.Ф. Ольденбурга

В ходе работы с дуньхуанскими материалами С.Ф. Ольденбурга была выявлена ранее неизвестная работа, предшество-

[1] СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182.

вавшая началу составления «Описания пещер...», — «Предварительный беглый осмотр пещер Чан-Фо-Дуна для выяснения хода работ». Данный раздел в рукописи «Описания пещер...» занимает всего несколько строк, однако он составляет самостоятельное дело в фонде С.Ф. Ольденбурга[1]. Так как по содержанию текст «Предварительного беглого осмотра...» предшествует «Описанию пещер...» и представляет собой краткий конспект будущей работы, решено выделить эту предварительную работу в отдельную публикацию.

«Предварительный беглый осмотр...» имеет свою ценность, которая состоит не только в том, что он является неотъемлемой частью работы II РТЭ, но и в том, что он содержит планы отдельных пещер, отсутствующие в иных итоговых документах экспедиции.

Так же интересны эмоциональные оценки уровня живописи пещер.

Текст «Предварительного беглого осмотра...» составлен в основном карандашом, который местами сильно выцвел. Читается данный раздел с большим трудом, чтение многих фрагментов предположительно, некоторых — едва ли возможно. Усложняют работу с документом обильное использование сокращений, часть из которых не поддаётся раскрытию, а также отсутствие систематической пунктуации.

Записи не велись последовательно. Определённо С.Ф. Ольденбург возвращался в те или иные пещеры неоднократно, а сам порядок записей отражает порядок посещения пещер. Записи об отдельных пещерах встречаются неоднократно, на разных листах, выстроить последовательное описание пещер можно, только совершенно пренебрегая пагинацией. На некоторых листах текст идёт снизу вверх, что привносит дополнительную путаницу. По этой причине нумерация листов в итоговом издании приводится только в случае необходимости, а сам текст «Предварительного беглого осмотра...» даётся в соответствии не с пагинацией, а с порядковыми номерами пещер — так же, как и в «Описание пещер...». Некоторые записи сохранились в сильно фрагментированном виде. Тем не менее, удалось восстановить текст и этой работы, важнейшей для изучения истории исследования живописи Цянфодуна.

Новые архивные материалы по истории работ Восточно-Туркестанских экспедиций С.Ф. Ольденбурга

Кроме работ С.Ф. Ольденбурга, итоговых для деятельности II Русской Туркестанской экспедиции, в научный оборот введён целый ряд других материалов. Так, В.Г. Ананьев и М.Д. Бухарин выявили и подготовили к печати ранее неизвестную работу В.Д. Головчинер «Китайский Туркестан», М.Д. Бухарин практически завершил работу с материалами Первой экспедиции (1909–1910 гг.): подготовлены к печати записная книжка С.Ф. Ольденбурга, в которой фиксировался ход работ и архитектурные планы различных городищ Восточного Туркестана, усилиями исследовательского коллектива реконструированы биографии участников работ обеих экспедиций: В.С. Биркенберга (Е.В. Аброськина), Б.Ф. Ромберга (М.Д. Бухарин), Д.А. и Н.А. Смирновых (Е.В. Аброськина, М.Д. Бухарин, С.Л. Шевельчинская) и консула А.А. Дьякова (М.К. Басханов), оказывавшего помощь экспедиции.

Важнейшую часть работы составила подготовка к печати полевых дневников участников работ, при этом дневник С.М. Дудина имеет более высокую ценность, так как в нём даётся искусствоведческий анализ живописи Цянфодуна. Дудин был далеко не во всём согласен с руководителем работ, между ними шла постоянная дискуссия по тем или иным вопросам. Дневники С.Ф. Ольденбурга, С.М. Дудина, Б.Ф. Ромберга и Н.А. Смирнова готовили к печати

[1] Там же. Д. 173. Л. 1–44.

М.Д. Бухарин, И.В. Тункина и С.Л. Шевельчинская, записные книжки С.Ф. Ольденбурга 1914–1915 гг. — М.Д. Бухарин.

Несколько архивных дел были объединены под условным названием «Разрозненные части отчётов и научных трудов участников Русско-Туркестанских экспедиций в 1909–1910 и 1914–1915 гг.». Их составили материалы как подводящие итоги археологического исследования Северо-Западного Китая, так и передающие те или иные, относительно частные, особенности ведения работ. Над этими материалами работали М.Д. Бухарин и И.В. Тункина при участии М.К. Басханова.

Значительный объём информации по истории изучения Западного и Восточного Туркестана содержится в письмах. М.Д. Бухариным подготовлены к изданию письма Р. Пишеля (руководителя германского Турфанского комитета) к В.Р. Розену и переписка С.Ф. Ольденбурга с В.В. Бартольдом, И.В. Тункиной и С.Л. Шевельчинской — письма Д.В. Коссиковского к С.Ф. Ольденбургу, а М.К. Басханов представил анализ содержания этих документов.

Планы по дальнейшему изучению Восточного Туркестана рассматривались на Первом заседании Постоянной Туркестанской комиссии 8 января 1921 г. Соответствующий документ подготовили к печати М.Д. Бухарин и И.В. Тункина. В.Г. Ананьев выявил и подготовил к изданию два документа, демонстрирующих место С.Ф. Ольденбурга в музееведении и искусствоведении, — речи И.А. Орбели «С.Ф. Ольденбург как искусствовед» и «С.Ф. Ольденбург как музеевед».

В результате благодаря поддержке РФФИ мировая наука обогатилась ценнейшим источниковым и исследовательским материалом, объединённым в два внушительных тома, изданные — также при поддержке РФФИ — в самом конце 2020 г.:

- Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Том IV: Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С.Ф. Ольденбурга / Под общ. ред. М.Д. Бухарина, В.С. Мясникова, И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2020;
- Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX веков. Том V: Вторая Русская экспедиция 1914–1915 гг.: С.Ф. Ольденбург. Описание пещер Чан-фо-дуна близ Дунь-хуана / Под общ. ред. М.Д. Бухарина, М.Б. Пиотровского, И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2020.

Работа с материалами Второй Русской Туркестанской экспедиции — одного из выдающихся свершений российской науки XX в. — не закончена. Наиболее важный объём информации содержит фотоархив экспедиции, хранящийся в Государственном Эрмитаже. Его подготовка к полному изданию — важнейшая задача российской исторической науки на современном этапе.

(Воспроизводится по: Вестник «РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» 2021. № 1 (103). С. 9–22)

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Время Ольденбурга. Post factum. I. Е.Г. Ольденбург и академическое сообщество в деле сохранения научного наследия академика С.Ф. Ольденбурга // Диалог со временем. 2019. № 3 (68). С. 318–329.
2. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.: Время Ольденбурга. Post factum. II. Сохранение научного наследия академика С.Ф. Ольденбурга в письмах и документах // Диалог со временем. 2020. № 2 (71). С. 408–424.
3. Бухарин М.Д. (отв. ред.): Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX в. Т. 1: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М.: Памятники исторической мысли, 2018.

4. Бухарин М.Д. (отв. ред.): Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX в. Т. 2: Географические, археологические и исторические исследования (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской республики). М.: Памятники исторической мысли, 2018.
5. Бухарин М.Д., Шевельчинская С.Л. Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX в. Т. 3: Фотоархив Первой Русской Туркестанской экспедиции 1909–1910 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2018.
6. Бухарин М.Д. 俄罗斯科学院档案馆圣彼得堡分馆收藏的П.К.科兹洛夫写给С.Ф.奥登堡的信 [Элосы кэсюэюань данъаньгуань Шэнбидэбао фэньгуань шоуцан дэ П.К. Кэцзылофу се гэй С.Ф. Аодэнбао дэ синь: Письма П.К. Козлова к С.Ф. Ольденбургу из собрания Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук] // 丝绸之路考古 [Сычоу чжилу каогу: Археология Шелкового пути]. 2020. Вып. 4. С. 169–188.
7. Бухарин М.Д. 俄罗斯科学院档案馆圣彼得堡分馆收藏的М.М.别列佐夫斯基写给С.Ф.奥登堡的信 [Элосы кэсюэюань данъаньгуань Шэнбидэбао фэньгуань шоуцан дэ М.М. Белецзофусыцзи се гэй С.Ф. Аодэнбао дэ синь: Письма М.М. Березовского С.Ф. Ольденбургу из собрания СПФ АРАН] // 旅顺博物馆学苑 [Лушунь боугуань сюэюань: Академия Музея Лушунь. 2019] / Ван Чжэньфэнь (ред.). Лушунь: Лушунь боугуань, 2020. С. 145–167.
8. Бухарин М.Д., Тункина И.В. С.Ф. Ольденбург. 奥登堡院士未公布的科学遗产 (纪念俄罗斯新疆探险考察队工作结束100周年) [С.Ф. Аодэнбао юаньши вэй гунбу дэ кэсюэ ичань (Цзинянь Элосы Синьцзян таньсянь каояньдуй гунцзо цзешу 100 чжоунянь): Неизданное научное наследие академика С.Ф. Ольденбурга (к 100-летию завершения работ русских Синцзянских экспедиций)] // 丝路文明 [Сычоу вэньмин: Цивилизация Шелкового пути]. 2020. Вып. 5. С. 183–197.
9. Гуань Юхуэй. Тайны Дуньхуана. Росписи пещер. СПб., 2019.
10. Жун Синьцзян. 18 лекций о Дуньхуане. М.: Восток-бук, 2019.
11. Краткий отчёт о деятельности Российского института истории искусств // Задачи и методы изучения искусств / Отв. ред. А.Ф. Некрылова. СПб., 2012.
12. Памятники искусства из Дуньхуана, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Т. IV / Отв. ред. Л.Н. Меньшиков, Вэй Тунсянь. Шанхай, 2000. С. 328. Р. 165с (D.361)-1.
13. Памятники искусства из Дуньхуана, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Т. VI / Отв. ред. Л.Н. Меньшиков, Вэй Тунсянь. Шанхай, 2005. С. 29–327.
14. Пещеры тысячи будд. Российские экспедиции на Шёлковом пути. К 190-летию Азиатского музея. Каталог выставки / О.П. Дешпанде (науч. ред.). СПб., 2008.
15. Попов А.В. Несостоявшийся поход в Индию: атаман Борис Владимирович Анненков и его отряд в Синьцзяне // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. 2007. 1. С. 7–20.
16. Langdon W. A Study of a Ninth-Century Grotto at Wan Fo Hsia. Cambridge, 1938.
17. Pelliot P. Les grottes de Touen-Houang. Peintures et Sculptures bouddhiques des époques des Wei, des T'ang et des Song. T. I–VI. Paris (Mission Pelliot en Asie Centrale. I). 1920–1924.
18. Wang Jiqing. Aurel Stein's Dealings with Wang Yuanlu and Chinese Officials in Dunhuang in 1907 // Sir Aurel Stein. Colleagues and Collections / Ed. by Helen Wang. L., 2012 (British Museum online publication). Pp. 1–6.
19. Whitfield S. Aurel Stein on the Silk Road. London, 2004.

Russian Turkestan Expeditions in 1909–1910 and 1914–1915: Findings and Prospects of the Study of Archives

Mikhail Dmitrievich Bukharin — RAS academician, Doctor of Sciences in History, Chief Researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences.

In 2018–2020, a group of researchers of the project "The Second Russian Turkestan Expedition of Academician Sergei Oldenburg in 1914–1915. Unpublished Materials from RAS Archives" have identified and prepared for publication the entire body of primary scientific documents from RAS archives. The documents fully cover the work of Russian researchers in studying Qianfodong and Turpan Oasis. Through their efforts, the works that undoubtedly represent the greatest achievements of Russian Oriental studies in their entire history are being introduced to academia. The biographies of all the participants of the works have been largely restored, and their previously unknown correspondence has been prepared for publication. The key result of the research was the preparation for publication of Academician Sergei Oldenburg's "Description of the Qianfodong Caves near Dunhuang". The importance of Oldenburg's paper in the site study has only increased over the past century.

The most promising areas for further work include the restoration and preparation for printing of the photographic archive of the Second Russian Turkestan Expedition consisting of over 2,000 images stored in the State Hermitage Museum. The publication of this photographic archive will completely fill a major gap in the history of Russian Oriental studies.

Keywords: Archaeology, China, East Turkestan, Xinjiang, Qianfodong, Buddhism, archive, art, mural painting

REFERENCES

1. Anan'ev V.G., Bukharin M.D. Vremya Ol'denburga. Post factum. I. E.G. Ol'denburg i akademicheskoe soobshchestvo v dele sokhraneniya nauchnogo naslediya akademika S.F. Ol'denburga // Dialog so vremenem. 2019. № 3 (68). S. 318–329 (in Russian).
2. Anan'ev V.G., Bukharin M.D.: Vremya Ol'denburga. Post factum. II. Sokhranenie nauchnogo naslediya akademika S.F. Ol'denburga v pis'makh i dokumentakh // Dialog so vremenem. 2020. № 2 (71). S. 408–424 (in Russian).
3. Bukharin M.D. (otv. red.): Vostochnij Turkestan i Mongoliya. Istoriya izucheniya v kontse XIX – pervoi treti XX v. T. 1: Epistolyarnye dokumenty iz arkhivov Rossijskoi akademii nauk i Turfanskogo sobraniya. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2018 (in Russian).
4. Bukharin M.D. (otv. red.): Vostochniy Turkestan i Mongoliya. Istoriya izucheniya v kontse XIX – pervoi treti XX v. T. 2: Geograficheskie, arkheologicheskie i istoricheskie issledovaniya (Arkhivy Rossijskoy akademii nauk i Natsional'noj akademii nauk Kyrgyzskoi respubliki). M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2018 (in Russian).
5. Bukharin M.D., Shevel'chinskaya S.L. Vostochnii Turkestan i Mongoliya. Istoriya izucheniya v kontse XIX – pervoi treti XX v. T. 3: Fotoarkhiv Pervoi Russkoi Turkestanskoi ekspeditsii 1909–1910 gg. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2018 (in Russian).
6. Bukharin M.D. 俄罗斯科学院档案馆圣彼得堡分馆收藏的P.K.科兹洛夫写给S.F.奥登堡的信 [Elosy kesyueyuan' dan"an'guan' Shenbidebao fen'guan' shoutsan de P.K. Ketszylofu se gej S.F. Aodenbao de sin': Pis'ma P.K. Kozlova k S.F. Ol'denburgu iz sobraniya Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva Rossijskoi akademii nauk] // 丝绸之路考古 [Sychou chzhilu kaogu: Arkheologiya Shelkovogo puti]. 2020. Vyp. 4. S. 169–188.

7. Bukharin M.D. 俄罗斯科学院档案馆圣彼得堡分馆收藏的 M.M. 别列佐夫斯基写给 S.F.奥登堡的信 [Elosy kesyueyuan' dan"an'guan' Shenbidebao fen'guan' shoutsan de M.M. Beletszofusytszi se gej S.F. Aodenbao de sin': Pis'ma M.M. Berezovskogo S.F. Ol'denburgu iz sobraniya SPF ARAN] // 旅顺博物馆学苑 [Lushun' bouguan' syueyuan': Akademiya Muzeya Lushun'. 2019] / Van Chzhen'fen' (red.). Lushun': Lushun' bouguan', 2020. S. 145–167.
8. Bukharin M.D., Tunkina I.V. S.F. Ol'denburg. 奥登堡院士未公布的科学遗产 (纪念俄罗斯新疆探险考察队工作结束100周年) [S.F. Aodenbao yuan'shi vej gunbu de kesyue ichan' (Tszinyan' Elosy Sin'tszyan tan'syan' kaoyan'duj guntszo tszeshu 100 chzhounyan'): Neizdannoe nauchnoe nasledie akademika S.F. Ol'denburga (k 100-letiyu zaversheniya rabot russkikh Sintszyanskikh ekspeditsii)] // 丝路文明 [Sychou ven'min: Tsivilizatsiya Shelkovogo puti]. 2020. Vyp. 5. C. 183–197.
9. Guan' Yukhuej. Tajny Dun'khuana. Rospisi peshcher. SPb., 2019 (in Russian).
10. Zhun Sin'tszyan. 18 lektsii o Dun'khuane. M.: Vostok-buk, 2019 (in Russian).
11. Kratkii otchyot o deyatel'nosti Rossiiskogo instituta istorii iskusstv // Zadachi i metody izucheniya iskusstv / Otv. red. A.F. Nekrylova. SPb., 2012. S. 187–247 (in Russian).
12. Pamyatniki iskusstva iz Dun'khuana, khranyashchiesya v Gosudarstvennom Ermitazhe. T. IV / Otv. red. L.N. Men'shikov, Vei Tunsyan'. Shankhai, 2000. S. 328. R. 165s (D.361)-1 (in Russian).
13. Pamyatniki iskusstva iz Dun'khuana, khranyashchiesya v Gosudarstvennom Ermitazhe. T. VI / Otv. red. L.N. Men'shikov, Vei Tunsyan'. Shankhai, 2005. S. 29–327 (in Russian).
14. Peshchery tysyachi budd. Rossiiskie ekspeditsii na Shyolkovom puti. K 190-letiyu Aziatskogo muzeya. Katalog vystavki / O.P. Deshpande (nauch. red.). SPb., 2008 (in Russian).
15. Popov A.V. Nesostoyavshiisya pokhod v Indiyu: ataman Boris Vladimirovich Annenkov i ego otryad v Sin'tszyane // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. 2007. 1. S. 7–20 (in Russian).
16. Langdon W. A Study of a Ninth-Century Grotto at Wan Fo Hsia. Cambridge, 1938 .
17. Pelliot P. Les grottes de Touen-Houang. Peintures et Sculptures bouddhiques des époques des Wei, des T'ang et des Song. T. I–VI. Paris (Mission Pelliot en Asie Centrale. I). 1920–1924.
18. Wang Jiqing. Aurel Stein's Dealings with Wang Yuanlu and Chinese Officials in Dunhuang in 1907 // Sir Aurel Stein. Colleagues and Collections / Ed. by Helen Wang. L., 2012 (British Museum online publication). Pp. 1–6.
19. Whitfield S. Aurel Stein on the Silk Road. London, 2004.

Индекс УДК 903.01+903.32
Код ГРНТИ 03.41.91

А.П. ДЕРЕВЯНКО,
М.Б. КОЗЛИКИН,
М.В. ШУНЬКОВ*

Развитие культуры денисовского человека на Алтае

Культурно-хронологическая колонка плейстоценовых отложений в Денисовой пещере на Алтае является в настоящее время наиболее полной и продолжительной на территории Северной и Центральной Азии. Комплексные исследования каменной и костяной индустрии из палеолитических слоёв пещеры позволили проследить процесс автохтонного развития древнейшего населения Алтая в хронологическом интервале от 300 до 30 тыс. л.н. В результате послойного анализа каменных артефактов выделены этапы развития материальной культуры обитателей пещеры. Древнейший археологический комплекс из нижней части плейстоценовой толщи, которая накапливалась около 300–150 тыс. л.н., относится к раннему этапу среднего палеолита. Дальнейшее развитие среднепалеолитических традиций отражают находки из слоёв, формирование которых происходило 150–50 тыс. л.н. Согласно археологическим, палеоантропологическим и палеогенетическим данным, развитие среднепалеолитического комплекса в пещере связано, в основном, с денисовцами. В отложениях ранней стадии верхнего палеолита обнаружены костные останки также представителей только этой популяции. Появление в культурно-хронологической колонке Денисовой пещеры около 50 тыс. л.н. костяных игл с просверленным ушком, наборов личных украшений и следов символической деятельности в совокупности свидетельствуют, что на Алтае сформировалась одна из самых ранних верхнепалеолитических культур в Евразии.

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, палеолит, плейстоцен, геохронология, палеогенетика, денисовцы, неандертальцы, каменная индустрия, костяные орудия, персональные украшения

* **Деревянко Анатолий Пантелеевич** — академик РАН, доктор исторических наук, научный руководитель Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН.

Козликин Максим Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии каменного века ИАЭТ СО РАН.

Шуньков Михаил Васильевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом археологии каменного века ИАЭТ СО РАН.

Стабильное заселение юга Западной Сибири связано с проникновением около 300 тыс. л.н. на территорию Алтая группы древних людей, каменные орудия которых обнаружены в нижних культуросодержащих слоях Денисовой пещеры (ил. 1). Палеогенетические исследования антропологических находок из плейстоценовых отложений пещеры свидетельствуют о самостоятельном пути развития гомининов на территории Южной Сибири. Представители ранее неизвестной популяции ископаемых людей — денисовцы [1, 2] — сосуществовали на Алтае с наиболее восточной группой неандертальцев [3]. Геномы высокого покрытия, выделенные из ископаемых останков денисовцев и неандертальцев, которые обнаружены в пещере, свидетельствуют о генетической интрогрессии между этими двумя группами [4]. Вместе с тем, судя по археологическим данным, алтайские неандертальцы как носители мустьерских среднепалеолитических традиций [5] не оказали заметного влияния на развитие культуры денисовцев. В то время как неандертальцы пришли на Алтай, скорее всего, из западных районов Азии, корни культуры, носителями которой были денисовцы, прослеживаются с древнейших слоёв Денисовой пещеры [6].

Геохронологическая оценка толщи пещерных отложений основана на результатах оптического и изотопного датирования, а также на данных био- и литостратиграфии [7, 8]. Дополняющие друг друга стратиграфические колонки древнейших культуросодержащих отложений на разных участках пещеры — в центральном зале, восточной и южной галереях — формировались на протяжении двух тёплых и относительно холодной климатических фаз второй половины среднего плейстоцена, т.е. в периоды морских изотопных стадий (МИС) 9–7.

Уникальная сохранность органического материала в костных остатках и древних отложениях Денисовой пещеры позволила разработать и успешно применять методы секвенирования ДНК и определения коллагена в образцах возрастом до 300 тыс. лет. В результате дактилоскопии коллагена более 8000 мелких неопределимых костных фрагментов идентифицирована их видовая принадлежность, в том числе обнаружены новые останки человека. Секвенирование ДНК трёх новых образцов из слоя 15 восточной галереи пещеры позволило отнести их к денисовцам [9]. К этому же таксону относится молочный зуб Денисова 2 из слоя 22 в центральном зале — самого древнего культуросодержащего горизонта на стоянке. Фрагменты ДНК, выделенные из нижней части пещерных отложений, также принадлежат денисовцам. Таким образом, на сегодняшний день археологические находки из слоёв возрастом от 300 до 150 тыс. л.н. соотносятся исключительно с денисовцами. Каменные артефакты из этих отложений, в первую очередь из слоёв 15 и 14 восточной галереи пещеры, насчитывают свыше 50 тыс. экз. Обилие материала позволило детально реконструировать культурные традиции денисовцев на Алтае [6, 10].

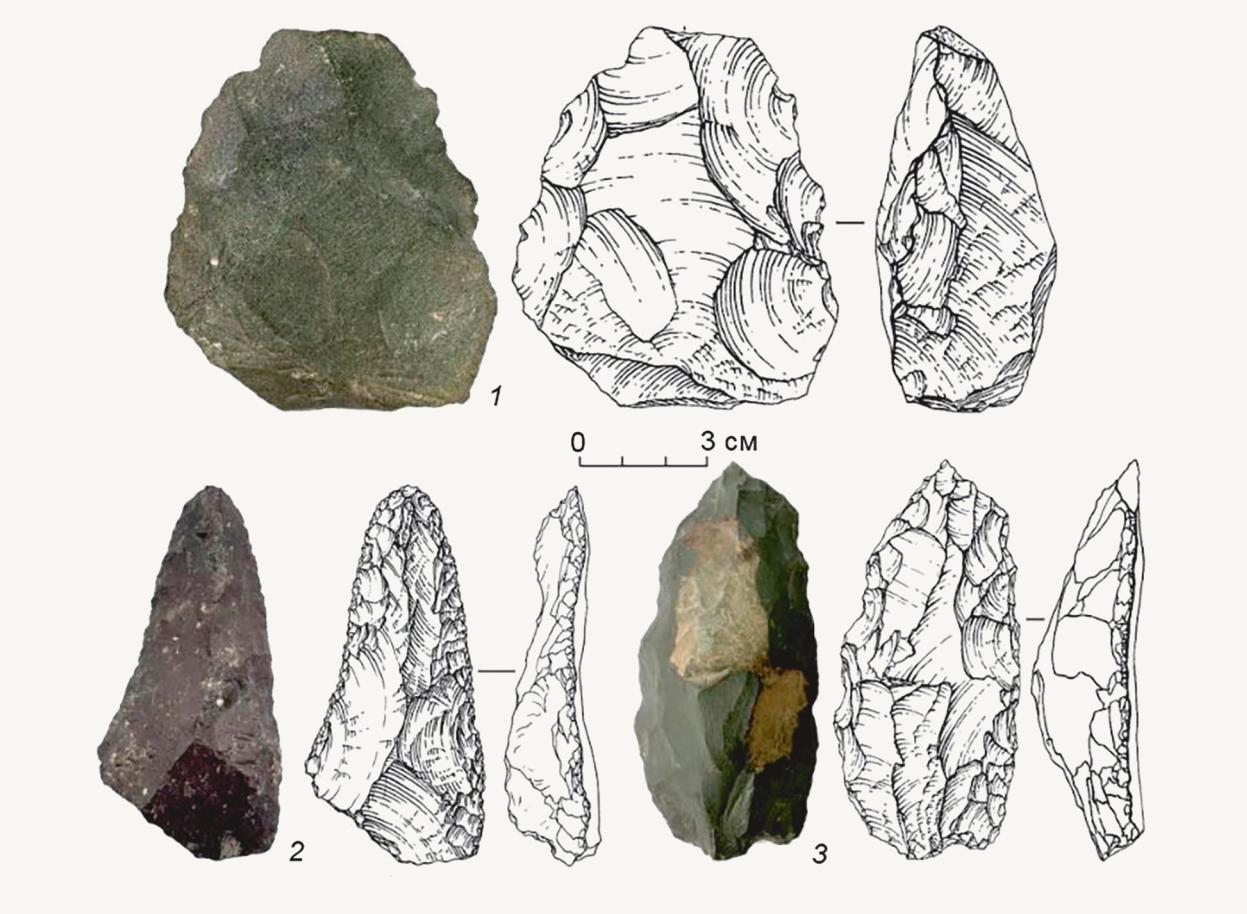
Первые обитатели пещеры для расщепления камня использовали в основном радиальную технику раскалывания, когда речная галька оббивалась по кругу с одной или двух сторон. Использовались также параллельные ядрища, в том числе с объёмным фронтом скалывания и с негативами удлинённых снятий, близкие к верхнепалеолитическим формам. Среди сколов преобладают укороченные и короткие отщепы-заготовки с сильно скошенной остаточной ударной площадкой, снятые с радиальных нуклеусов, в том числе краевые сколы. Немногочисленные пластины и удлинённые снятия относятся к продуктам параллельного скалывания. Заготовками орудий служили крупные, часто массивные отщепы, обработанные в основном краевой или захватывающей крутой субпараллельной крупнофасеточной сильномодифицирующей ретушью. Распространёнными приёмами вторичной обработки являлись вентральная оббивка и усечение.

Основу орудийного набора составляли различные формы скребел (ил. 2, *2, 3*), зубчатых, выемчатых и шиповидных орудий. Характерной чертой индустрии являются скребла, оформленные многорядной высокой ретушью. Многочисленной серией представлены вентрально-утончённые сколы (ил. 2, *1*) — крупные, как правило массивные, отщепы с интенсивной обработкой крупными вентральными снятиями одного или двух продольных краёв, дистального, дистального и продольного краёв или на ¾ периметра. Другую характерную группу изделий составляют базально-тронкированные сколы. Два последних типа наиболее представительны в индустриях и являются культурно-идентифицирующими изделиями-маркерами этого комплекса. В слое 21 центрального зала идентифицирован костяной ретушёр. В настоящее время это древнейшее изделие такого типа на территории Северной и Центральной Азии.

Ил. 1. Денисова пещера

Наибольшее количество каменных артефактов ранней стадии среднего палеолита связано с отложениями, которые накапливались в самой благоприятной природно-климатической обстановке в окрестностях пещеры за последние 300 тыс. лет. В это время в долине Ануя произрастали грабовые леса с подлеском из лещины, были также распространены дуб, липа, бук и другие широколиственные виды [11]. Как традиционный зооархеологический анализ костных остатков, так и дактилоскопия коллагена показали, что денисовцы в это время охотились на косуль, благородного и гигантского оленей, а также на лошадей, бизонов, шерстистых носорогов, газелей, медведей. Частые следы антропогенного воздействия на костях, в том числе от раскалывания, сжигания и разделки, подтверждают, что эти виды животных добывались регулярно.

В настоящее время индустрии ранней стадии среднего палеолита из нижней части плейстоценовых отложений Денисовой пещеры по своим культурно-хронологическим характеристикам не имеют аналогов в палеолите не только Алтая, но и всей Северной и Центральной Азии. Их ближайшее сходство прослеживается на Ближнем Востоке в ашело-ябрудских комплексах раннего среднего палеолита стоянок Табун, Кесем, Безез, Хайоним, Азрак, Мислия, Зоуттиех, Ябруд I, Маслоукх, Джерф Аджла, датируемых в интервале 350–250 тыс. л.н. [12]. Характерными изделиями этих комплексов являются вентрально-утончённые и базально-тронкированные сколы, скребла типа кина и зубчато-выемчатые формы; при этом в алтайских индустриях отсутствуют бифасы. Несмотря на хорошо выраженные черты сходства этих комплексов, вопрос



Ил. 2. Древнейшие каменные орудия денисовцев:
1 — вентрально-утончённый скол; *2*, *3* — скребла

о генезисе алтайского среднего палеолита требует более развёрнутой разработки.

Дальнейшее развитие среднепалеолитического комплекса Денисовой пещеры отражают археологические материалы из слоёв на разных участках стоянки, накопление которых происходило в интервале 150–50 тыс. л.н. В наборах ядрищ в индустриях этого времени распространены плоскостные параллельные и радиальные нуклеусы. Небольшой серией представлены леваллуазские ядрища для получения отщепов и пластин. Присутствуют единичные подпризматические нуклеусы. В числе сколов-заготовок здесь, по сравнению с предшествующим комплексом ранней стадии среднего палеолита, увеличивается количество удлинённых отщепов, появляются пластины правильной прямоугольной формы. В орудийном наборе, на фоне преобладания различных типов скребел, сохраняется хорошо выраженный компонент из зубчатых и выемчатых орудий, присутствуют вентрально-утончённые и базально-транкированные сколы. В небольшом количестве представлены леваллуазские острия. Появляются изделия верхнепалеолитической группы, включающие такие категории, как скребки, резцы, долотовидные орудия и усечённые сколы.

Помимо каменных орудий в среднепалеолитическом комплексе Денисовой пещеры было выделено более 50 слабо модифицированных костяных орудий, представленных главным образом ретушёрами, а также остриями и посредниками. Эти изделия свидетельствуют о развитых навыках обработки таких органических материалов, как шкуры и древесина [13].

Палеоантропологические находки и ДНК, выделенная из среднепалеолитических сло-

ёв пещеры, принадлежат в основном денисовцам. Вместе с тем зафиксировано также присутствие неандертальцев и найдена кость девочки-гибрида, чья мать была неандерталкой, а отец — денисовцем [4]. Эти данные и отсутствие резких изменений в составе каменных индустрий позволяют говорить о каких-то формах, скорее всего, совместного, а не попеременного обитания в пещере денисовцев и неандертальцев. На сегодняшний день оценить возможный вклад неандертальцев в эту индустрию не представляется возможным. Однако сопоставление среднепалеолитических комплексов Денисовой пещеры с неандертальскими индустриями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая из пещер Чагырская и Окладникова позволяет заключить, что влияние последних на денисовский технокомплекс было минимальным или же вовсе не проявилось.

Сибирячихинская индустрия, связанная со второй волной миграции неандертальцев в Сибирь с территории Восточной Европы и Северного Кавказа на рубеже МИС 4 и МИС 3, характеризуется доминированием отходов каменного производства и значительной долей орудий (29%) [14]. Первичное расщепление было направлено на получение трапециевидных и прямоугольных отщепов, которые изготовлялись в рамках плоско-выпуклого бифасиального, радиального и ортогонального раскалывания. Скребла доминируют в орудийном наборе, наиболее многочисленные изделия этого типа — трапециевидной и листовидной форм. Эта индустрия имеет значительное сходство с европейскими микокскими комплексами [15].

Наиболее ранние верхнепалеолитические материалы — начального этапа этой эпохи — в Денисовой пещере связаны с отложениями слоя 11.2 в восточной галерее, для которого методом оптически стимулированной люминесценции установлен возраст 63 ± 6 – 55 ± 6 тыс. л.н. и получена серия радиоуглеродных дат, среди которых наиболее древние превышают пределы метода, а абсолютное большинство находится в диапазоне 50–40 тыс. л.н. Согласно многочисленным данным датирования этими же методами, а также данным биостратиграфии, время накопления слоёв раннего верхнего палеолита на разных участках пещеры в целом соответствует хронологическому интервалу 50–30 тыс. л.н. [7, 8].

В каменных индустриях этого периода использовалось в основном параллельное расщепление, направленное на производство удлинённых отщепов, крупных пластин и мелких пластинок. Для получения коротких и укороченных сколов применялась радиальная техника. По сравнению с индустриями среднего палеолита среди продуктов расщепления камня заметно уменьшилось количество леваллуазских сколов и увеличилась доля пластин. В составе инвентаря присутствуют образцы микроскребков, резцов и ретушированных пластин с хорошо выраженной верхнепалеолитической морфологией, а также тщательно обработанные листовидные бифасы. Вместе с тем значительную роль в этих индустриях играет среднепалеолитический компонент, представленный различными типами скребел.

Слабо модифицированные орудия из кости представлены в основном ретушёрами, долотовидными изделиями и проколками. Морфология орудий указывает на то, что они использовались для работы с различными материалами: для пошива одежды из кожи, срезания или нарезки растений, расщепления, ошкуривания и резьбы древесины. Формальные орудия включают костяные иглы с просверленным ушком, в том числе удлинённую целую иглу размером 75 мм (ил. 3, *15*) и уплощённое изделие из бивня с обломленным остриём, на обе плоскости которого нанесено по ряду точечных углублений (ил. 3, *12*), острия (ил. 3, *17*) из бивня и стенок трубчатых костей крупных млекопитающих, а также костяной остроконечник из литологического горизонта 11.4 в центральном зале, который имеет прямую радиоуглеродную дату 42 660–48 100 калиброванных л.н. и является древней-

Ил. 3. Изделия из кости (*1, 15, 17*) и зубов (*2–4, 10*) животных, бивня мамонта (*5, 9, 12, 13, 16*), скорлупы яйца страуса (*6*), раковины моллюска (*7*) и поделочного камня (*8, 11, 14*) ранней стадии верхнего палеолита из Денисовой пещеры.
1 — пронизка; *2–4, 7, 10, 11* — подвески; *5, 6, 8* — бусины; *9* — зооморфная скульптура; *12, 15* — иглы; *13* — кольцо; *14* — браслет; *16* — диадема; *17* — остриё

шим таким изделием, известным в Северной Евразии [6].

В число украшений входят подвески из клыков лисицы (ил. 3, *10*), куницы и марала (ил. 3, *4*), резцов лося, бизона (ил. 3, *3*), сибирского горного козла (ил. 3, *2*); полые пронизки (ил. 3, *1*) или стержни с гравировкой из трубчатых костей млекопитающих и крупных птиц; бусины из обломков трубчатых костей. Изделия из бивня мамонта включают диадемы (ил. 3, *16*) или нагрудные пластины, браслет, кольца (ил. 3, *13*) и бусины (ил. 3, *5*) округлой, овальной или подквадратной формы. Экс-

клюзивным изделием является зооморфная фигурка, скорее всего, хищника семейства кошачьих (ил. 3, *9*). Среди украшений из поделочного камня — браслет из тёмно-зелёного хлоритолита (ил. 3, *14*), разнообразные подвески и бусины из агальматолита, хризотила, мрамора (ил. 3, *11*), серпентина (ил. 3, *8*), талька-стеатита. Из скорлупы яиц страуса изготовлены бусины-колечки (ил. 3, *6*). Имеются также украшения из раковин пресноводных моллюсков *Corbicula tibetensis* с пропиленным отверстием в основании (ил. 3, *7*). Трасологическое и технологическое изучение костяных и каменных украшений показало, что при их изготовлении использовались строгание, резание, биконическое сверление, внутренняя расточка, шлифовка и полировка [16].

Культура начальной стадии верхнего палеолита формировалась на местной среднепалеолитической основе, сохраняя при этом ряд общих технических компонентов. У средне- и верхнепалеолитических индустрий была единая сырьевая база, основу которой составляли гальки осадочных и вулканических пород из русловых отложений местных водотоков. Другим общим показателем для этих индустрий является постоянное использование техники параллельного расщепления. Параллельное скалывание заготовок с плоских площадочных нуклеусов активно применялось на разных стадиях среднего палеолита наряду с леваллуазским и радиальным расщеплением. В начале верхнего палеолита стало использоваться параллельное скалывание с призматических, конусовидных и клиновидных нуклеусов, включавшее снятие микропластин.

Согласно археологическим, палеоантропологическим и палеогенетическим данным, развитие среднепалеолитического комплекса в пещере связано в основном с денисовцами. В отложениях ранней стадии верхнего палеолита обнаружены костные останки представителей только этой популяции. Отсутствие контрастных изменений в материальной культуре на рубеже среднего и верхнего палеолита свидетельствует о неизменности носителей этих культурных традиций.

Последний этап в культурно-хронологической колонке плейстоценовых отложений Денисовой пещеры представляют верхнепалеолитические материалы из отложений, возраст которых определён в диапазоне 30–20 тыс. л.н., что хронологически в целом соответствует средней стадии верхнего палеолита. С такой хронологией хорошо согласуются и данные биостратиграфии.

В каменных индустриях этого времени заметно возросла роль пластинчатого производства, включающего микропластинчатое расщепление. Изменения отмечены и в структуре орудийного набора, основу которого составляют верхнепалеолитические формы, представленные микропластинами и пластинками с притупленным краем, резцами и миниатюрными концевыми скребками с тщательно подготовленным лезвием. Вместе с тем заметное место среди орудий занимают скребла и зубчато-выемчатые изделия, особенно в коллекциях из восточной галереи и центрального зала пещеры.

(Воспроизводится по: Вестник «РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» 2022. № 1 (108). С. 25–24)

ЛИТЕРАТУРА

1. Reich D., Green R.E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E.Y., Viola B., Briggs A.W., Stenzel U., Johnson P.L.F., Maricic T., Good J.M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E.E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // Nature. 2010. Vol. 468. Pp. 1053–1060.

2. Krause J., Fu Q., Good J., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. 2010. Vol. 464. Pp. 894–897.
3. Prüfer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P.H., Filippo C. de, Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwilm M., Lachmann M., Meyer M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert C., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson P.L. F., Blanche H., Cann H., Kitzman J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Pääo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // Nature. 2014. Vol. 505. Pp. 43–49.
4. Slon V., Mafessoni F., Vernot B., Filippo C., Grote S., Viola B., Hajdinjak M., Peyrégne S., Nagel S., Brown S., Douka K., Higham T., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Kelso J., Meyer M., Prüfer K., Pääbo S. The genome of the offspring of a Neandertal mother and a Denisovan father // Nature. 2018. Vol. 561. Pp. 113–116.
5. Derevianko A.P., Markin S.V., Shunkov M.V. The Sibiryachikha Facies of the Middle Paleolithic of the Altai // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2013. Vol. 41, No. 1. Pp. 89–103.
6. Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 3. С. 3–32.
7. Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // Nature. 2019. Vol. 565. Pp. 594–599.
8. Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Devièse T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // Nature. 2019. Vol. 565. Pp. 640–644.
9. Brown S., Massilani D., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Stoessel A., Jope-Street B., Meyer M., Kelso J., Pääbo S., Higham T., Douka K. The earliest Denisovans and their cultural adaptation // Nature, Ecology & Evolution. 2022. Vol. 6. Pp. 28–35.
10. Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Dynamics of the Altai Paleolithic industries in the archaeological record of Denisova Cave // Quaternary International. 2020. Vol. 559. Pp. 34–46.
11. Болиховская Н.С., Козликин М.Б., Шуньков М.В., Ульянов В.А., Фаустов С.С. Новые данные в палинологии уникального памятника палеолита Денисова пещера на северо-западе Алтая // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 2017. Т. 122. № 4. С. 46–60.
12. Shimelmitz R. The recycling of flint throughout the Lower and Middle Paleolithic sequence of Tabun Cave, Israel // Quaternary International. 2015. Vol. 361. Pp. 34–45.
13. Козликин М.Б., Рандю У., Плиссон Х., Боманн М., Шуньков М.В. Слабомодифицированные костяные орудия из Денисовой пещеры на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 1. С. 16–28.
14. Деревянко А.П., Маркин С.В., Колобова К.А., Чабай В.П., Рудая Н.А., Виола Б., Бужилова А.П., Медникова М.Б., Васильев С.К., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С., Вольвах А.О., Робертс Р.Г., Якобс З, Бо Ли. Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры — стоянки среднего палеолита Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018.
15. Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.W., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // PNAS. 2020. Vol. 117. No. 6. Pp. 2879–2885.
16. Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai // Quaternary International. 2020. Vol. 559. Pp. 47–67.

Development of Denisovan Culture in Altai

Anatoly Panteleyevich Derevyanko — RAS academician, Doctor of History, Scientific Director of the Institute of Archaeology and Ethnography (IAE), Siberian branch of the RAS.

Maxim Borisovich Kozlikin — Candidate of Science (History), Chief Researcher, Department of Stone Age Archaeology, IAE, Siberian branch of the RAS.

Mikhail Vasilyevich Shunkov — Corresponding Member of the RAS, Doctor of History, Chief Researcher, Head of the Department of Stone Age Archaeology IAE, Siberian branch of the RAS.

The cultural and chronological stratum of the Pleistocene deposits in Denisova Cave, Altai, is the most complete and lengthy in North and Central Asia today. The comprehensive research of the stone and bone industries in the Paleolithic cave layers helped to trace the process of local development of the most antique Altai's people, who lived 300,000 to 30,000 years ago. The layer-by-layer analysis of stone artifacts helped to identify the stages of material culture of the-then cave dwellers. The most ancient archaeological site in the bottom of the Pleistocene stratum formed ca. 300,000–150,000 years ago is classified as Early Middle Paleolithic. The subsequent development of the Middle Paleolithic traditions is reflected by the discoveries from the layers that formed 150,000–50,000 years ago. According to archaeological, paleoanthropological and paleogenetic data, the development of the Middle Paleolithic site of the cave is associated mostly with the Denisovans. The deposits of the Early Upper Paleolithic uncovered bone remains of only that population. Bone needles with eyes, sets of personal jewelry and symbolic artifacts in the cultural and chronological stratum of Denisova Cave dating back to the period 50,000 years ago all testify that one of the earliest Upper Paleolithic cultures in Eurasia was formed in Altai.

Keywords: Altai Mountains, Denisova Cave, Paleolithic Age, Pleistocene Epoch, geochronology, paleogenetics, Denisovans, Neanderthals, stone industry, bone tools, personal jewelry

REFERENCES

1. Reich D., Green R.E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E.Y., Viola B., Briggs A.W., Stenzel U., Johnson P.L.F., Maricic T., Good J.M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E.E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // Nature. 2010. Vol. 468. Pp. 1053–1060.
2. Krause J., Fu Q., Good J., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. 2010. Vol. 464. Pp. 894–897.
3. Prüfer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P.H., Filippo C. de, Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwilm M., Lachmann M., Meyer M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert C., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson P.L. F., Blanche H., Cann H., Kitzman J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Pääo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // Nature. 2014. Vol. 505. Pp. 43–49.
4. Slon V., Mafessoni F., Vernot B., Filippo C., Grote S., Viola B., Hajdinjak M., Peyrégne S., Nagel S., Brown S., Douka K., Higham T., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Kelso J., Meyer M., Prüfer K., Pääbo S. The genome of the offspring of a Neandertal mother and a Denisovan father // Nature. 2018. Vol. 561. Pp. 113–116.

5. Derevianko A.P., Markin S.V., Shunkov M.V. The Sibiryachikha Facies of the Middle Paleolithic of the Altai // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2013. Vol. 41, No. 1. Pp. 89–103.
6. Derevyanko A.P., Shun'kov M.V., Kozlikin M.B. Kto takie denisovtsy? // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2020. T. 48. № 3. S. 3–32 (in Russian).
7. Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // Nature. 2019. Vol. 565. Pp. 594–599.
8. Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Devièse T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // Nature. 2019. Vol. 565. Pp. 640–644.
9. Brown S., Massilani D., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Stoessel A., Jope-Street B., Meyer M., Kelso J., Pääbo S., Higham T., Douka K. The earliest Denisovans and their cultural adaptation // Nature, Ecology & Evolution. 2022. Vol. 6. Pp. 28–35.
10. Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Dynamics of the Altai Paleolithic industries in the archaeological record of Denisova Cave // Quaternary International. 2020. Vol. 559. Pp. 34–46.
11. Bolihovskaya N.S., Kozlikin M.B., Shun'kov M.V., Ul'yanov V.A., Faustov S.S. Novye dannye v palinologii unikal'nogo pamyatnika paleolita Denisova peshchera na severo-zapade Altaya // Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdel biologicheskii. 2017. T. 122. № 4. S. 46–60 (in Russian).
12. Shimelmitz R. The recycling of flint throughout the Lower and Middle Paleolithic sequence of Tabun Cave, Israel // Quaternary International. 2015. Vol. 361. Pp. 34–45.
13. Kozlikin M.B., Randyu U., Plisson H., Bomann M., Shun'kov M.V. Slabomodifitsirovannye kostyanye orudiya iz Denisovoi peshchery na Altae // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2020. T. 48. № 1. S. 16–28 (in Russian).
14. Derevyanko A.P., Markin S.V., Kolobova K.A., Chabai V.P., Rudaya N.A., Viola B., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Vasil'ev S.K., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Vol'vah A.O., Roberts R.G., Yakobs Z, Bo Li. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya Chagyrskoi peshchery – stoyanki srednego paleolita Altaya. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2018 (in Russian).
15. Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.W., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // PNAS. 2020. Vol. 117. No. 6. Pp. 2879–2885.
16. Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai // Quaternary International. 2020. Vol. 559. Pp. 47–67.

Индекс УДК 39+323.1+93
Код ГРНТИ 03.61.91; 12.09.09

М.Ю. МАРТЫНОВА,
В.А. ТИШКОВ*

Наука о народах и национальная политика государства в эпоху СССР

В статье публикуются результаты исследования, посвящённого анализу особенностей взаимодействия науки о народах (этнологии, точнее, по терминологии того времени — этнографии) и советской национальной политики. Изучение роли отечественной этнографии в судьбе нашей страны, рассмотрение развития науки в контексте государственной стратегии развития общества базируются на анализе различных сюжетов, связанных с «национальным вопросом». В ходе реализации проекта, выполненного при поддержке РФФИ и Российского исторического общества в рамках конкурса «Советская эпоха: история и наследие (к 100-летию образования СССР)» получены ответы на целый ряд исследовательских вопросов, дающих основание выявить роль научных разработок и творческой элиты в национальной политике. Работа носит во многом историографический характер. Авторы концентрируют внимание на анализе концептуальных подходов, на исканиях и достижениях российской этнографии в XX в. Характеризуется исследовательский инструментарий; в ракурсе национальной политики даётся комплексный обзор научных этнографических направлений, разрабатывавшихся в разных частях страны в советское время. Прошедшее время позволяет говорить о значении отдельной личности, экспедиции, (арте)факта во всей сложности изучаемого спектра проблем. Прочитывая «светлые и тёмные» страницы истории науки, удаётся лучше понимать реальность, характерную для сегодняшних этнологических исследований. В сопоставлении с советским концептом нациестроительства становятся очевиднее возможности этнологии и перспективность её роли в современной России для формирования российской идентичности, выработки механизмов миграционной политики, адаптации детей мигрантов и т.д.

Ключевые слова: СССР, история науки, национальная политика, этнография, народы России

* **Мартынова Марина Юрьевна** — доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник — заведующая Центром европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН.

Тишков Валерий Александрович — академик РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН.

В наши дни всё очевиднее становится актуальность и востребованность знаний и методов этнологической науки для выработки базовых основ управления обществом. Прикладное значение этнологии/антропологии существенно расширилось, и разнообразие сфер практического применения этнологических/антропологических знаний возросло. Сегодня уже никто не воспринимает этнологию как науку об экзотических народах. Параллельно с преобразованиями социальной действительности происходит пересмотр её предметной области, связей и отношений с другими отраслями знания, а также прикладных функций. Насколько при этом социум готов использовать научные результаты? Польза естественных и технических наук, пожалуй, не нуждается в обосновании. Роль общественных наук, роль науки в социальных преобразованиях — вопрос не столь однозначный. Мешают многообразие мнений, вариативность подходов, политическая заангажированность и ряд других обстоятельств. Нас как специалистов, профессионально занимающихся антропологической или этнической проблематикой, интересует практическая роль именно данного вида знаний [1].

Общеизвестно, что этнология имела практическую направленность даже тогда, когда она ещё не сложилась как особая дисциплина (XVIII – начало XIX в.). И в те времена работы учёных были ориентированы на изучение «туземных народов» с целью выработки способов управления ими. Научно-аналитическое осмысление социальных процессов в разные исторические периоды имело свои особенности.

Целью данной публикации является анализ вклада экспертной (этнологической) составляющей в нациестроительство советского общества, прикладного значения научного знания и его практических функций. В нашем исследовании обосновывается значимость науки при разработке государственной политики, в данном случае миссия этнографов в государственной национальной политике. С одной стороны, очевидна обусловленность предметного поля научных исследований установками, вытекавшими из директивных положений государства той ушедшей в историю эпохи. В то же время для теоретико-концептуального понимания места социального фактора в науке важно оценить возможности влияния российских учёных на специфику управления страной и разнородную динамику жизни составляющих её народов в период существования СССР.

Авторы исследования попытались осмыслить степень значимости мотивированной деятельности людей в историческом процессе, роль реализации целенаправленных планов и интеллектуальных программ усилиями государств, больших коллективов и отдельных личностей. Это одна из форм социального творчества. Роль политической импровизации недооценивалась поборниками онтологической природы человеческих деяний и глубоких исторических закономерностей, согласно которым глобальные события не могут быть результатом малых причин и субъективистских, личностных устремлений. Напомним, что так называемые крупные проекты всегда были в арсенале человеческой истории, в том числе в России. К таким судьбоносным проектам относится конструирование наций и государственное строительство. Как отмечал в 1918 г. выдающийся российский учёный и политик, академик Российской академии наук по Отделению истории и филологии П.Б. Струве, «нация конструируется и создаётся национальным сознанием» [2].

Советский этнический проект и его академическая составляющая

С самого начала в советской национальной политике наметились две тенденции. Одна стремилась учесть сложную этническую структуру населения, интересы этногрупп и их элит, определить подходы к федерализации государства и его аппарата,

Ил. 1. Похороны «старого быта» во время проведения одного из советских праздников. Рязань. Фото 1920-х гг. Фотоархив ИЭА РАН

другая — найти механизмы концентрации в центре функций контроля и унификации культурной сферы для реализации стратегических целей новой власти. Фундаментальной является проблема, в какой мере многоэтничность огромной страны обусловила её развитие «мимо» идеи национального государства, или же как политика и наука возвели этнический фактор на уровень «национального вопроса» и тем самым стали препятствием своего рода нормативному подходу к государствостроительству. Этнокультурный компонент составлял важную часть политики государства на протяжении всего периода существования СССР. Курс на формирование общесоветского единства проводился на основе большевистской идеологии и социально-экономического, политического и культурного развития всех народов, обеспечения их социального равенства. Переход к советской общегражданской идентичности сопровождался изменением элементов этнонационального самосознания, социальной структуры народов, их быта и ценностных ориентаций.

Регулирование межэтнических отношений всегда было важной задачей и вместе с тем камнем преткновения для советской власти. Долгосрочный исторический эксперимент по строительству в СССР федерального государства на этнической основе требовал постоянного осмысления и теоретического анализа. У этого воплощавшегося на практике концепта были как реальная историческая подоплёка, так и политико-идеологические последствия. Теория и методика привязывания этничности к территории, казалось бы, представлялась и до сих пор представляется более чем интересным и вполне нейтральным занятием. Однако на её основе в истории нашей страны было осуществлено множество не только полезных, но и бессмысленных, даже разрушительных для государства практических дел, идеологических кампаний, не говоря уже

о бесчисленных общественных дебатах и открытых конфликтах.

При размышлении над противоречивыми последствиями советского этнического проекта важным оказывается вопрос о его академической составляющей. В СССР «национальный вопрос» был возведён в ранг большой теории и фундаментальной политики. Ни одно национальное обществоведение в своей научной номенклатуре не отвело так называемой теории нации и национального вопроса того особого места, которое она заняла в советском обществоведении. Во всех вузах существовали соответствующие кафедры, для которых в огромном количестве готовились специалисты. Преподавание названных дисциплин было обязательным для всех факультетов всех вузов. В библиотеках страны под рубрикой «Национальная политика КПСС» стояли многочисленные каталожные шкафы с названиями книг, брошюр и авторефератов диссертаций. В стране была группа известных теоретиков (некоторые из них здравствуют и работают поныне), которые создавали не только фундаментальные сочинения на данную тему, но и разработки для очередных партийных съездов и документов. Этот раздел всегда присутствовал в отчётных докладах, программах партии и отражал определённую динамику государствостроительства. Научные сотрудники, в том числе и академические, с энтузиазмом комментировали решения и высказывания руководителей государства и КПСС по развитию национальных отношений, хотя зачастую сами были их авторами.

Не оставались в стороне и учёные, предметной сферой которых являлось народоведение. Анализ развития этнологической науки приводит к выводу, что наука — и прежде всего академическая этнология — с первых лет советской власти оказалась

Ил. 2. Выпускники кафедры этнографии МГУ. Профессора (*сидят, слева направо*) С.А. Токарев, Е.М. Шиллинг, С.П. Толстов, М.О. Косвен, Н.Н. Чебоксаров среди студентов (*стоят*: Т. Трофимова, Л.В. Покровская, Л.Н. Чижикова). 1949 г.

Ил. 3. М.М. Герасимов за работой. 1960-е гг.

вовлечённой в большой идеологический план «решения национального вопроса» на основе национального (читай — этнического) самоопределения и дружбы народов, во многом создав эмпирическую и теоретическую базу для «социалистического нациестроительства» не на гражданской, а на этнической основе.

Становление государственной национальной политики и наука

После победы советской власти в Гражданской войне и её «триумфального шествия» на первое место в государственной (национальной) политике вышли вопросы землеустройства и восстановления экономики, социальной помощи населению, образования и культуры. Их этнокультурный аспект включал в себя помощь разорённым окраинам, подготовку «национальных кадров» для всех областей хозяйственной и общественной жизни, создание органов власти, совмещающих централизованное начало и этнонациональное представительство. Проблемы «политики коренизации», «социалистического национально-государственного строительства» и формирования советского народа как «нового типа исторической общности людей» — все эти темы требовали научного обоснования и осмысления.

Этнографам в те годы предписывалось изучение становления социализма в быту различных народов и расцвета их культуры. В этнографах (по их собственным высказываниям) видели не только учёных, исследующих культуру народов, но и защитников их интересов, активных просветителей, проводников знаний и прогресса. С этими целями в различных регионах страны были развёрнуты масштабные экспедиционные исследования. Инструментами, видами и формами исследовательских процедур стали анкетирование, экспеди-

Ил. 4. Студенты-этнографы на полевой практике в Горьковской области. Среди них: Л.К. Гостиева, М.М. Керимова, М.Ю. Мартынова, О.Б. Наумова, А.И. Пика, Т.В. Таболина. Руководитель практики — Л.Б. Заседателева. 1974 г.

Ил. 5. Г.А. Сергеева среди женщин-доярок из г. Арчи, Чародинский р-н, Дагестан. 1963 г.

ционные выезды и экспертные оценки на местах расселения изучаемых этнических групп. Результатом стали полевые работы и издания, выполненные по заданиям Комиссии по изучению племенного состава населения СССР, Института народов Советского Востока, центрального Музея народоведения и иных научных институций. Этнографическое знание оказалось востребованным в государственной деятельности, например при подготовке переписей населения страны: оно давало материал различным комиссиям при определении государственных границ и т.д.

Задача выявить и классифицировать «племенной состав населения» была поставлена властью ещё до Октябрьской революции. С инициативой осмыслить и представить этнический фактор в политико-государственном измерении выступила Российская академия наук. Образованная во время Первой мировой войны для выяснения границ расселения различных этнических общностей (в Латвии, Польше, Галиции, Буковине и в пограничной части Азиатской России) и составления этнических карт этих регионов, Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС) сразу после Октябрьской революции осуществила важнейшее не только для этнологической науки, но и для политики государства и даже для его устройства «интеллектуальное предприятие», а именно — она положила на карту сложную этническую мозаику населения Российского государства, а затем — СССР.

Ил. 6. В интернате. г. Дудинка, Таймыр. Г.А. Аксянова. 1976 г.

Ил. 7. Начальник Прибалтийской экспедиции Л.Н. Терентьева загружает в машину этнографические экспонаты. 1980-е гг.

В 1925 г., в связи с предстоящей переписью населения СССР, в КИПС была образована подкомиссия по подготовке к всеобщей переписи. Эта подкомиссия начала заниматься проблемами проведения демографической, сельскохозяйственной, промысловой переписей. Был разработан вопрос об учёте племенного состава населения СССР и составлен список народностей СССР. Как пишет

Ил. 8. Экспедиционный выезд в Пермскую область. Г.Н. Чагин, И.В. Власова, И.А. Кремлева, Т.С. Макашина, Т.А. Листова. 1981 г.

Ил. 9. И.В. Власова, И.А. Кремлева, М.С. Макашина после прибытия в старообрядческий скит Дий, Пермский край. 1982 г.

А.В. Псянчин, «деятельность Комиссии по изучению племенного состава населения России (а затем — СССР) как ведущего академического центра в системе Академии наук сыграла важнейшую роль в развитии советской этнографии, а также этнической картографии (как тематического вида картографии) в первой половине XX в.» [3].

Созданный в 1918 г. Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) занимался культурно-языковыми запросами населения и его общим просвещением. Именно эта структура в начале 1920-х гг. стала ключевой в общении центральной власти с региональными местными этноэлитами, добивавшимися разной степени политического самоопределения, зачастую в его сепаратистском варианте. Сотрудники Наркомнаца, в свою очередь, искали и применяли разные способы и инструменты этнополитики, во многом ставшие затем общим достоянием институтов власти.

В дальнейшем, на протяжении всего периода существования советского государства этнический фактор в политике был актуален и значим. Иерархизация этнополитической структуры общества потребовала более чёткого определения статуса меньшинств и их места в административно-территориальной системе СССР. Осуществлялось масштабное этнотерриториальное структурирование регионов. Создание сельских советов для этнических меньшинств власть рассматривала как один из главных результатов решения национального вопроса в СССР. В 1920–1930-е гг. происходили многократные административно-территориальные изменения: вместо губерний и округов создавались области и шло их районирование, происходил обмен территориями между субъектами федерации, создавались новые этнотерриториальные образования, менялся их статус.

С начала 1930-х гг. этнографы приступили к разработке проблем, связанных с социалистической современностью — новым бытом крестьянства разных национальностей, изучались вопросы труда и быта колхозного крестьянства и рабочих. Подтверждением значимости для страны этнологических исследований можно считать и факт создания на базе Музея антропологии и этнографии и Института по изучению народов СССР в 1933 г. Института антропологии и этнографии АН СССР (с 1937 г. — Инсти-

Ил. 10. Участники Всесоюзной конференции «Современные этносоциальные процессы на селе». Казань, 1983 г.

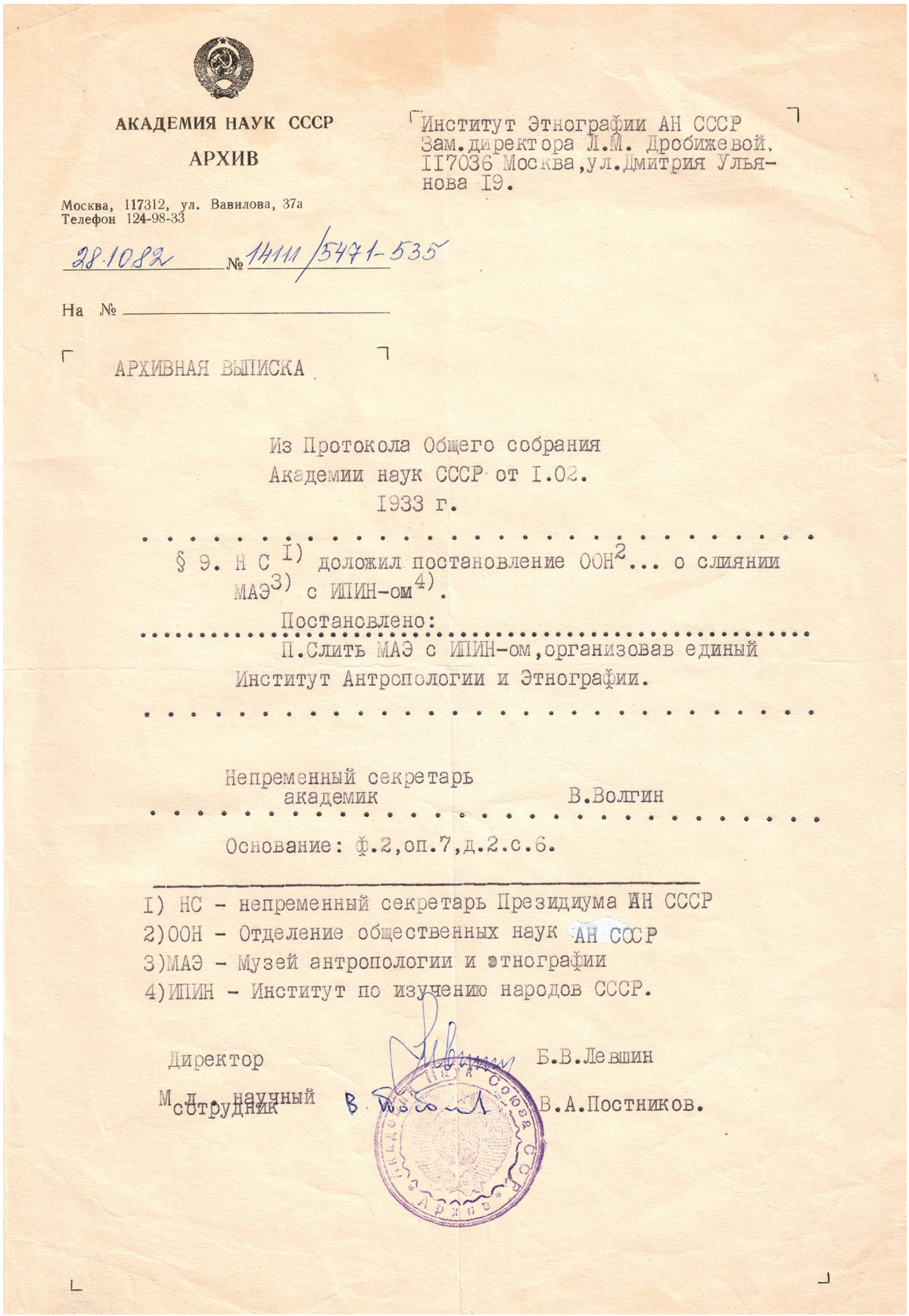
тут этнографии АН СССР, с 1990 — Институт этнологии и антропологии АН СССР, с 1992 г. — Институт этнологии и антропологии РАН).

Одним из очевидных и драматических проявлений национального самосознания народов Советского Союза был их патриотизм в годы Великой Отечественной войны. Представители всех народов общей для них Родины встали на её защиту и внесли вклад в победу над нацизмом. Вместе с тем мрачной страницей истории многонационального Советского государства стала депортация ряда народов, необоснованно обвинённых в предательстве. Тема народа и патриотизма в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. была многократно освещена в исторических исследованиях.

Концептуальные подходы послевоенного этапа советского народоведения

Послевоенный период в истории советского народа — время сложных и противоречивых процессов, которые до сих пор были на периферии внимания профессиональных исследователей. Постепенно, в 1960–1970-е гг. этнография всё активнее разворачивалась в сторону изучения современных изменений в организации жизни и быта советского человека. Стала использоваться методология других научных дисциплин: социологии, экологии, картографии. Расширение предметного поля этнографии усилило её практико-ориентированную составляющую. Но это время заслуживает отдельного анализа, в том числе и с точки зрения процессов в сфере общественного сознания. В 1961 г. на XXII съезде КПСС была изложена идея формирования «советского народа», которая через несколько лет обрела более «изящное», но научно несостоятельное добавление «как нового типа исторической общности людей».

В последующие годы развивалась тема приоритета в республиках прав «коренных наций», «титульных наций», обыгрывалась проблема соотношения этих прав



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АРХИВ

Москва, 117312, ул. Вавилова, 37а
Телефон 124-98-33

Институт Этнографии АН СССР
Зам.директора Л.М. Дробижевой.
II7036 Москва,ул.Дмитрия Ульянова I9.

28.1082 № 1411 /5471-535

На № _____

АРХИВНАЯ ВЫПИСКА

Из Протокола Общего собрания
Академии наук СССР от I.02.
1933 г.

. . . . . .

§ 9. Н С [1] доложил постановление ООН[2]... о слиянии МАЭ[3] с ИПИН-ом[4].

Постановлено:

П.Слить МАЭ с ИПИН-ом,организовав единый Институт Антропологии и Этнографии.

. . . . . .

Непременный секретарь
академик В.Волгин

. . . . . .

Основание: ф.2,оп.7,д.2.с.6.

I) НС - непременный секретарь Президиума АН СССР
2)ООН - Отделение общественных наук АН СССР
3)МАЭ - Музей антропологии и этнографии
4)ИПИН - Институт по изучению народов СССР.

Директор Б.В.Левшин

Мл. научный сотрудник В.А.Постников.

Ил. 11. Архивная выписка из протокола Общего собрания АН СССР о создании Института антропологии и этнографии

Институт этнографии имени Н.Н.Миклухо-Маклая Академии наук СССР

Подлежит опубликованию в "Ведомостях", газетах "Известия" и "Московская правда"

УКАЗ ПРЕЗИДІЇ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР
УКАЗ ПРЕЗІДЫУМА ВЯРХОЎНАГА САВЕТА СССР
СССР ОЛИЙ СОВЕТИ ПРЕЗИДИУМИНИНГ ФАРМОНИ
СССР МОГАРЫ СОВЕТІ ПРЕЗИДИУМЫНЫҢ УКАЗЫ
СОРК АЛИ СОВЕТИ РАЯСАТ КЕҢӘШИНИН ФӘРМАНЫ
TSRS AUKŠČIAUSIOSIOS TARYBOS PREZIDIUMO ĮSAKAS

УКАЗЫЯ ПРЕЗИДЫУМУЛУЙ СОВЕТУЛУЙ СУПРЕМ АЛ УНИЙЙЕЙ РСС
PSRS AUGSTĀKĀS PADOMES PREZIDIJA DEKRĒTS
СССР ЖОГОРКУ СОВЕТИНИН ПРЕЗИДИУМУНУН УКАЗЫ
УКАЗИ ПРЕЗИДИУМИ СОВЕТИ ОЛИИ СССР
СССР ЁКАРЫ СОВЕТИНИҢ ПРЕЗИДИУМЫНЫҢ УКАЗЫ
NSV LIIDU ÜLEMNÕUKOGU PRESIDIUMI SEADUS

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Института этнографии имени Н.Н.Миклухо-Маклая Академии наук СССР орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии этнографической науки и подготовке научных кадров наградить ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ Академии наук СССР орденом ДРУЖБЫ НАРОДОВ.

Первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В.КУЗНЕЦОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т.МЕНТЕШАШВИЛИ.

Москва, Кремль.
3 февраля 1983 г.
№ 8757-X.

НАУЧНЫЙ АРХИВ

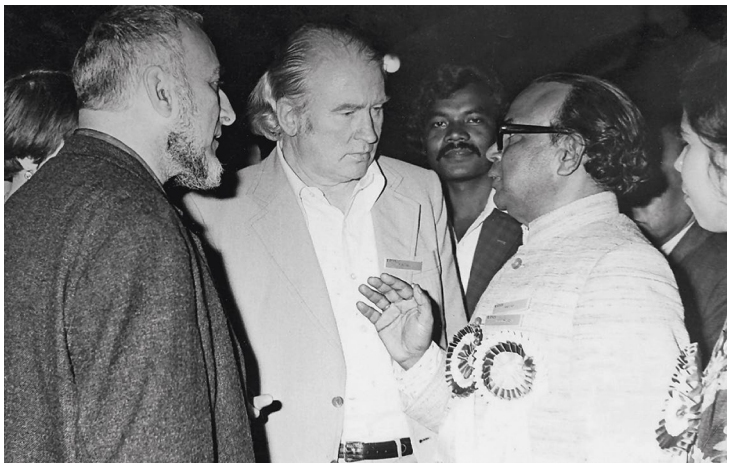
Ил. 12–13. 3 февраля 1983 г. Институт этнографии АН СССР награждён орденом Дружбы народов

с правами этнических меньшинств, говорилось об экономической самостоятельности республик. Научный мир не оставался в стороне от этих злободневных для страны вопросов. Например, к пропаганде «республиканского хозрасчёта» подключились некоторые московские учёные. В то время некоторые сотрудники Института этнографии (О.И. Шкаратан и Л.С. Перепёлкин) всерьёз утверждали, что этносы являются субъектами экономических отношений и поэтому последние должны строиться по этническому принципу, в виде «этнических экономик» [4, 5].

При создании и первоначальном устройстве СССР был запущен в действие механизм производства этнонационализма — как принцип организации государства и общества и как мировоззренческая норма. Этот механизм привёл к формированию социальных групп, интересы которых могли реализоваться именно через национализм, породил многообразные противоречия между «нациями и народностями», которые он же во многих случаях и создал. В этнополитическом аспекте советская общественная система была столь же многообразной и противоречивой, как и её социально-политические основы. Этнонационализм, не последнюю роль во взращивании которого сыграло само советское государство, национальные движения стали особенно значимыми на закате существования СССР.

Обратим внимание на тот факт, что учёные в советские годы активно рассуждали о прикладной роли этнографических

Ил. 14. Этносоциологи М.Н. Губогло, Н.Р. Маликова, Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева. 1998 г.



Ил. 15. С.А. Арутюнов и Ю.В. Бромлей беседуют с Президентом X Конгресса МКАЭН проф. Л.П. Видьярдхи в г. Дели, Индия. 1978 г.

исследований. Например, в 1980-е годы Ю.В. Бромлей популяризировал мысль о возможностях использования этнографических знаний и работы этнографов в качестве экспертов [6], а М.Н. Губогло выступил с предложением о создании Всесоюзного центра научно-прикладных исследований национальных процессов [7]. Э.А. Паин обратил внимание на прикладные аспекты изучения сельских поселений в целях оптимизации систем расселения [8]. В.В. Пименов, размышляя о практическом применении этнографических знаний, отмечал, что «сама возможность прикладной функции этнографии прояснится лишь в том случае, если эта наука перестанет трактоваться как только историческая, а будет рассматриваться также как одна из существенных сторон науки об управлении, включающей прогнозирование и планирование». Он считал принципиальным такой подход [9].

Своё ви́дение роли отдельных аспектов этнографических знаний периода СССР дают и современные исследователи, как отечественные [см., например: 10–24 и др.], так и зарубежные советологи [25, 26]. Американская исследовательница Фрэнсис Хирш в вышедшей в 2005 г. на английском, а в 2022 г. в переводе на русский язык монографии «Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза», в частности, излагает мысль, что «именно от экспертов, имевших дореволюционную подготовку и опиравшихся на западноевропейские идеи, зависели в 1920–1930-е гг. конкретные формы государственной политики в отношении тех или иных народов. На основе обширных архивных исследований автор показала, как посредством планирования и проведения переписей, картографирования, создания музейных экспозиций общие идеи большевиков кристаллизовались в политические решения» [27].

Современный взгляд на исследовательское поле советской этнографии

Вместе с тем взгляд на события относительно недавнего исторического прошлого нашей страны сквозь призму современных идеологических и методологических реалий породил многогранный спектр ещё не осмысленных научных вопросов, находящихся в компетенции этнологов/антропологов и связанных с развитием их исследователь-

Ил. 16. Музейный зал ИЭА РАН

ского поля, в том числе и на перспективу. В нашем проекте исследование роли этнографической науки в жизни государства под углом взаимодействия науки и власти и более широко — роли науки в развитии ситуации в стране и в её регионах позволило охватить разноплановые тематические направления и подходы. Основные результаты работы нашли отражение в коллективной монографии «Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики» [28]. Рассмотрение развития науки в контексте политики базируется на анализе различных сюжетов, связанных с «национальным вопросом».

Обзор типичных траекторий научных разработок советских этнографов в фокусе советской национальной политики и идеологии открывает раздел «Конструирование советскости: идеи и герои», построенный по хронологическому принципу. Он содержит характеристику различных этапов развития отечественного народоведения, аналитику развития этнографии (по терминологии того времени) с учётом ключевых векторов национальной политики страны. Показаны искания и достижения российской науки на поприще этничности в XX в., когда она играла ключевую роль в строительстве государства, сконструированного как союз народов.

Раздел «“Национальный вопрос” и региональные исследования» состоит из глав, во многом являющихся историографическими очерками. В них даётся комплексный обзор научных этнографических направлений, разрабатывавшихся в разных частях страны в советское время. Исследование было задумано таким образом, чтобы охватить многоплановые векторы развития этнографии, в том числе советское кавказоведение, североведение, сибиреведение, славяноведение, финно-угроведение[1]. Выяв-

[1] Оговоримся, что вне исследовательского поля авторов монографии оказались работы, касающиеся территорий, не входящих в состав Российской Федерации.

Ил. 17. Обложка коллективной монографии «Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики»

лено, что важными тенденциями советской историографии были критика пережитков прошлого, устаревших традиций, обоснование необходимости новой советской обрядовой культуры и разработка практических рекомендаций по её внедрению.

Исполнители проекта, несомненно, сконцентрировали внимание и на проблемах, касающихся теоретико-концептуальных подходов советских учёных. Речь идёт об имевшем место обновлении аналитического арсенала, которое оказалось значимым для науки и практики того времени. Исследование показало, что тематика и направления этнографических изысканий во многом предопределялись общественно-политическими потребностями и запросами. Вместе с тем учёные-этнографы, принимая активное участие в дискуссиях по поводу этнических дефиниций «нация», «традиция», «обычай», «обряд» и других, не ограничивались пропагандой и агитацией. Этнографическое знание следовало логике внутреннего развития науки, отчасти определяемой предшествующей академической традицией. В разделе «Исследовательский инструментарий: идеология и политика» акцент сделан на злободневных для советской эпохи разработках, носивших во многом прикладной характер и имевших практическую значимость в сфере государственного управления. Отдельная глава посвящена развитию конкретно-социологических исследований и этносоциологии. Затем в аспекте теории и практики советского нациестроительства анализируются нарративы, касающиеся изучения рабочего быта, городской этнографии, этнографического музееведения и других актуальных тогда сюжетов.

Завершает монографию глава «Поздний СССР и советская этнография», основанная на личном опыте взаимодействия с властными инстанциями академика В.А. Тишкова, идеолога и автора концептуальных трансформаций антропологической науки, совпавших с периодом социальной турбулентности и политических импровизаций в стране и мире. Делается вывод о противоречивом по своей сути и наследию воздействии этнографической науки советского периода на общественные процессы, включая и судьбу страны. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением, что в советском наследии, включая гуманитарную науку, было много позитивных моментов по части этнокультурного развития больших и малых народов СССР, формирования этнического самосознания. Это подтверждается, в том числе, и впечатляющей масштабностью научных исследований, которые анализируются на страницах коллективной монографии, ставшей итогом работы по описываемому проекту.

(Воспроизводится по: Вестник «РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» 2023. № 1 (112). С. 31–47)

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартынова М.Ю. Прикладная роль фундаментальной науки: Исследования Института этнологии и антропологии РАН последнего десятилетия // Вестник антропологии. 2014. № 1 (27). С. 148–170.
2. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Книгоиздательство «Русская мысль», 1918; переизд.: М.: Изд-во Московского университета, 1990.
3. Псянчин А.В. Из истории отечественной этнической картографии (по материалам ИРГО и КИПС). Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2008.
4. Перепелкин Л.С., Шкаратан О.И. Экономический суверенитет республик и пути развития народов // Советская этнография. 1989. № 4. С. 32–48.
5. Чешко С.В. Этническая политика в Российской империи и СССР: исторические, политические и правовые аспекты // Вестник антропологии. 2014. № 1. С. 7–22.
6. Бромлей Ю.В. Может быть, это назовут этноникой // Знание — сила. 1985. № 12. С. 21–23.
7. Губогло М.Н. О создании Всесоюзного центра научно-прикладных исследований национальных процессов // Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. М.: ИНИОН, 1989. С. 94–104.
8. Паин Э.А. Прикладные аспекты этнографического изучения сельских поселений и систем расселения (постановка вопроса) // Советская этнография. 1985. № 1. С. 3–14.
9. Пименов В.В. Прикладные аспекты этнографии: тенденции и проблемы // Советская этнография. 1986. № 5. С. 3–12.
10. Абашин С.Н. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии: проблема сартов в XIX – начале XXI в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2008.
11. Алымов С.С. Забывая этнос и нацию: этнографические дискуссии и экспертиза «национального вопроса» в период перестройки // Шаги / Steps. 2021. Т. 7. № 2. С. 70–92.
12. Винокурова И.Ю. Из истории этнологических исследований в академической науке Карелии // Вестник антропологии. 1920. № 4. С. 282–300.
13. Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин; Сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004.
14. Головнёв А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39.
15. Головнёв А.В., Данилова Е.Н. Советская версия этноэкспертизы: докладные записки этнографов-североведов 1950–1990-х гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 132–143.
16. Карлов В.В. Ю.В. Бромлей и «бромлеевский период» в отечественной этнологии // Вестник антропологии. 2021. № 1. С. 9–23.
17. Октябрьская И.В., Романова Е.Н. Североведение в истории российской этнографии: от описания народов к конструированию этничности // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 3. С. 9–20.
18. Пивнева Е.А. Советское этнографическое североведение второй половины XX в. в зеркале научного наследия З.П. Соколовой (московская школа) // Вестник угроведения. 2021. № 4. С. 780–788.
19. Репрессированные этнографы. Вып. I / Сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 1999.
20. Смирнова Т.Б. Омская школа этнографии // Этнография. 2019. № 4. С. 181–194.
21. Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «марксистской» этнографии: стратегия продвижения марксистской ортодоксии в раннесоветский период // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ. 2018. № 11. С. 160–178.

22. Тишков В.А. Разговоры с этнографами. М.: Алетейя, 2021.
23. Три века российской этнографии: страницы истории / Под ред. М.М. Керимовой, А.А. Сириной. М.: Наука — Восточная литература, 2020.
24. Шнирельман В.А. Академическая жизнь и академическое выживание: учёные на волнах сталинских репрессий // За синей птицей (антропология академической жизни). Памяти Г.А. Комаровой. М.: б/и, 2022. С. 50–97.
25. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2001.
26. Rawski K. A Soviet think tank: The involvement of the Institute of Ethnography in Soviet policy // Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. Vol. 6. No. 1. 2017. Pp. 109–132.
27. Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022. (перевод на рус. яз.: F. Hirsch. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005).
28. Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: Коллективная монография / М.Ю. Мартынова, В.А. Тишков [и др.]; Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022.

Peoples Studies and National Policy in the Soviet Era

Marina Yuryevna Martynova — Dr. habil. (History), Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, chief researcher — Head of the Center for European Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

Valery Aleksandrovich Tishkov — RAS academician, research advisor of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

The article presents the results of a study devoted to the analysis of the interaction of ethnic studies (ethnology, or, rather, ethnography as it was called at the time) and Soviet nationality policy. The study of the role of domestic ethnography in the history of the country, reviewing the development of science in the context of the state strategy for the development of society is based on the analysis of a variety of subjects related to the 'national question'. The project, supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Russian Historical Society as part of the competition 'The Soviet Era: History and Legacy (to the 100th anniversary of the USSR)', addresses a number of research questions, providing a basis for identifying the role of academic developments and the creative elite in the national policy. The work is largely of historiographical nature. The authors focus on the analysis of conceptual approaches, on the quests and achievements of Russian ethnography in the 20th century. The authors characterize the research tools and provide a comprehensive overview of scientific ethnographic trends that were developed in different parts of the country in the Soviet period from the perspective of national policy. The past allows one to speak of the importance of an individual, an expedition, an (arti)fact in the full range of issues under study. By reading the 'bright and dark' pages of the history of science, one can better understand the reality that underlies today's ethnological research. Compared to the Soviet concept of nation-building, we may clearer see the potential of ethnology and the promise of its role in contemporary Russia for shaping Russian identity, developing mechanisms for migration policy, adapting children of migrants, etc.

Keywords: USSR, history of science, national policy, ethnography, peoples of Russia

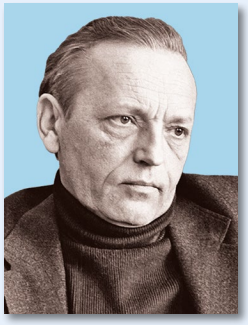
REFERENCES

1. Martynova M.Yu. Prikladnaya rol' fundamental'noi nauki: Issledovaniya Instituta etnologii i antropologii RAN poslednego desyatiletiya // Vestnik antropologii. 2014. № 1 (27). S. 148–170 (in Russian).
2. Struve P.B. Istoricheskii smysl russkoi revolyutsii i natsional'nye zadachi // Iz glubiny: Sbornik statei o russkoi revolyutsii. M.: Knigoizdatel'stvo «Russkaya mysl'», 1918; pereizd.: M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1990 (in Russian).
3. Psyanchin A.V. Iz istorii otechestvennoi etnicheskoi kartografii (po materialam IRGO i KIPS). Ufa: TSEI UNTS RAN, 2008 (in Russian).
4. Perepelkin L.S., Shkaratan O.I. Ekonomicheskii suverenitet respublik i puti razvitiya narodov // Sovetskaya etnografiya. 1989. № 4. S. 32–48 (in Russian).
5. Cheshko S.V. Etnicheskaya politika v Rossiiskoi imperii i SSSR: istoricheskie, politicheskie i pravovye aspekty // Vestnik antropologii. 2014. № 1. S. 7–22 (in Russian).
6. Bromlei Yu.V. Mozhet byt', eto nazovut etnonikoi // Znanie – sila. 1985. № 12. S. 21–23 (in Russian).
7. Guboglo M.N. O sozdanii Vsesoyuznogo tsentra nauchno-prikladnykh issledovanii natsional'nykh protsessov // Chto delat'? V poiskakh idei sovershenstvovaniya mezhnatsional'nykh otnoshenii v SSSR. M.: INION, 1989. S. 94–104 (in Russian).
8. Pain E.A. Prikladnye aspekty etnograficheskogo izucheniya sel'skikh poselenii i sistem rasseleniya (postanovka voprosa) // Sovetskaya etnografiya. 1985. № 1. S. 3–14 (in Russian).
9. Pimenov V.V. Prikladnye aspekty etnografii: tendentsii i problemy // Sovetskaya etnografiya. 1986. № 5. S. 3–12 (in Russian).
10. Abashin S.N. Etnograficheskoe znanie i natsional'noe stroitel'stvo v Srednei Azii: problema sartov v XIX – nachale XXI v.: Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.07. M.: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN, 2008 (in Russian).
11. Alymov S.S. Zabyvaya etnos i natsiyu: etnograficheskie diskussii i ekspertiza «natsional'nogo voprosa» v period perestroiki // Shagi / Steps. 2021. T. 7. № 2. S. 70–92 (in Russian).
12. Vinokurova I.Yu. Iz istorii etnologicheskikh issledovanii v akademicheskoi nauke Karelii // Vestnik antropologii. 1920. № 4. S. 282–300 (in Russian).
13. Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi XX veka / Otv. red. V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin; Sost. D.D. Tumarkin. M.: Nauka, 2004 (in Russian).
14. Golovnev A.V. Etnografiya v rossiiskoi akademicheskoi traditsii // Etnografiya. 2018. № 1. S. 6–39 (in Russian).
15. Golovnev A.V., Danilova E.N. Sovetskaya versiya etnoekspertizy: dokladnye zapiski etnografov-severovedov 1950–1990-kh gg. // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 2021. № 1 (52). S. 132–143 (in Russian).
16. Karlov V.V. Yu.V. Bromlei i «bromleevskii period» v otechestvennoi etnologii // Vestnik antropologii. 2021. № 1. S. 9–23 (in Russian).
17. Oktyabr'skaya I.V., Romanova E.N. Severovedenie v istorii rossiiskoi etnografii: ot opisaniya narodov k konstruirovaniyu etnichnosti // Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. 2020. № 3. S. 9–20 (in Russian).
18. Pivneva E.A. Sovetskoe etnograficheskoe severovedenie vtoroi poloviny XX v. v zerkale nauchnogo naslediya Z.P. Sokolovoi (moskovskaya shkola) // Vestnik ugrovedeniya. 2021. № 4. S. 780–788 (in Russian).
19. Repressirovannye etnografy. Vyp. I / Sost. D.D. Tumarkin. M.: Vostochnaya literatura, 1999 (in Russian).
20. Smirnova T.B. Omskaya shkola etnografii // Etnografiya. 2019. № 4. S. 181–194 (in Russian).
21. Solovei T.D. Ot «burzhuaznoi» etnologii k «marksistskoi» etnografii: strategiya prodvizheniya marksistskoi ortodoksii v rannesovetskii period // Istoricheskie issledovaniya. Zhurnal istoricheskogo fakul'teta MGU. 2018. № 11. S. 160–178 (in Russian).

22. Tishkov V.A. Razgovory s etnografami. M.: Aleteiya, 2021 (in Russian).
23. Tri veka rossiiskoi etnografii: stranitsy istorii / Pod red. M.M. Kerimovoi, A.A. Sirinoi. M.: Nauka – Vostochnaya literatura, 2020 (in Russian).
24. Shnirel'man V.A. Akademicheskaya zhizn' i akademicheskoe vyzhivanie: uchenye na volnakh stalinskikh repressii // Za sinei ptitsei (antropologiya akademicheskoi zhizni). Pamyati G.A. Komarovoi. M.: b/i, 2022. S. 50–97 (in Russian).
25. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2001.
26. Rawski K. A Soviet think tank: The involvement of the Institute of Ethnography in Soviet policy // Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. Vol. 6. No. 1. 2017. Pp. 109–132.
27. Khirsh F. Imperiya natsii: Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuza. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. (perevod na rus. yaz.: F. Hirsch. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005) (in Russian).
28. Sovetskaya etnografiya v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki: Kollektivnaya monografiya / M.Yu. Martynova, V.A. Tishkov [i dr.]; Otv. red. M.Yu. Martynova. M.: IEA RAN, 2022 (in Russian).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Индекс УДК 007
Код ГРНТИ 12.41, 12.75, 12.79



В.А. КОПТЮГ*

Что происходит с российской наукой?

Беседа профессора Е.В. Семёнова с академиком В.А. Коптюгом

Академик В.А. Коптюг анализирует состояние российской науки в 1990-е гг. в ситуации системного кризиса страны, обращая особое внимание на то, какие меры в условиях острого кризиса недофинансирования предпринимаются в Сибирском отделении РАН для предотвращения деструкции институтов и сохранения их научных коллективов, в первую очередь молодых учёных. Делается вывод, что академическая и вузовская наука при условии целенаправленных усилий правительства могут быть сохранены и получат дальнейшее развитие, отраслевая же наука находится в крайне тяжёлом состоянии.

Ключевые слова: системный кризис, «шоковая терапия», недофинансирование науки, выезд учёных за рубеж, деструкция институтов, молодые учёные, рейтинговая оценка, контрактная система, жилищное строительство, гранты

— Валентин Афанасьевич, что произошло с российской наукой в 90-х годах после распада СССР? Реформа? Кризис? Катастрофа?

— С российской наукой произошло то же, что и со всей страной, в частности, с её хозяйственно-промышленным комплексом.

То, что многое в нашей стране надо было реформировать, несомненно. В организацию науки также необходимо было вносить коррективы. В прежних условиях наука по разным причинам не реализовывала весь потенциал, которым она располагала. Чтобы научно-технический прогресс мог набрать должные темпы, нужны были изменения и в политике, и в экономике. Поэтому начало преобразований общество восприняло с энтузиазмом. Все понимали, что это необходимо. Но ведь дальше реформирование страны пошло волюнтаристским путём, да ещё с подталкиванием извне. Науку, как и промышленность, начали разваливать. Причём, началось всё это с попыток дискредитации Академии наук. Пытались «завести» молодых учёных против старших коллег.

Когда начались разговоры о том, что академики всё «захапали», что они прини-

---

* **Коптюг Валентин Афанасьевич** — академик РАН, доктор химических наук, председатель Сибирского отделения РАН и вице-президент РАН (1980–1997).

мают какие-то непонятные решения, Президиум Сибирского отделения РАН пошёл на очень решительный шаг — на преобразование Общего собрания Отделения в двухпалатный форум. У нас более ста академиков и членов-корреспондентов. Параллельно мы создали как бы вторую палату — палату представителей институтов — с абсолютно теми же правами, что и у членов основной палаты (академиков и членов-корреспондентов РАН), и равную ей по численности. Учёные советы институтов выбрали своих представителей в Общее собрание Отделения, советуясь с коллективами. Чтобы яснее понять, существует ли реально резкое расхождение в позициях академиков и членов-корреспондентов РАН, с одной стороны, и коллективов институтов — с другой, было решено, что при голосовании по любым вопросам члены каждой из «палат» опускают бюллетени в разные урны. Решение считается принятым, если оно одобрено обеими «палатами». Самое интересное, что результаты голосования двух «палат» более чем на 3–5% ни разу за эти годы не отличались.

В итоге все разговоры о том, что «эти академики действуют только в своих интересах», закончились. При совместном обсуждении конкретных проблем и вопросов и независимом голосовании выяснилось, что практически никаких серьёзных разногласий в оценках и подходах между «старшими» и «младшими» по возрасту и чинам в научном сообществе нет. В связи с этим стало ясно, что «раскачка» научного сообщества фактически была искусственно спровоцированной.

— В начале 1990-х годов много говорилось о необходимости перевода научных работников на контракт. Как Вы относитесь к контрактной системе? Что в этом плане сделано в СО РАН?

— Контрактная система, которую, наряду с рейтинговой оценкой институтов и научных работников, Отделение стало развивать несколько лет назад, несомненно повышает эффективность работы.

Контрактная система у нас используется в двух вариантах. Некоторые институты пошли на заключение контрактов с разрывом трудовых отношений, а другие (и таких большинство) — путём введения контрактных надбавок без разрыва трудовых отношений.

Постепенно вторая группа институтов начала использовать и первый вариант.

Последнее связано с тем, что в условиях недофинансирования из бюджета институты проводят внутренние реорганизации с целью сосредоточения научных сил на основных направлениях. При таких реорганизациях могут быть и сокращения, и перемещения в другие подразделения института. В последнем случае руководитель подразделения, отвечающий за финансовое состояние своей лаборатории или отдела, естественно, считает необходимым убедиться в должной квалификации и работоспособности переходящих специалистов и обычно соглашается принять их в коллектив, за который он отвечает, по крайней мере, на первый период, на условиях контракта второго типа.

Следует заметить, что контрактная система несёт в себе взаимную ответственность. Но руководителям подразделений всё труднее и труднее брать на себя финансовую ответственность, поскольку они не уверены, что предусмотренное бюджетное финансирование действительно в полной мере поступит в институт. Нарастающая в последние годы неопределённость с бюджетным финансированием серьёзно препятствует должной отработке контрактной системы в целом.

К рейтинговой оценке многие относятся весьма скептически. Мы тоже понимаем, что рейтинговую оценку научной деятельности строго формализовать практически невозможно. Но всё же есть несколько показателей, достаточно надёжно говорящих о многом: количество изданных монографий и публикаций в ведущих российских научных журналах, публикации в авторитетных изданиях за рубежом, приглашения с пленарными докладами на конференции,

число и размеры получаемых на конкурсной основе грантов (отечественных и зарубежных), патенты и так далее.

Конечно, научный авторитет многих сильных институтов в научном сообществе достаточно хорошо известен, и применительно к ним рейтинговая система не открывает ничего нового. Но применительно к системе институтов в целом всё же нужны более или менее объективные критерии оценки их состояния. Пусть они будут не очень строгие, но позволяющие уловить неблагополучие и провести более детальный анализ ситуации.

Следует заметить, что введение рейтинговых оценок прежде всего дисциплинировало сами институты, в том числе по отчётности, которая стала нести более полную информацию о положении дел. Работа по комплексной оценке институтов была начата не для того, чтобы закрыть какой-то институт, а прежде всего для выработки рекомендаций по исправлению положения. Но в связи со всё более сокращающимся бюджетным финансированием серьёзно встаёт вопрос о реорганизации сети исследовательских институтов, и в этом отношении накапливаемая информация также окажется полезной.

Финансовое положение Российской академии наук таково, что вопрос об оптимизации сети её исследовательских институтов в условиях системного кризиса в стране с неизбежностью становится в повестку дня. Надо сохранить хотя бы ядро научного потенциала Академии.

Естественно возникает вопрос: не положить ли рейтинговую оценку в основу перераспределения получаемого нами бюджетного финансирования: поддерживать надо тех, кто серьёзно продвигается вперёд. Это путь к медленному «отмиранию» части институтов. Он по многим причинам малоприемлем. Лучше перераспределить сильные кадры институтов, оказавшихся в опасной зоне, между институтами, которые сегодня работают на должном уровне, закрыв часть институтов, выживание которых как научных коллективов сомнительно. Мы поступили именно так с исследовательскими отделами при президиумах научных центров. У нас было около десятка таких отделов. В этом случае намеченная реорганизация прошла достаточно разумно и спокойно. Часть кадров была переведена в институты, а часть людей ушла из нашей системы.

За последние годы базовое бюджетное финансирование Отделения к началу 1996 г. сократилось в семь раз, а в этом году ещё почти в два раза. Недостаточное финансирование и низкая заработная плата явились причиной сокращения численности работающих в Отделении с 54 тысяч до 38, т.е. на 28–30%. Численность докторов при этом не упала, а даже возросла, но численность кандидатов наук несколько сократилась. Беспокоят, конечно, выезды сильных научных работников за границу, но не сами по себе, а их причины. Выезды по контракту на несколько месяцев во всех отношениях полезны. Беспокоящими являются отъезды на срок в 2–5 лет — во-первых, выключение учёных на столь длительный срок из работы коллективов, а во-вторых, причиной таких выездов в большинстве случаев является невозможность реализовать свои замыслы на месте из-за нехватки должного оборудования.

— В науке проблема «выдоха» всегда была даже более трудной, чем проблема «вдоха». Можно ли что-то сделать, чтобы целые подразделения (лаборатории, отделы) и целые организации отвечали за свою работу вплоть до их ликвидации? Сокращение с 54 тысяч до 38 — это был стихийный процесс; кто уйдет — тот уйдет? Или в какой-то степени этот процесс был управляем?

— И то, и другое. В условиях низкой средней заработной платы уход из системы части людей неизбежен. Это стихийная компонента сокращения численности. Но когда вводится дифференциация оплаты в рамках контрактной системы, то, естественно, на стихийную компоненту налагается управляемая. В принципе в ус-

ловиях недостатка бюджетного финансирования любой институт может объявить о сокращении численности работающих. Но, по-моему, ни один из институтов Отделения пока не объявлял просто сокращения. Оно происходит в основном путём внутреннего реструктурирования институтов с концентрацией сил на наиболее значимых и финансово-обеспеченных направлениях работ.

В связи с этим я расскажу кратко о действующих в институтах системах перераспределения средств.

В большинстве институтов ведутся внутренние лицевые счета по всем подразделениям. На эти счета «зачисляется» приходящаяся на конкретное подразделение доля получаемого институтом базового бюджетного финансирования, а также те средства, которые подразделение получает по грантам различных фондов, по государственным научно-техническим программам, по контрактам с зарубежными компаниями и т.д. Дирекция из всех поступлений удерживает в централизованный фонд института согласованную долю (от 10 до 30% по разным институтам). Каждое подразделение знает, в каком финансовом состоянии оно находится. При временных (3–4 месяца) финансовых провалах подразделение кредитуется из централизованного фонда. Но если долг подразделения достигает размера трёх-четырёх месячных сумм заработной платы, перед заведующим ставится вопрос о сокращении численности подразделения. Руководство институтов пытается трудоустроить людей в других подразделениях, находящихся в более благоприятном финансовом положении. Если это квалифицированные сотрудники, то вопрос обычно решается. Если же другие подразделения по тем или иным причинам не берут часть людей, то их сокращение становится неизбежностью.

Варианты перевода сотрудников на неполную рабочую неделю или длительные неоплачиваемые отпуска большинство институтов считает малоприемлемой формой, хотя иногда пользуется ею.

Именно таким эволюционным путём и осуществляется в большинстве институтов внутренняя перестройка.

— **Как Вы относитесь к поддержке научных программ и проектов на конкурсной основе, а также к такой форме поддержки науки, как гранты фондов?**

— Дополнительные к базовому бюджетному финансированию возможные источники получения средств для поддержки науки абсолютно необходимы. Они, конечно же, должны функционировать на конкурсной основе. Здесь главное — объективность экспертизы. Следует отдать должное — в последнее время с накоплением опыта в этом отношении наблюдается несомненный прогресс.

Нас беспокоит, однако, то, что в этой необходимой множественности источников финансирования, как и во многом другом, в нашей стране форма порой подменяет цель.

В условиях ограниченности финансовых ресурсов распыление средств является не самым рациональным способом их расходования. Когда на проект дают пять или десять миллионов, собрать потом из разрозненных кусочков (если отчёты по проектам вообще пришлют) что-то целостное практически невозможно. Небольшие гранты являются не столько средством движения к цели, сколько «поддержкой бедствующих», и ведут к распылению средств. Мне кажется, что фондам надо формировать свой портфель не только путём выбора из многих тысяч направляемых им интересных, но разрозненных проектов, но и путём объявления конкурса по ограниченному числу особо приоритетных целевых задач.

В этом плане конкурсность надо понимать шире. Всё-таки у прежних подходов были определённые достоинства. Существовало ограниченное число целевых государственных программ, в рамках которых осуществлялся выбор базовых организаций (правда, при этом не всегда была обеспечена должная конкурсность), и перед ними ставились задачи, ориентированные на до-

стижение определённой цели, что контролировалось достаточно строго и регулярно. Базовая организация могла на субподрядной основе привлекать другие организации и других специалистов. Естественно, что в этих условиях базовая организация «рыла носом землю», чтобы выполнить свои обязательства. Полагаю, что этот путь обеспечивает значительно более эффективное расходование государственных средств.

При формировании новой системы финансирования науки следует помнить, что создание слишком большого числа «распределителей» бюджетных средств и чрезмерное дробление тематики по большому счёту может обернуться потерей значительной части этих средств. Как говорят немцы — alles «zu» sind ungesund[1]!

— В моём понимании, для ряда наук, в которых не столь сильно преобладает коллективный характер работы, где много индивидуального (у гуманитариев, у математиков), этот путь поддержки вполне эффективен. У физиков, химиков, биологов — это уже только сугубо вспомогательное средство.

— Приоритетные научные направления и цели государственной значимости ставят, как правило, очень крупные проблемы. В них есть достаточно крупные подпроблемы. Над ними должны работать прежде всего коллективы, способные составить центральные ядра исследователей и разработчиков. Эти «ядра» должны выбираться на конкурсной основе. И тех, кого они далее привлекают к сотрудничеству, также следует подбирать на конкурсной основе. Конкурс необходим, но опасно чрезмерно измельчать тематику. Речь, конечно, идёт прежде всего о естественных и технических направлениях науки и в меньшей степени – о гуманитарных. В них, действительно, очень многое решается на уровне индивидуального учёного или небольшой группы исследователей.

Однако и в сфере гуманитарных наук роль научных коллективов была во многих случаях очень велика. Возьмите, например, экономические науки или работы в области археологии. У физиков, химиков, биологов, как правило, реализуются крупные коллективные проекты. Одиночка, если он талантлив, может совершить некий прорыв, а потом туда всё равно надо устремляться большими силами. Поэтому поддержка грантами лидеров, обеспечивающих прорыв, является очень важным делом, но этого недостаточно. Роль полководцев бесспорна, но побеждают ведомые ими армии. К сожалению, в наше смутное время быстрыми темпами идёт внутренняя деструкция коллективов, и, как мне представляется, в Москве этот процесс идёт более быстрыми темпами, чем в регионах.

— Деструкция. Совершенно точно. Не отток учёных из науки, а процесс обесструктурирования (и обезволивания) науки сейчас главная опасность.

— Этот процесс идёт по разным направлениям, в том числе в ходе создания при институтах коммерческих структур. Превращение интеллектуального продукта в товар и необходимость развития институтами в условиях острого недостатка бюджетного финансирования производственно-реализационной деятельности требуют от институтов вхождения в формирующуюся в стране систему рыночных отношений. Это необходимо и в то же время в связи с отсутствием должного опыта и должной регламентации очень опасно.

Приведу пример из жизни Отделения, относящийся к начальному периоду разгула рыночной стихии в нашей стране.

Одно Специальное конструкторско-технологическое бюро нашей системы, опираясь на разработки головного института, отработало технологию и наладило производство синтетических изумрудов. Руководитель СКТБ, заведующий лабораторией и ещё несколько человек создали «независимую» коммерческую структуру

[1] Всё «слишком» нездорово *(нем)*.

по их реализации. Изумруды производились на оборудовании этой организации силами её сотрудников и продавались по «сходной» цене упомянутой структуре, которая размещалась в том же здании, а она реализовала товарную продукцию по реальной рыночной стоимости.

Другой типичный случай — бесконтрольная сдача помещений институтов в аренду. Коллектив должен знать, сколько при этом средств поступает в институт и куда арендные деньги уходят. Если это не обеспечивается, то появляются возможности для злоупотреблений. Арендные отношения должны быть прозрачными для коллектива, иначе в коллективе начинается раскол. Мне кажется, что в ряде московских институтов это не взято под должный контроль.

В упомянутом выше случае с изумрудами мы освободили директора организации от занимаемой должности, что имело определённый резонанс. В результате к расширяющейся коммерческой деятельности в институтах стали относиться более строго.

А чтобы навести порядок по сдаче помещений в аренду, уже давно в рамках аппарата Президиума СО РАН было создано Управление по имуществу и земельным ресурсам, которое, с одной стороны, следит за разумностью действий институтов в этой сфере, а с другой — консультирует и помогает институтам. Есть соглашение, определяющее, в каких случаях институт может сдавать помещения в аренду, включающее ряд основополагающих принципов. Но в любом случае он должен согласовать договор о сдаче помещений в аренду с Управлением по имуществу и в дальнейшем отчислять 10% получаемых за счёт этого средств во внебюджетный фонд Отделения на общие нужды научного центра. А принципы какие? Если это касается производственно-предпринимательской или реализационной деятельности по тематике института, — пожалуйста. Если институт хочет создать рабочие места для бывших сотрудников или просто жителей научных центров, например, организовать пошивочный цех, — пожалуйста.

— **Это как в Германии, бывшей ГДР.**

— Пожалуй, да. Но если институт хочет посадить у себя банковскую или торговую структуру, то это может быть сделано только в особых, тщательно анализируемых случаях. Установленный порядок в целом соблюдался неплохо. Ведь все понимают, что утаивать информацию о сдаче площадей в аренду бессмысленно. Получить достаточно полную информацию о том, что происходит в том или ином институте, очень легко — достаточно обратиться в налоговую инспекцию и получить перечень предпринимательских структур, «привязанных» к зданиям института.

Отделение сочло целесообразным ввести некоторые регламентирующие моменты и в деятельность директоров институтов, хотя это звучит по меньшей мере непривычно. С директором института после его избрания на эту должность Общим собранием Отделения Президиум СО РАН заключает контракт, предусматривающий, как это принято в рамках контрактной системы, определённое, хотя и не слишком большое, поощрение за эффективную работу. В контракте есть, однако, и пункт, предусматривающий необходимость консультации с Президиумом Отделения о возможности вхождения в качестве физического лица в акционерное общество или в любую другую коммерческую предпринимательскую структуру, деятельность которой по своему характеру пересекается с тематикой основной деятельности института.

Кроме того, в Отделении действует постановление Президиума, в котором отмечено, что если директор в течение четырёх месяцев суммарно в год находится за границей, он должен подать в отставку. Мы не понимаем, как можно в нынешнее трудное время передоверять свои основные обязанности заместителям на столь длительный срок.

Эти шаги в известной мере сдержали внутреннюю деструкцию институтов. Хотя мы видим, что определённые негативные

процессы идут и у нас, но всё же пока научное сообщество Отделения живёт довольно дружно. И чем дальше, тем больше оно проникается пониманием того, что если мы не будем «играть сообща по определённым правилам», в интересах коллективов и всего сообщества, то погибнем все.

— Гуманитарные и социальные науки обычно оставались для организаторов науки на втором плане. Во многих случаях и сейчас в этом ничего не изменилось. Ваше отношение к гуманитарным и социальным наукам: практическое – как руководителя Отделения и вообще человеческое?

— Сначала, как они выживают. Им, конечно, это даётся труднее, чем другим. Такие направления, например, как археология, возглавляемая академиком А.П. Деревянко, нашли свою нишу в нынешней ситуации. И они неплохо используют возможности привлечения дополнительных средств на основе расширения международных связей, организации совместных с зарубежными партнёрами экспедиций, проведения зарубежных выставок своих коллекций и т.д.

Что касается «чистых» гуманитариев — историков, философов, филологов, то, конечно же, им приходится тяжелее. Им труднее всего находить финансовую поддержку. Именно поэтому создание Российского гуманитарного научного фонда и его деятельность имеют исключительно важное значение. Мне кажется, что этот Фонд, наряду с широкой поддержкой разносторонних инициативных проектов, может и, наверное, должен сыграть существенную роль в усилении позиций гражданственности и независимости наших гуманитариев. Гуманитарии в условиях прежней системы, по-моему, пострадали больше всех. Всё-таки по ряду направлений они часто работали конъюнктурно, что, впрочем, у многих наблюдается и сейчас, но уже в другом направлении. Конечно, выработка независимости и гражданственности зависит от самих учёных, но и стимулирование этого было бы весьма полезно.

А достойных научных проблем и тем для гуманитариев видимо-невидимо. Я бы сказал даже больше — осознание глобальности негативных проблем, вставших перед человечеством на пороге XXI в., делает гуманитарные научные направления более значимыми, чем естественно-технические.

— Валентин Афанасьевич, у меня к Вам последний вопрос. Опять же стратегический, как и первый. Вообще разрушительные процессы трудно оценивать. Наверное, человек здесь, как прибор, определяет, обратимы разрушительные процессы или нет. Не разрушилась ли наука до такого уровня (например, отечественное научное приборостроение разрушилось, что совершенно очевидно), что она уже невосстановима? Ваше ощущение, обратимо это или необратимо? Есть ли шанс вообще выжить? Есть ли какие-то перспективы у российской науки?

— Мне трудно судить по центральной части Российской академии наук. Всё-таки в академических институтах Москвы, Санкт-Петербурга и других городов европейской части я бываю мало. То, что мне рассказывают о некоторых институтах, крайне тревожно. Но всё же, с моей точки зрения, крупные научные школы, являющиеся стержнем многих институтов, должны выстоять. Что же касается сибирского академического сообщества, то самый угрожающий период начал складываться начиная с декабря прошлого года, и критическая точка приходится на предстоящую зиму. Если мы её переживем, то сможем жить и дальше. Думаю, что это относится и к академической науке в целом.

Причина этой критичности состоит в том, что на семикратное сокращение выделяемого бюджетного финансирования наложилось дополнительное двухкратное сокращение в этом году. Мобилизация внутренних возможностей для закрытия образовавшихся за месяцы дыр невозможна, так как то, что можно было сделать быстро, уже сделано. И если правительство не поймёт, что научное общество от опас-

ности развала переведено на грань гибели, и не предпримет соответствующих мер, то эта гибель произойдёт. Один из часто используемых лозунгов правительства таков: «Без науки и образования у России нет будущего». Предстоящая зима покажет, действительно ли правительство думает о будущем России.

Почему я надеюсь, что Сибирское отделение РАН, если переживёт грядущую зиму, сможет сохраниться как серьёзное научное сообщество? Потому, что сделано уже достаточно много для адаптации институтов Отделения к нынешним труднейшим условиям: расширение международного партнёрства и создание сети международных исследовательских центров, активное вовлечение институтов в целевые государственные программы и взаимодействие с фондами поддержки науки, создание совместных предприятий с зарубежными партнёрами и формирование элементов технопарковых зон, развитие производственно-реализационной деятельности и т.д. Позволить погибнуть оправляющемуся после «шоковой терапии» организму равносильно преступлению.

Очень важной для выживающего Отделения окажется проблема омоложения кадрового потенциала. Тесная связь институтов СО РАН с университетами и другими вузами Сибири сделала систему подготовки требуемых специалистов очень гибкой, и особых проблем в подборе талантливой молодёжи из числа выпускников вузов нет. Институты пользуются своими скромными финансовыми возможностями и ограниченными ресурсами Президиума СО РАН, стремятся всячески поддержать молодые кадры путём введения дополнительной оплаты, специальных стипендий, премий имени выдающихся учёных — основателей Сибирского отделения. Материально поощряется защита диссертаций. Но все эти усилия имеют скорее номинальный, чем реально значимый характер, главная проблема на пути масштабного омоложения кадрового состава отделения — проблема жилья.

Раньше, когда жильё строилось за счёт централизованных капитальных вложений, эта проблема не стояла так остро. Сегодня же молодой учёный при его нынешней зарплате не может купить себе жильё за десятки миллионов рублей, а централизованных средств на строительство жилья нам не дают.

В последние годы в научных центрах жилищное строительство велось на кооперативной инвестиционной основе, когда частично институт, частично или полностью сотрудники сами вкладывали средства в строящийся дом и в нём получали квартиры. Но молодому учёному это не по плечу.

В этих условиях мы решили создать в научных центрах фонды арендного жилья для молодых специалистов. Оно предоставляется на период «становления на ноги», но только в рамках контрактов, подписываемых институтом и фондом арендного жилья на 1–2 года с возможностью продления контракта в случае успешной работы молодого специалиста.

Проблема омоложения кадров в исследовательских институтах решаема, если государство действительно будет думать о науке и будущем России.

Следует заметить, что приток в вузы после резкого спада вновь возрастает. Молодёжь стала понимать, что без должного образования в жизни не преуспеешь. На торговле в «комках» далеко не уедешь. Если хочешь приемлемо устроиться, то надо быть квалифицированным специалистом.

Конкурсы в вузы снова поднялись, и это следовало бы использовать. Особенно велики здесь возможности научных центров, где система высшего образования сопряжена с академической наукой. Например, после третьего курса (у физиков — с третьего курса) студенты Новосибирского государственного университета перемещаются в основном в институты, где проходит специализация и где они вовлекаются сразу же в реальную исследовательскую работу. Обычно они к окончанию университета уже имеют статьи, опубликованные в се-

рьёзных научных журналах или направленные в печать, и легко вписываются в научные коллективы. А если после этого ещё использовать два года стажировки да три года аспирантуры, то фактически институты на шесть-семь лет получают очень хороших работников. Создание фондов арендного жилья позволит сформировать серьёзную основу кадрового потенциала на будущее.

При этом сложилось бы и более спокойное отношение к выезду специалистов на работу за рубеж на длительный срок, так как в этом процессе есть и серьёзные положительные моменты, поскольку большинство выезжающих возвращаются назад, обогащённые опытом зарубежных научных школ и технологических фирм.

Любопытны причины, стимулирующие возвращение назад. Во-первых, многие подчёркивают, что западный менталитет и характер взаимоотношений между людьми трудно сопрягаются с характером традиций и воспитания россиян. Поэтому постепенно нарастает тоска по Родине. Во-вторых, многие приходят к выводу, что специалисты западных школ узковаты в профессиональном отношении. Для тех, кто привык к мультидисциплинарному подходу при решении крупных проблем, эта узость начинает перевешивать возможность работы на более современном оборудовании. В-третьих, в силу неразвитости сферы научно-технических услуг наши специалисты привыкли ремонтировать все приборы и установки сами. Поскольку они отзывчивы и сохранили чувство товарищества, то не умеют отказывать в помощи коллегам и постепенно превращаются в бесплатных ремонтников, болезненно переживают потерю времени для научной работы и начинают думать о возвращении в свои институты.

И наконец, есть ещё одна любопытная причина ускорения возврата. Те работающие за рубежом, у кого дети через год–два оканчивают школу, вынуждены думать о том, как их чада будут поступать в вузы России. У большинства наших соотечественников, работающих за рубежом, заработная плата не обеспечивает возможность получения образования детьми в зарубежных университетах. Поэтому они стараются вернуться по крайней мере за год до окончания ребёнком школы. Почему? Потому что, ознакомившись с системой образования в доступных зарубежных школах, родители осознают, что их ребёнок ни в один приличный российский вуз не поступит, поскольку в этих школах естественно-научные дисциплины преподаются очень слабо. То же самое относится к истории, литературе и искусству. Больше, чем в наших школах, внимания уделяется культуре поведения и речи, а также физиологическим аспектам жизни. В общем, зря некоторые хаяли нашу образовательную систему, впрочем, как и многое другое.

Таким образом, мы можем легко восстановить и развить кадровый потенциал науки, была бы на то, как говорят некоторые, Божья воля, а я скажу: воля и желание правительства. Более того, наша система высшего образования могла бы шире готовить высококвалифицированные кадры целевым образом для других стран. Ведь такие кадры — это тоже своеобразный «интеллектуальный товар», причём очень серьёзный товар.

В заключение я ещё раз хочу подчеркнуть, что, если не погибнем этой зимой, то нашу академическую и вузовскую науку можно сохранить и развить — и должный объём фундаментальных исследований, и перспективные прикладные работы — и продолжать наращивать производственно-реализационные направления.

Что касается отраслевой науки, то её разгром слишком велик в связи с углублением системного кризиса экономики и производства в стране. От неё фактически остались лишь отдельные островки бывшей могучей системы, существование которых поддерживается, в частности, в рамках государственных научных центров. Для её серьёзного восстановле-

ния в новых формах после преодоления кризиса производства, скорее всего, потребуются значительно большие сроки, причём серьёзной опорой для такого восстановления должна будет стать значительно более тесная интеграция с академической и вузовской наукой.

(Воспроизводится по: Вестник РГНФ. 1996. № 3. С. 214–223)

Current Status of Russian Science

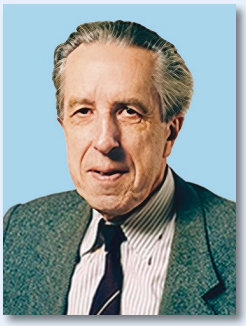
Professor Evgeniy Semyonov's Interview with Academician Valentin Koptyug

Valentin Afanasyevich Koptyug — RAS academician, Doctor of Science (Chemistry), Chairman of RAS Siberia and Vice-President of RAS (1980–1997).

Academician Valentin Koptyug analyzes the state of Russian science in the 1990s amidst a national systemwide crisis. He especially focuses on the measures taken in the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences to prevent the destruction of institutes and preserve academic teams, notably young scientists. The author concludes that academic and university science can be preserved and promoted with targeted government initiatives, while industrial science is in an extremely poor state.

Keywords: systemwide crisis, "shock treatment", underfunding of science, scientists' relocation abroad, destruction of institutes, young scientists, ranking assessment, contract system, housing construction, grants

Индекс УДК 347
Код ГРНТИ 10.07



В.Н. КУДРЯВЦЕВ*

Юридическая конфликтология

Юридическая конфликтология рассматривается в статье как наука о юридических конфликтах, представляющих собой противоборство субъектов права в связи с применением, нарушением или толкованием правовых норм. Проанализирована динамика протекания юридических конфликтов. Утверждается, что разрешение юридического конфликта иногда влечёт применение законного насилия.

Ключевые слова: юридический конфликт, социальный конфликт, нормы права, субъект конфликта, динамика конфликта, законное насилие, межнациональный конфликт

Юридический конфликт — разновидность конфликта социального, под которым обычно понимается противоборство двух или нескольких субъектов, обусловленное противоположностью (несовместимостью) их интересов, потребностей, систем ценностей или знаний. Известный конфликтолог Л. Козер предлагал понимать под конфликтом «борьбу за ценности и претензии на определённый социальный статус, власть и недостаточные для всех материальные и духовные блага; борьбу, в которой целями состоящих в конфликте сторон являются нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение соперника» [1].

Эта борьба может быть «войной без правил», но во многих случаях она опирается на те или иные социальные, правовые, нравственные, религиозные, технические либо иные нормы и положения.

На Западе уже в течение многих десятилетий проблематика, связанная с конфликтами, изучается специальной дисциплиной — конфликтологией, которая находится на стыке социологии, психологии, теории игр и других наук. У нас конфликтология не развита, хотя было бы неверно отрицать изучение соответствующих проблем в рамках отдельных научных дисциплин (например, противоречий — в диалектическом материализме или человеческой несовместимости — в психологии). Однако комплексного изучения конфликтов не было, можно сказать — нет до сих пор. А ведь именно комплексный, междисциплинарный подход к этому явлению даёт возможность понять его причины, раскрыть

---

* **Кудрявцев Владимир Николаевич** — академик РАН, доктор юридических наук, вице-президент РАН (1988–2001), один из инициаторов создания РГНФ и член совета РГНФ.

механизмы развития, остановить конфликт или заблаговременно предупредить его. Наша практическая беспомощность в разрешении межнациональных конфликтов не в последнюю очередь объясняется и теоретической слабиной.

Полярность интересов участников конфликтов, разное их отношение к ценностям и нормам общественной жизни, разнообразие объектов противоборства приводят к тому, что конфликты могут носить самый различный характер. Юридическая конфликтология, впервые освещённая в упомянутом исследовании, обобщает и изучает те особенности, которые характеризуют конфликт с позиций права. Теоретическое значение такого подхода состоит в возможности сопряжения конфликтов с государственными институтами (а право — один из них) и, следовательно, рассмотрения конфликтов не в абстрактном социальном пространстве, а в реальной связи с действующими правовыми инструментами и структурами. Отсюда и практический смысл такого подхода: установить, могут ли нормы права воздействовать на зарождение, развитие и разрешение конфликта, и если могут, то как использовать юридический инструментарий для смягчения, прекращения конфликта или предупреждения его.

Понятно, что для этого следует прежде всего определить, какие элементы конфликта имеют правовую природу или, по крайней мере, могут быть связаны с правовыми институтами и категориями. Проводя этот анализ в соответствии с логикой развития конфликта и его элементами, авторы работы вначале рассматривают вопрос о его участниках. Это — субъекты трёх уровней: индивиды, социальные группы, государства (народы). Такова социологическая классификация. С правовых же позиций можно выделить две группы субъектов: физические и юридические лица.

Здесь уже очевиден юридический аспект конфликтных отношений. Если речь идёт о противоборстве юридических лиц, то конфликт, как правило, приобретает юридический характер, потому что между этими субъектами складываются (или уже существуют) правовые отношения, да и разрешить такой конфликт скорее всего можно лишь юридическим путём.

Более разнообразной может быть ситуация, когда конфликт развёртывается между физическими лицами (одиночками, группами людей, толпой и др.). Физические лица, будучи гражданами, являются субъектами разнообразных правоотношений. Это налагает заметный отпечаток на их поведение в конфликте. Участник конфликта, состоящий в тех или иных правовых отношениях, должен соизмерять своё поведение с существующими нормами, помнить, что определённое развитие событий может стать небезразличным для «блюстителей порядка» — правоохранительных органов, а следовательно, и для самих участников происходящего. Субъект конфликта может впоследствии стать участником гражданского, административного или уголовного процесса в качестве истца, ответчика, потерпевшего, обвиняемого или свидетеля.

Такая перспектива грозит многим субъектам конфликтов. В некоторых случаях юридический аспект конфликта остаётся выборочным, т.е. касается не всех, а лишь отдельных его участников. Возьмём, например, случай массовых беспорядков. Толпа атакует милицию, громит помещения, творит бесчинства. Хотя все участники толпы являются гражданами государства и связаны конституционными обязанностями, юридические отношения (в аспекте ответственности за беспорядки) всё же возникают, согласно Уголовному кодексу, не со всей толпой, а лишь с организаторами массовых беспорядков и их активными участниками.

Юридический конфликт определяется в работе как противоборство субъектов права в связи с применением, нарушением или толкованием правовых норм. Можно сказать, что это — наиболее цивилизован-

ная форма социального противоборства. В самом деле: юридический конфликт протекает в рамках определённой процедуры; его логической основой является достаточно строгая аргументация; решение юридического конфликта, как правило, формализовано и санкционировано волей государства. Юридические рамки и последствия межгосударственных конфликтов определяются нормами и принципами международного права.

Авторы различают юридический конфликт в узком смысле слова (собственно юридический конфликт) и в широком (смешанные или переходные формы).

Под **собственно юридическим конфликтом** понимается спор о праве, который, в свою очередь, может иметь различные основания и, соответственно, ряд разновидностей. Классифицируя юридические конфликты в узком смысле слова в связи с их основаниями, можно выделить четыре следующие группы.

а) **Конфликт, порождённый противоречиями между двумя или несколькими нормативными актами.** Сравнительно недавним примером может быть принятие Государственной Думой РФ двух взаимно исключающих законов: Уголовного кодекса РФ и Закона о борьбе с организованной преступностью. По одним и тем же вопросам эти законы содержат противоречащие друг другу нормы. Если оба закона вступят в силу, то конфликтные отношения в силу несовместимости норм будут регулярно возникать между государственными органами и должностными лицами правоприменительных учреждений (прокуратурой, адвокатурой, милицией, судом и т.д.).

б) **Конфликт, порождённый противоречием между нормой права и правоприменительной практикой.** Здесь чаще всего мы встречаемся с нарушениями законов исполнительной властью. Напомним, например, что формально отменённый институт прописки фактически сохранён, а это рождает много конфликтных ситуаций. Конституционное требование информировать население обо всех правовых актах всё ещё не выполняется. Много нарушений жилищных, трудовых, пенсионных прав. Все эти нарушения вызывают конфликты между гражданами и должностными лицами, создают социальную напряженность в обществе.

в) **Конфликт, порождённый противоречием между двумя или несколькими правоприменительными актами.** Типичный случай — противоположные решения судов первой и второй инстанций по одному делу, порождающие (а чаще — поддерживающие) конфликт между сторонами гражданского или уголовного процесса.

г) **Наконец, юридический конфликт может иметь место и в связи с одним актом права.** В этом случае его основанием служит различие в правопонимании. Стороны толкуют каждая по-своему одну и ту же норму закона, правоприменительное решение или теоретическую конструкцию.

В отличие от собственно юридического конфликта, смешанные или переходные формы характеризуются тем, что конфликт начинается вне и независимо от правовых норм или отношений и лишь впоследствии приобретает юридический характер. Таковы многие политические, межнациональные, а также семейные, производственные, бытовые конфликты, широко распространённые в жизни.

Анализируя причины поведения сторон в различных конфликтах, нетрудно заметить, что они обычно сводятся к стремлению удовлетворить свои потребности и интересы. Корысть, месть, ненависть, недоброжелательство, обида, неудовлетворённость принятым решением, стремление обеспечить себя материально сегодня или в будущем — вот лишь небольшая часть мотивов бытовых конфликтов, встречающихся в судебной практике. Иной, но не менее разнообразной является мотивация конфликтов, в которых участвуют

социальные группы (политические партии, производственные коллективы и др.): экономические проблемы, политические симпатии и антипатии, стремление к власти, национальное самосознание и многое другое. Столь же многообразны мотивы поведения государств на международной арене. Поистине мотивы конфликтов способны отразить всю сложность современной жизни.

Известно, что в конечном счёте социальные конфликты представляют собой порождение и проявление объективно существующих общественных противоречий. Многие авторы, анализируя социальные противоречия, связывают их с проблемой неравенства возможностей людей в разных сферах жизни. Немаловажное значение имеют и субъективные противоречия, которые порождаются или усугубляются несходством характеров, нетерпимостью, низкой культурой межличностных и групповых отношений. Очень часто трудно установить рациональные причины конфликта; в нём преобладают эмоции, обиды, уязвленное самолюбие, завышенные самооценки. Погасить такой конфликт разумными правовыми средствами бывает нелегко.

Помимо конфликта интересов, существует ещё так называемый когнитивный конфликт — спор о знании. Он встречается главным образом при толковании того или иного правоположения. Если быть точным, надо сказать, что и за этим спором очень часто скрываются какие-либо интересы, если и не материального, то хотя бы престижного характера. В результате получается, что когнитивные юридические конфликты в чистом виде наблюдаются довольно редко; многие юридические споры — даже теоретические — скрывают за собой политические, экономические, межнациональные, бытовые противоборства, подлинная природа которых не всегда видна на поверхности.

Рассматривая разновидности юридического конфликта, надо указать ещё на ложный конфликт, который возникает вследствие ошибки или заблуждения по крайней мере одной из сторон, предполагающей, что другая сторона совершает или намерена совершить агрессивные, неправомерные или иные нежелательные действия.

В ложном юридическом конфликте возможны четыре основные ситуации: а) сторона полагает, что находится с определённым лицом в правоотношениях, но на самом деле этого нет; б) обратный вариант: сторона не сознаёт, что находится в правоотношениях с другой стороной; в) сторона полагает, что противник действует незаконно, в то время как действия другой стороны правомерны; г) обратный вариант: сторона полагает, что противник действует правомерно.

Из этого перечня видно, что ложность ситуации относится не столько к её содержанию, сколько к юридической форме.

Осознание и исправление ошибки в юридической форме, если именно она вызвала конфликт, может его прекратить. Ложный юридический конфликт лучше всего может быть погашен при содействии специалистов, юристов-профессионалов, способных разъяснить ситуацию, дать необходимые советы и тем самым устранить почву для конфликта, который превращается в недоразумение, не требующее силовых приёмов для выяснения отношений.

Большое внимание в исследовании уделяется динамике конфликта, под которой понимаются его движение, развитие, изменение соотношения сил участников и, наконец, завершение. В самой общей форме можно указать на следующие стадии развития юридического конфликта (в его смешанной или переходной форме):

а) возникновение у одной или обеих сторон социального конфликта мотивов юридического характера (например, при семейных ссорах — мысль о разводе). Это так называемая латентная стадия, когда юридический конфликт ещё не начался;

б) возникновение новых правовых отношений между сторонами, находящимися в конфликте (подача в суд заявления о разводе); здесь уже есть юридическая стадия;

в) развитие (изменение, прекращение) правовых отношений в связи с рассмотрением дела юридической инстанцией (в данном случае — судом); эта стадия может быть весьма длительной и претерпевать различные изменения. Например, в уголовном процессе имеют место предварительное расследование происшедшего, предание обвиняемого суду, судебное рассмотрение дела, кассационное, надзорное производство и т.д.;

г) издание правового (правоприменительного) акта, завершающего конфликт (в приведённом примере — вынесение судом решения о разводе); может быть принято несколько решений или дело может быть пересмотрено и т.д.

Мы привели примерную схему динамики довольно простого юридического конфликта. Однако возможна и иная динамика. Во-первых, последовательность стадий развития конфликта может не совпадать с изложенной. Например, сначала, т.е. до конфликта, уже существует правоотношение, и только позже появляется юридическая мотивация дальнейшего поведения. Во-вторых, некоторые стадии вообще могут отсутствовать. Так, в криминальном конфликте может не быть самостоятельной стадии возникновения правовой мотивации; ссора, закончившаяся убийством, сразу порождает чётко сформировавшиеся уголовно-правовое, а затем и уголовно-процессуальное отношения. Наконец, возможны весьма сложные юридические конфликты, с многократным чередованием различных эпизодов и стадий.

В динамике юридического конфликта большую роль играет вмешательство третьей стороны — государственного правоприменительного (правоохранительного) органа, который будет разбирать конфликт и принимать по нему решение. Это может быть суд, арбитраж, административная инстанция (например, директор предприятия, министерство и т.д.) либо иное государственное учреждение, с которым стороны связаны соответствующими правоотношениями. Такая третья сторона если сразу не присутствует в конфликте, то во всяком случае почти всегда «вырисовывается на горизонте».

Развитие юридического конфликта, когда в нём участвуют государственные правоприменительные (правоохранительные) органы, всегда направлено на завершение конфликта в рамках закона и в соответствии с ним. Означает ли это, что развитие такого юридического конфликта имеет целью примирение сторон, смягчение их противостояния? Отнюдь не всегда. О такой направленности действительно можно говорить применительно к семейным, некоторым трудовым, гражданско-правовым спорам, но не относительно криминальных дел, где речь почти всегда идёт о наказании виновного и часто — о принудительном вмешательстве в конфликт с целью его прекращения. Как справедливо отмечалось в литературе, «стремление погасить конфликт путём идеологического воздействия на сознание его участников или всяческое его замалчивание есть поверхностный подход, есть порочная и опасная политика снятия конфликтной ситуации» [2]. Иногда надлежит и «власть употребить», т.е. применить жёсткие средства для прекращения противоборства и восстановления справедливости. Вот почему юридический конфликт и его разрешение не исключают применения законного насилия.

Если в этом аспекте вернуться к динамике юридического конфликта, то можно сказать, что во многих случаях насильственные, принудительные меры сопровождают юридический конфликт на всём протяжении его развития. Так, для криминального конфликта характерны прежде всего оперативные меры по задержанию преступника, затем могут следовать из-

брание меры пресечения и другие принудительные действия (привод, освидетельствование, обыск); далее — мера наказания, назначаемая судом, которая также является мерой государственного принуждения.

Таким образом, юридический конфликт нельзя рассматривать как мирное течение событий по меньшей мере с двух точек зрения: напряжённость, а часто и насилие имеют место во взаимоотношениях субъектов — конфликтующих сторон; то же, но с другим содержанием и направленностью происходит и в отношениях хотя бы одной стороны с органами власти. Всё это превращает юридические конфликты в весьма острую форму борьбы их участников, хотя эта борьба и протекает в рамках закона.

Нельзя не сказать несколько слов о специфике развития юридического конфликта, касающегося массовых событий. Это, как правило, политические или межнациональные взаимоотношения групп населения, партий, социальных слоёв. Юридический элемент таких взаимоотношений возникает не сразу: он «оформляется», развивается, а часто и разрастается по мере институциализации самих отношений и развития событий. Например, в межнациональном конфликте вначале возникает проблема самоопределения нации, затем — идея создания собственного государственного образования, потом провозглашается суверенитет, устанавливаются государственные границы, учреждается таможня и т.п. Решить все эти вопросы возможно без принятия юридических актов, издания законных (а подчас и незаконных) решений и распоряжений. Здесь и складывается юридический аспект конфликта, который затем (в лучшем случае) движется по конституционным или другим «юридическим» рельсам.

К сожалению, юридический аспект конфликта часто недооценивается; для разрешения конфликта предпринимаются какие угодно, но не правовые средства. Так было с противостоянием законодательной и исполнительной властей в 1993 г., аналогичная ситуация сложилась в Чечне. Мы ещё не построили правового государства, и это косвенным образом является в такой дисциплине, как конфликтология, где и сама проблематика юридических конфликтов лишь в самое последнее время стала получать освещение [3].

А между тем эта проблематика имеет важное значение для снижения конфликтогенности социальной среды, ослабления межнациональных, политических, бытовых противоречий, достижения общественного согласия для постепенного преодоления глубокого кризиса, в котором находится наше современное общество.

(Воспроизводится по: Вестник РГНФ. 1996. № 1. С. 76–81)

ЛИТЕРАТУРА

1. Coser L. Conflict: Social Aspects // International Encyclopeadia of Social Sciences / Ed. by Sills David L. Macmillan company, 1968. Vol. 3. P. 76.
2. Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт (политологический анализ). Ростов н/Д, 1992. С. 45.
3. Кудрявцев В.Н. Юридическая конфликтология. М., 1995.

Legal Conflict Studies

Vladimir Nikolaevich Kudryavtsev — RAS academician, Doctor of Science (Law), Vice-President of RAS (1988–2001), one of the founders and board members of the Russian Humanitarian Scientific Foundation.

The paper describes legal conflict studies as the science of legal conflict, i.e. confrontation of legal persons in connection with the application, violation, or interpretation of legal norms. The author analyzes the dynamics of legal conflicts. It is argued that the resolution of legal conflicts sometimes entails the use of legal violence.

Keywords: legal conflict, social conflict, legal norms, party to conflict, conflict dynamics, legal violence, interethnic conflict

REFERENCES

1. Coser L. Conflict: Social Aspects // International Encyclopeadia of Social Sciences / Ed. by Sills David L. Macmillan company, 1968. Vol. 3. P. 76.
2. Zaprudskii Yu.G. Sotsial'nyi konflikt (politologicheskii analiz). Rostov n/D, 1992. S. 45 (in Russian).
3. Kudryavtsev V.N. Yuridicheskaya konfliktologiya. M., 1995 (in Russian).

Индекс УДК 316
Код ГРНТИ 04.51

Т.И. ЗАСЛАВСКАЯ*

Постсоциалистический трансформационный процесс в России

В статье рассматривается процесс постсоциалистической трансформации России. На основе анализа социальной структуры российского общества, его социальной стратификации и социокультурной дифференциации делается вывод, что трансформационный процесс в России к 1996 г. в лучшем случае находится на полпути. Асоциальный характер мер, осуществлявшихся либеральными реформаторами, завёл реформы в тупик. Новая социальная политика должна быть направлена на решение таких задач, как правовое и моральное очищение правящего слоя, содействие развитию социально-инновационной деятельности массовых слоёв общества, становление социально-партнёрских отношений во всех сферах жизни общества.

Ключевые слова: общество, социальная трансформация, социальный тип, социальная структура, система общественных институтов, институциональная подструктура, социально-групповая подструктура, социальная стратификация, социокультурная дифференциация, социально-стратификационная шкала, социальные слои

Переживаемый Россией период глубоких общественных перемен в разное время называли ускорением, перестройкой, революцией, радикальными реформами, переходом (без указания «от чего» — «к чему»). И только в последние годы было найдено понятие, наиболее адекватно выражающее суть и особенности происходящего в России процесса. Это понятие — социальная трансформация общества, изучению одного из аспектов которой посвящено наше исследование. Его цель — разобраться на примере России в сущности трансформационных процессов, протекающих в постсоциалистических обществах; изучить движущие силы и социальные механизмы этих процессов; в более же конкретном плане — исследовать связь между социальной стратификацией названных обществ и их социально-инновационным потенциалом.

Сущность трансформации постсоциалистических обществ

Под социальной трансформацией я понимаю обусловленное внешними факторами и внутренней необходимостью постепенное, не связанное со сменой правящей элиты, но в то же время радикальное и относительно быстрое *изменение социальной природы*, или *социэ-*

* **Заславская Татьяна Ивановна** — академик РАН, доктор экономических наук.

тального типа общества. Движущими силами этого процесса являются, с одной стороны, правящая элита с примыкающей к ней высшей бюрократией, а с другой — социально зрелые, дееспособные и активные представители массовых общественных групп, в первую очередь — средних слоёв. Остальная часть общества оказывает влияние на преобразование общества преимущественно через выбор своих адаптационно-поведенческих стратегий. В целом процесс социальной трансформации является скорее стихийным, чем планируемым и управляемым.

Главными чертами, отличающими трансформацию от перечисленных выше альтернативных понятий, служат: 1) направленность на изменение не отдельных частных сторон, а сущностных черт, определяющих социэтальный тип общества; 2) постепенность и относительно мирный характер протекания; 3) неизбежность, длительность и глубина аномии, обусловленной опережающим разложением старых общественных институтов по сравнению с созданием новых; 4) принципиальная зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения не только правящей верхушки, но и массовых общественных групп; 5) слабая управляемость и предсказуемость процесса, важная роль стихийных элементов развития, непредрешённость его итогов.

Социальная трансформация общества — намного более сложный и менее изученный процесс, чем целевое реформирование обществ, сохраняющих свою типологическую идентичность. Понятие *социэтальный тип общества,* на мой взгляд, синонимично *общественному устройству,* эмпирическим референтом которого служит *система общественных институтов.* Поэтому главным и прямым результатом трансформационного процесса служит качественное преобразование основополагающих, или типообразующих, институтов данного общества. Как мне представляется, социэтальный тип общества задаётся качественным состоянием четырёх макроинститутов, а именно: а) легитимностью, демократичностью и эффективностью власти; б) структурой, развитостью, легитимностью и защищённостью собственности; в) многообразием и зрелостью структур гражданского общества; г) широтой и надёжностью прав и свобод человека.

Прямым результатом трансформации общества служит преобразование названных институтов (например, приватизация государственной собственности, становление президентской республики и т.п.). Однако само по себе оно служит лишь внешним показателем социальной трансформации общества. Более глубинным результатом последней является изменение его социально-групповой структуры (в первую очередь — её классовой и стратификационной проекций). Институциональная и социально-групповая (социальная в узком смысле) структуры представляют собой различные, но неразрывно связанные стороны более сложного и многомерного феномена — социальной структуры общества в широком смысле. Причём институциональная подструктура расположена ближе к поверхности общественной жизни, носит более явный характер и значительно более управляема, а социально-групповая, напротив, более скрыта, латентна, требует углублённых методов изучения и не приемлет прямых способов управления.

Преобразовать социально-групповую структуру общества можно лишь косвенно — через реформирование основополагающих институтов. Зато любое существенное изменение последних неизбежно вызывает сдвиги в социально-групповом строении общества. В этом смысле институциональную подструктуру можно назвать «ведущей», а социально-групповую — «ведомой». Однако это не значит, что первая подструктура в известном смысле приоритетна по сравнению со второй. С точки зрения итогов социальной трансформации общества, положение обратное: более весомыми критериями их оценки

служат сдвиги в социально-групповой подструктуре.

Важнейшим типологическим качеством последней является характер социальной стратификации, т.е. разделения общества на иерархические слои, различающиеся типом деятельности, уровнем социального статуса, образом жизни и престижем. Критериями стратификации индивидов и групп служат управленческий потенциал, выражающийся в объёме властных и управленческих функций; экономический потенциал, измеряемый масштабами собственности и доходов; социокультурный потенциал, отражающий уровень социализации, образованности и профессионализма субъектов, а также социальный престиж, концентрированно отражающий все эти признаки в сочетании с качеством жизни. Названные критерии образуют относительно независимые «оси» стратификационного пространства.

На наш взгляд, свидетельством либерализации и демократизации российского общества могут служить такие сдвиги в социальной структуре и стратификации постсоциалистических обществ, которые: а) ведут к улучшению положения массовых слоёв и групп, расширению их прав и свобод; б) сокращают социальную пропасть между «верхами» и «низами» общества, содействуют преодолению их культурного раскола; в) усиливают связь между трудом и доходом, повышают зависимость социального статуса от профессионально-квалификационного и культурного потенциала групп; г) способствуют устойчивому развитию средних слоев; д) интенсифицируют и легитимизируют социальную мобильность; е) позволяют перекрывать криминальные каналы формирования элитных групп.

И всё-таки наиболее надёжным критерием направленности трансформационного процесса, свидетельством того, ведёт ли он к модернизации или регрессу, деградации общества, служат направления социокультурных сдвигов. Они определяются, с одной стороны, изменениями институциональной и социально-групповой структур общества, а с другой — влиянием внешних факторов, в нашем случае, прежде всего, современной культуры Запада. Характер социокультурных сдвигов характеризует наиболее глубинные и долгосрочные результаты социальной трансформации [1].

Движущие силы и механизм трансформации постсоциалистических обществ

Движущими силами трансформационного процесса в той или иной степени являются все элементы социальной структуры общества, хотя формы, механизмы и эффективность их участия в этом процессе не одинаковы. Интенсивность и направления трансформационной активности (деятельности и поведения) разных общественных групп определяются, во-первых, имеющимися у них возможностями воздействия на трансформационный процесс, тесно связанными с положением на стратификационной шкале; во-вторых, их принадлежностью к выигравшим или проигравшим в результате совершившихся общественных перемен; и в-третьих, их социокультурными характеристиками: структурой ценностей, потребностей, интересов и мотиваций.

Систему социальных макросубъектов (классов, слоёв, общественных движений, политических партий, корпораций и проч.), различающихся направлениями своих интересов, типами трансформационной активности и функциями в инновационном процессе, я называю *трансформационной структурой общества*. Это понятие вводится на правах гипотезы, согласно которой множество конкретных «проекций» социальной структуры, «порождающих» разнотипные субъекты трансформационной активности, взаимосвязано и при достаточно обобщённом подходе образует *целостную макроструктуру,* отражающую *движущие силы трансформационного процесса.*

Социальный механизм, порождающий, регулирующий и направляющий этот про-

цесс, можно представить с помощью следующей аналитической схемы. Выделяются три крупных блока механизма: «результативный», «двигательный» и «передаточный». *Результативный блок* отражает *содержание и основные итоги* процесса. Он представлен главными *объектами* трансформации: основополагающими институтами, социальной структурой и социально-экономическим потенциалом общества. *Энергетический блок* отражает движущие силы процесса и представлен трансформационной структурой, характеризующей *движущие силы* процесса. *Передаточный блок* механизма характеризует *способ реализации* процесса. Его элементами являются, с одной стороны, *функциональные типы трансформационной активности* (целевая реформаторская деятельность, массовая социально-инновационная деятельность и реактивно-адаптационное поведение), а с другой — *многосубъектные* (и потому как бы бессубъектные) политические, экономические, социальные и культурные *макропроцессы,* непосредственно изменяющие характер общественных институтов [2]. Особое место в рассматриваемом механизме занимает социокультурная структура общества, в основе которой лежат особенности общенациональной российской культуры, а также формирующих её субкультур. Названная структура служит одним из главных факторов, формирующих систему макросубъектов трансформационного процесса и тем самым определяющих социально-инновационный потенциал российского общества.

Трансформационная активность общественных групп и слоёв выражается в формах как деятельности, так и поведения. С точки зрения социального механизма, наиболее значимы два типа трансформационной деятельности. Первым является *целевая реформаторская деятельность,* непосредственная задача которой — преобразование институциональной структуры общества через изменение действующих *правовых и административных норм,* определяющих «правила игры» в тех или иных сферах. Ко второму типу относится *массовая инновационно-предпринимательская деятельность,* субъекты которой используют, развивают и закрепляют новые нормы и правила, тем самым перестраивая соответствующие институты уже в их социологическом понимании в качестве *массовых социальных практик.*

Оба типа трансформационной деятельности могут оцениваться с точки зрения их *качества в данном обществе,* причём критерии их оценки разными социальными субъектами часто совершенно различны. *Так, качество целевой реформаторской деятельности* оценивается по меньшей мере по четырём критериям. Команда реформаторов, как правило, подтверждает эффективность своей деятельности результатами реального, а иногда и формального *преобразования общественных институтов.* Массовые группы (народ) судят о результатах той же деятельности преимущественно по сдвигам в *социальной структуре.* Интеллигенция и учёные гуманитарного профиля концентрируют внимание в первую очередь на сдвигах в *социокультурной сфере.* Оппозиционных же политиков и СМИ интересует прежде всего степень *удовлетворения* реформаторами своих *корыстных интересов.* Аналогично обстоит дело и с оценкой *массовой инновационно-предпринимательской деятельности.* Для того, чтобы все эти субъекты могли вести цивилизованный дискурс, нужно прежде всего научиться слышать друг друга, говорить на одном языке. Причём пример в этом отношении, очевидно, должна показать общественная наука.

Из всех видов массового *поведения* населения для трансформационного процесса наиболее важны адаптационное и реактивно-протестное. В стабильных обществах под *адаптационным поведением* обычно понимается приспособление субъектов к социальной среде путём освоения и принятия свойственных ей норм, ценностей и форм социального

действия. Но в условиях крутых перемен, когда нормы и ценности теряют стабильность, содержание этого понятия меняется. Основной смысл его перемещается в этом случае на *поиск новых способов действий*, соответствующих меняющимся условиям и правилам игры [3]. Что касается *реактивной* составляющей трансформационного *поведения*, то она носит преимущественно *протестный характер*, отражая *непосредственный отклик* субъектов на ухудшение институциональных условий их жизнедеятельности.

Хотелось бы подчеркнуть, что понятие *трансформационной активности* носит строго функциональный характер: оно охватывает все виды активности, способствующие преобразованию типообразующих институтов, и исключает все виды активности, не имеющие к этому прямого касательства. В содержательном плане это понятие не знает ограничений: оно охватывает практические и духовные, созидательные и разрушительные, легальные и криминальные, моральные и аморальные виды активности. Это означает, что трансформационная активность членов постсоциалистических обществ не имеет *имманентно присущей социальной направленности*. Практически реализующееся в той или иной стране направление преобразований общества зависит в первую очередь от особенностей *его трансформационной структуры*, взаимодействие и борьба разных элементов которой служат движущей силой рассматриваемого процесса.

Реальное (в противоположность чисто формальному) преобразование системообразующих институтов общества служит *непосредственным* фактором сдвигов в социальной структуре. Обратное же влияние социальной структуры на динамику общественных институтов *опосредуется трансформационной структурой*. Для понимания механизма и прогнозирования дальнейшего хода общественных перемен необходимо знание не столько социальной стратификации общества, сколько его трансформационной структуры. В действительности же она изучена как минимум *на порядок слабее*, чем стратификация общества. На мой взгляд, это объясняется тем, что *трансформационная структура* формируется под влиянием по меньшей мере двух примерно равно значимых факторов: во-первых, *социальной стратификации* общества, определяющей возможности, способы и механизмы участия общественных групп и слоёв в трансформационном процессе, и, во-вторых, *социокультурной дифференциации*, которая задаёт цели и ценности, определяющие субъективную мотивацию, а соответственно – и содержательную направленность трансформационной активности этих субъектов.

Как мне представляется, соответствующий аспект социокультурных процессов в России изучается недостаточно интенсивно. Исследований, направленных на решение частных задач, в этой области выполнено немало, но, к сожалению, их результаты не складываются в целостную картину разделения общества на группы, характеризующиеся специфическими культурными позициями по отношению к происходящим процессам. И это, разумеется, не случайно. Эмпирическая идентификация элементов и связей трансформационной структуры в социэтальном масштабе представляется необычайно сложной, так как на разных уровнях социальной реальности существует множество «активных» структур, по-разному влияющих на трансформационный процесс. В качестве их агентов выступают региональные и локальные образования, политические партии, экономические группировки, национальные и культурные движения. Причём названные «срезы» трансформационной структуры не сводятся друг к другу, а лишь частично пересекаются. Индивиды, однозначно идентифицируемые в модели социальной стратификации, едва ли могут быть жёстко зафиксированы в системе координат трансформационной структуры, поскольку в большинстве случаев зани-

маемые ими позиции в её рамках нечётки и нестабильны.

В следующем разделе я попытаюсь раскрыть более конкретное содержание одной из связей изучаемого социального механизма. Она отражает зависимость трансформационной структуры общества от его социальной структуры, точнее от её стержня — социальной стратификации.

Социальная стратификация российского общества

Эмпирическая часть нашего исследования направлена на то, чтобы, во-первых, определить характер основных сдвигов, происшедших в последние годы в социальной структуре России; во-вторых, охарактеризовать социальную стратификацию её современного общества; в-третьих, оценить влияние стратификации на трансформационную структуру и реформаторский потенциал общества, его способность к дальнейшему самореформированию. Исследование базируется на вторичном анализе данных социологического мониторинга ВЦИОМ «Социальные и экономические перемены в России». Опросы населения проводятся раз в два месяца на основе репрезентативной общероссийской выборки, охватывающей от 2,5 до 4 тыс. человек. Банк данных мониторинга содержит результаты более чем 40 опросов, проведённых с марта 1993 по январь 1998 г. Общее число занятых в народном хозяйстве респондентов превышает 45 тыс. человек.

К сожалению, мониторинг ВЦИОМ, как и другие массовые опросы, не даёт возможности изучить крайние общественные группы: политическую и экономическую элиту, с одной стороны, и «социальное дно» — с другой. Не удаётся уловить и группы, включённые в теневые полукриминальные и чисто криминальные отношения. Свои суждения об этих группах мы основываем на данных специализированных социологических исследований, проводимых другими авторами. Анкета мониторинга содержит около 60 постоянных вопросов, что позволяет анализировать объединённые массивы, например, относящиеся ко всем месяцам каждого года. Это повышает надёжность данных и даёт возможность отслеживать динамическое развитие процессов.

Приступая к эмпирическому исследованию социальной структуры современного российского общества, мы исходили из предварительно разработанной теоретической гипотезы состава её групп и слоёв, базировавшейся на анализе научной литературы. Для идентификации гипотетических социальных групп российского общества был разработан многошаговый алгоритм, позволявший учитывать разные показатели экономического, политического, социально-профессионального и культурного статусов респондентов. Главными из них были основное занятие, род деятельности, профессионально-должностное положение, уровень образования, квалификация, отрасль занятости, тип организации (предприятия, фирмы) по форме собственности, размер организации по числу работников, уровень основных и дополнительных денежных доходов респондента, тип места жительства по шкале «Урбанизированное».

Отличительная особенность использованной методики заключалась в том, что эти *статусные признаки* рассматривались не как равнозначные, а как образующие *иерархическую структуру,* причём каждая социальная группа идентифицировалась по такому набору признаков, который, с нашей точки зрения, достаточно полно отражал её социальную сущность.

В качестве социальных слоёв рассматривались агрегаты общественных групп, получивших относительно близкие экспертные оценки совокупного общественного потенциала (но, как правило, различавшиеся уровнем и соотношением его конкретных компонентов). В результате ряда итераций, направленных на уточнение получаемых результатов, была построена эмпирическая модель социальной структуры работающего населения России, включавшая 4 социальных слоя, объеди-

нявших 14 групп (подробнее методика расчётов описана в [3]).

В 1996 г. (с учётом не попавших в выборку элит и «социального дна») эта модель выглядела примерно так:

1. Правящая политическая и экономическая элита (0,5%).
2. Верхний слой: крупные и средние предприниматели, директора крупных и средних приватизированных предприятий (6,5%).
3. Средний слой: мелкие предприниматели, самозанятые, полупредприниматели, менеджеры производственной сферы, руководители учреждений бюджетной сферы, высшая интеллигенция (профессионалы умственного труда), офицеры силовых структур (20%).
4. Базовый слой: массовая интеллигенция, полуинтеллигенция (технические служащие), рабочая элита, работники торговли и сервиса, рабочие средней квалификации, крестьяне (61%).
5. Нижний слой: неквалифицированные рабочие, работники без профессий, временно безработные (7%).
6. Социальное дно: хронически безработные, бездомные, беспризорные, бродяги, алкоголики, наркоманы, проститутки, мелкие преступники и другие группы, социально исключённые из «большого общества» (5%).

Как видно из этих данных, стратификационная модель России является переходной от пирамидальной к веретенообразной. Её переходность проявляется в том, что большинство россиян составляет не высокоразвитый средний слой, как на Западе, а слой, который назван нами базовым, занятый низкооплачиваемым исполнительским трудом. В то же время доля нижнего слоя, даже с добавкой социального дна, оказывается намного меньшей, чем базового. Формально говоря, такое строение ближе к веретену, чем к пирамиде, но это качественно иная модель, чем на Западе. Резко опущенный центр тяжести делает его похожим, скорее, на детский волчок.

Основные направления стратификационных сдвигов

Посмотрим, как изменения социальной стратификации постсоциалистического российского общества соотносятся с критериями либерально-демократического прогресса, названными в первом разделе.

1. Распад регулировавших социальную мобильность политических институтов обусловил *либерализацию самого процесса* формирования и преобразования социальной структуры. Последняя стала менее жёсткой, более диверсифицированной и подвижной. Возросло многообразие социальных статусов. Началось активное размывание старых и формирование новых общественных групп. Открылись новые каналы повышения статусов, усилились горизонтальная и вертикальная социальная мобильность россиян. Однако нисходящая мобильность крупных социальных групп и слоёв доминирует над восходящей мобильностью, носящей строго индивидуальный характер.
2. Существенно изменилась сравнительная значимость компонентов социального статуса. Если стратификация советского общества базировалась, в первую очередь, на административно-должностном критерии, связанном с местом работников в системе власти и управления, то теперь решающую роль приобрёл критерий собственности и доходов. Связь между политико-управленческим и экономическим элементами статуса не только усилилась, но и изменила свой знак: раньше материальное положение людей определялось уровнем занимаемых должностей, а теперь их политический вес всё больше определяется величиной капитала.
3. Роль профессионально-квалификационного и культурного факторов в формировании *высокостатусных* групп *усилилась,* а в социальной дифференциации основной части общества существенно *ослабела.* О первой тенденции свидетельствуют, в частно-

сти, повышение образованности элиты и верхнего слоя, интенсивное социальное расслоение интеллигенции и рабочего класса по профессионально-квалификационному уровню, рост инструментальной ценности высшего образования в глазах молодёжи. Однако это относится лишь к тем видам образования, которые пользуются спросом на рынке, в первую очередь — экономическому, юридическому и управленческому. Инженерное, социальное и гуманитарное образование востребуются намного меньше, что отражает реакцию молодёжи на резкое снижение статуса специалистов, профессии которых связаны с работой в бюджетном секторе и не имеют прямого касательства к рынку (инженеров, учителей, врачей, работников культуры, искусства и науки).

4. Локализм и замкнутость региональных рынков труда в условиях отсутствия общероссийского рынка и ограниченной территориальной подвижности работников не только породили значительную застойную безработицу, но и ослабили зависимость доходов работающего населения от факторов, связанных с личными трудовыми усилиями. Например, в 1996 г. средний уровень душевых денежных доходов москвичей, по данным ЦСУ, превышал средние доходы жителей беднейших регионов в 9,5 раза, а всех жителей провинциальной России в 3,2 раза[1]. С поправкой на разную стоимость жизни различия в уровне реальных доходов москвичей и остальных россиян составили соответственно 2,6 и 6,2 раза, что вряд ли можно объяснить различиями в квалификации работников [4, 5]. Чрезвычайно резки различия в оплате труда в частном и государственном секторах экономики.
5. Снизилась и без того невысокая легитимность статусов верхних групп и слоёв, социальное восхождение которых было неразрывно связано с корыстной теневой и криминальной деятельностью. Резко возросла дифференциация населения в зависимости от таких прескриптивных признаков, как пол, возраст, национальность. В российских условиях к этим признакам прибавляются регион и тип поселения (столица, крупный или малый город, моногород, или «город-ловушка», крупное центральное село, периферийная деревня), так как неразвитость жилищного рынка и общий недостаток жилья снижают территориальную мобильность работников, искусственно удерживая их в городах и посёлках с высоким уровнем безработицы. В результате, согласно общественному мнению, общество стало ещё менее справедливым.
6. Во много раз возросла социальная поляризация групп и слоёв. Экономический статус и образ жизни элит, субэлитных групп, верхнего слоя достигли невиданного прежде уровня, а базового и нижнего слоёв — резко снизились. Расширились границы нищеты и бедности, ускорилась люмпенизация населения, резко выросло социальное «дно». По уровню дифференциации доходов Россия оказалась среди развивающихся стран Африки и Латинской Америки. Децильный коэффициент фондов денежных доходов работающего населения перешагнул уже 20 раз.

Реформаторский потенциал слоёв российского общества

Правящая элита

К этому слою российского общества относятся руководители властных структур и политических партий, верхнее звено государственной бюрократии, а также собственники крупного капитала. За годы реформ персональный и социальный его состав существенно обновился. Но произошло это, главным образом, за счёт экономического крыла элиты, в то время как

[1] Правда, по данным мониторинга, аналогичный показатель не превышает 1,6–1,7 раза.

состав её политического крыла не столько сменился, сколько перегруппировался. Как показывают многочисленные исследования, большей части партийно-комсомольской номенклатуры удалось сохранить высокий статус, конвертировав свой политический и социальный капитал в экономический. При этом на ведущие позиции выдвинулся «второй эшелон» номенклатуры, в то время как первый был вынужден отойти на менее престижные роли [6, 7]. Важным социальным результатом реформ стало заметное повышение статуса и роли региональных элит, вызванное ослаблением центральной власти и тенденцией к суверенизации территорий.

Во второй половине 1980-х гг. правящая элита России открылась для выходцев из других слоёв общества. В результате к политической власти в целом пришли более молодые, лучше образованные, рационально-прагматичные и современные люди. По общепрофессиональным и социальным качествам они значительно превосходят своих советских предшественников, однако большинство из них не имеет требуемого опыта управления экономическими и политическими процессами. Оставляют желать много лучшего и морально-этические качества новой элиты. К тому же, уже в 1990-х гг. вновь проявилась тенденция к её замыканию, приток новых сил на общественный Олимп практически прекратился. В настоящее время российская элита так же замкнута и противопоставлена обществу, как прежде коммунистическая номенклатура.

Экономическое крыло верхнего слоя сформировалось в результате трёх основных процессов: «*отмывания*» приобретённых в советское время теневых *капиталов*, *сращивания бизнеса* с государственным управлением и *приватизации* государственной *собственности*. Стремительная приватизация экономики привела к концентрации большинства российских богатств в руках узкого круга более или менее случайных собственников, большинство из которых несколько лет назад и не думали о подобной возможности. Самая мощная часть этой группы возникла в результате акционирования крупнейших промышленно-финансовых корпораций и естественных монополий. По утверждению одного известного банкира, половиной российской экономики сейчас управляют семь корпораций, по аналогии с российским средневековьем, названных журналистами «семибанкирщиной». Тесное и взаимовыгодное сращивание с государством позволяет им использовать общенациональные ресурсы для частного присвоения гигантских прибылей.

Основной интерес современной правящей элиты заключается в том, чтобы сохранить и укрепить завоёванный статус. Но современная верхушка российского общества живёт как бы на вершине просыпающегося вулкана, что неуютно и опасно. Для полного счастья элите не хватает даже относительной социальной стабильности. Для того же, чтобы её добиться, надо вывести хозяйство страны из кризиса, установить элементарный правовой порядок и улучшить положение народа хотя бы до уровня, исключающего социальные катаклизмы. Что касается более долгосрочных задач, таких как развитие социальной рыночной экономики или создание государства благосостояния, то российскую элиту они мало волнуют. Несмотря на тенденцию к стабилизации её персонального состава, большинству её представителей по-прежнему свойственны черты *временщичества* — ориентации на решение ближайших задач, связанных с удержанием власти и собственности. Как мне представляется, стратегический интеллектуально-реформаторский потенциал правящего класса России выглядит достаточно ограниченным.

Верхний (субэлитный) слой

В нашем исследовании этот слой представлен собственниками средних и относительно крупных фирм, директорами крупных и средних приватизированных предприятий, а также наиболее состоя-

тельной частью других групп занятого населения (главным образом, менеджеров и специалистов бизнес-профессий). Это на три четверти мужчины, почти 90% которых молоды или находятся в среднем возрасте. Две трети имеют высшее образование, а большинство остальных — среднее специальное. Это наиболее урбанизированный слой: 37% его представителей живут в Москве или Санкт-Петербурге и 29% — в других крупных городах.

Даже явно заниженный уровень доходов, названный представителями этого слоя интервьюерам ВЦИОМ, впятеро превышает средний уровень доходов занятого населения России. 63% этих людей живут состоятельно, и ещё 30% — зажиточно, причём их доходы растут заметно быстрее, чем цены. Индекс самооценки материального положения здесь в 6 раз выше среднего[1]. Вместе с элитой этот слой образует те 7% процветающих россиян, которые с теми или иными колебаниями обнаруживаются практически во всех исследованиях социальной структуры России. Так, по подсчетам Н.М. Римашевской, 5,5% богатых и очень богатых граждан России владеют 72% денежных сбережений физических лиц [8], причём к этому надо добавить практически все средства, хранимые за рубежом.

Естественно, что настроение верхнего слоя отличается социальным оптимизмом, индекс которого почти в 2,5 раза выше среднего для россиян[2]. Почти половина представителей этого слоя полагают, что «всё не так плохо, и жить вполне можно», большинство остальных — что «жить трудно, но терпеть можно» (в среднем с такими суждениями согласны соответственно 7 и 40% занятого населения России; остальная же его часть утверждает, что больше не может «терпеть своё бедственное положение»). В верхнем слое сильнее, чем в остальной части общества, вера в возрождение России и совершенно нет ностальгии по прошлому. Более половины его представителей демонстрируют высокую социально-инновационную энергию и рассматривают свою общность в качестве силы, способной вывести Россию из кризиса.

Однако некоторые характеристики этого слоя ставят под сомнение его способность служить движущей силой реформ. Дело в том, что его процветание происходит на фоне и в окружении массовых слоёв общества, испытывающих огромные трудности. Причём рядовые россияне хорошо понимают, что полученный верхним слоем экономический и политический выигрыш от реформ представляет не что иное, как проигрыш остальной части общества. В связи с этим статус данного слоя в массовом сознании скорее нелегитимен. Броский демонстративно расточительный образ жизни немногочисленного верхнего слоя воспринимается обедневшим и уставшим обществом как вызов и усиливает его отчуждение. Этот эффект ещё усиливается тесной связанностью верхов общества с криминальными структурами, их глубокой коррумпированностью, постоянными финансовыми скандалами и проч. Коротко говоря, новый верхний слой не пользуется каким-либо доверием общества и не воспринимается в качестве лидера. В социальном плане — с точки зрения положения и интересов — этот слой скорее *противостоит* остальному обществу. Поэтому он вряд ли способен сыграть роль интегратора нации и инициатора её возрождения.

Средний протослой

Около двух пятых этого элемента социальной структуры составляют мелкие

[1] Индекс самооценки материального положения рассчитывается как отношение доли респондентов, оценивших своё положение как «хорошее» или «среднее», к доле респондентов, оценивших его как «плохое» или «очень плохое».

[2] Индекс социального настроения слоёв рассчитывается как отношение доли респондентов, назвавших своё настроение «прекрасным» или «спокойным, ровным», к доле тех, кто часто испытывает «напряжение, раздражение» или «тревогу, страх».

предприниматели и менеджеры, несколько больше — квалифицированные специалисты («профессионалы»), и примерно одну пятую – «служилые люди» — среднее звено бюрократии и офицеры. Фактором, объединяющим эти группы, служит срединное положение на социально-стратификационной шкале. Однако они мало напоминают средние классы современных западных обществ. Статус большинства из них неконсистентен и нестабилен, состав — текуч, а субъективная идентификация со средним слоем слаба и расплывчата. Группы, относимые нами к среднему слою, не похожи друг на друга ни положением, ни социокультурным обликом, их совокупность социально гетерогенна. Так, например, группа профессионалов выделяется высоким культурным потенциалом и развитым образом жизни; группа предпринимателей и менеджеров — значительными размерами капитала, наличием собственного бизнеса, высоким доходом, а группы бюрократии и офицерства — местом в государственном управлении обществом и распоряжении общественными ресурсами. В целом эти группы не образуют целостного элемента социальной структуры общества, их агрегат — это скорее зародыш полноценного среднего слоя, своего рода протослой.

В рамках этого протослоя мужчины и женщины соотносятся как 5 : 4, по своему возрастному составу он почти не отличается от среднего, образование же его представителей довольно высокое: примерно три пятых окончили вузы и четверть — техникумы. С этим коррелирует наиболее высокая самооценка своих профессионально-квалификационных качеств. Индекс урбанизированности мест проживания среднего слоя[1] равен 1,24. Это значит, что большинство его представителей живут в крупных городах и столицах. Это относится, в первую очередь, к профессионалам и государственным служащим (индексы урбанизированности мест проживания соответственно 1,91 и 1,21), большинство же представителей бизнес-слоя живут в средних и малых городах, рабочих посёлках или сёлах.

Структура занятости разных групп среднего протослоя весьма различна. Почти две трети бизнесменов заняты в частном секторе экономики и только 15% — в государственном. В то же время 90% профессионалов, бюрократов и офицеров работают в государственном секторе. Уровень доходов среднего протослоя в 2,5–3 раза ниже, чем у верхнего слоя. Из каждых десяти семей семь-восемь балансируют здесь между нуждой и достатком, одна живёт бедно и одна-две зажиточно, При этом уровень благосостояния профессионалов и среднего звена бюрократии заметно выше, чем представителей бизнес-слоя, около 20% которых живут за чертой бедности. Это объясняется мелкими размерами индивидуальной трудовой и предпринимательской деятельности, а также налоговой и иной политикой государства, ставящей российское предпринимательство в трудные экономические условия.

Однако большинство представителей среднего протослоя не бедствуют: уровень их доходов примерно вдвое выше, чем базового слоя, индекс самооценки материального положения семей на 42% выше среднего уровня (но в четыре с лишним раза ниже, чем верхнего слоя). Позитивные оценки социального настроения преобладают над негативными; поддержка либеральных реформ встречается вдвое чаще, чем в базовом слое. Таким образом, статус среднего протослоя оставляет некоторые ресурсы и возможности для различных видов инициативной социально-инновационной деятельности, начиная с хозяйственного предпринимательства и заканчивая социально-организационным экспериментированием в сферах образования, медицины, науки или культуры.

[1] Индекс урбанизации расселения общественных групп рассчитан как отношение доли жителей столиц и крупных городов к доле жителей малых городов, ПГТ и сёл.

Важно отметить, что за три года — с 1993 по 1996 г. — доля среднего протослоя в занятом населении страны увеличилась с 14,5 до 21,1%. Это было связано с такими процессами, как развитие предпринимательства, приватизация экономики, повышение статуса государственных служащих и социальное расслоение интеллигенции.

Высокий профессионально-квалификационный потенциал, благоприятная структура занятости, сравнительно терпимое материальное положение, относительная многочисленность и тенденция к дальнейшему расширению позволяют рассматривать средний протослой как потенциальную движущую силу трансформационного процесса. Более того, несмотря на неблагоприятные экономические условия своей деятельности, этот слой уже сейчас вносит весомый вклад в либерализацию институтов власти и собственности на территории всей России.

Базовый слой

Этот наиболее массивный элемент социальной структуры представлен «средними» рядовыми россиянами. Подавляющую часть их составляют работники средней и невысокой квалификации, занятые исполнительским трудом по найму. Три четверти из них работают в государственном секторе и только 9% — в частном. Это пролетаризированная интеллигенция, полуинтеллигенция (технические служащие), рабочие, крестьяне, низовые работники торговли и сервиса. 55% базового слоя составляют женщины, чаще среднего и старшего возраста с образованием в пределах школы или техникума. Большинство его представителей живут в средних и небольших провинциальных городах, сёлах и деревнях.

Реформы сильнее всего ударили по благосостоянию именно этого слоя, поэтому его материальное положение трудно. Значительная часть его представителей месяцами не получают зарплаты, пополняют ряды безработных, не знают, чем накормить детей и на что купить лекарства. Четыре–пять лет назад почти половина (46%) его представителей жила за чертой бедности, остальные — на уровне прожиточного минимума. Но в последние годы их материальное положение заметно улучшилось: в 1995 г. доля бедных составила одну треть, а в 1996 г. — менее 20%. Сказанное приводит к выводу, что основная часть базового слоя так или иначе адаптировалась к новой реальности, по необходимости приняла на себя ответственность за своё выживание и в борьбе за него проявляет немало инициативы. Главными средствами адаптации представителей этого слоя к новым условиям служат двойная или тройная занятость взрослых членов семей, использование труда детей и подростков, производство сельскохозяйственной продукции в личных подсобных и садовых хозяйствах, замена оплачиваемых бытовых услуг своим трудом, использование любых возможностей случайного приработка, сочетание основной работы с мелкой розничной торговлей и т.д. Практикуются и менее почтенные занятия — такие как растаскивание «плохо лежащих» ресурсов, участие в разных теневых операциях и др.

Однако вести повседневную борьбу за существование нелегко. Её следствиями становятся тяжёлые хронические болезни, массовые неврозы, стрессы, психические расстройства и даже самоубийства, количество которых увеличилось в несколько раз. Настроение базового слоя пока что пессимистично: три четверти его представителей хотели бы жить в брежневское время, а нынешнюю жизнь выбрал бы один из восьми. Три пятых формирующих этот слой «средних россиян» постоянно испытывают напряжение, раздражение, страх или тоску. Две пятых говорят, что больше не в состоянии терпеть своё бедственное положение, подтверждая это оппозиционным голосованием на выборах и акциями открытого протеста. Тот социально-инновационный потенциал, которым располагает базовый слой, расходуется преимущественно на решение проблем,

не выходящих за пределы семей. Это значит, что основная масса россиян поставлена в такие условия, когда они не могут сознательно и конструктивно участвовать в социальном обновлении общества. Это одна из самых важных социальных проблем России, без решения которой обществу не удастся справиться со стоящими перед ним проблемами.

Нижний слой

Нижний слой общества в наших расчётах представлен работниками, не имеющими профессий и выполняющими простейший труд. Это наименее образованный, самый бедный, малоинициативный и социально беспомощный слой. Доля пожилых людей здесь в 1,6 раза выше средней, женщин в полтора раза больше, чем мужчин. В 1995 г. половина, а в 1996 — треть семей этого слоя жили за чертой бедности, из них соответственно 14 и 8% вели нищенское существование. Адаптационный потенциал этого слоя невысок. За десять лет большинство его представителей так и не сумели адаптироваться к рыночным отношениям и вряд ли смогут когда-либо это сделать. Не обладая возможностью влиять на общественные процессы, они сохраняют приверженность эгалитарным и патерналистским ценностям, испытывают ностальгию по «доброму советскому времени», предпочли бы, чтобы реформы не начинались. Социально-инновационный потенциал этих людей равен нулю. Долг общества — оказать им требуемую социальную защиту и помочь дожить свою жизнь спокойно и более-менее достойно.

Выводы

Вряд ли надо доказывать, что трансформационный процесс в России в лучшем случае находится на полпути. На сегодняшний день его итоги можно определить как «олигархическую либерализацию» экономики и «бюрократическую демократизацию» общества, принесшие народу намного больше разочарований, чем достижений. С этим согласны едва ли не все политики, публицисты и учёные. Оценки современных динамических тенденций менее однозначны. Одни авторы утверждают, что российская экономика, а вслед за нею и общество в целом продолжают скатываться всё ниже и ниже, другие видят первые признаки начинающегося перелома к лучшему.

Наши разработки материалов ВЦИОМ дают основания полагать, что в 1995–1996 гг. Россия прошла через нижнюю точку кризиса, и социальная ситуация стала медленно улучшаться. Но, во-первых, это происходит далеко не везде: некоторое оживление в одних регионах, городах и отраслях экономики сочетается со стагнацией и разложением других. В результате социальная дифференциация продолжает расти. Во-вторых, усталость от нищеты, безработицы, невыплат зарплаты, неуверенности в завтрашнем дне продолжает накапливаться и после того, как жизнь становится несколько легче. Ведь чуточку меньшая, чем вчера, нищета по-прежнему остается *нищетой,* не позволяющей удовлетворять самые насущные нужды, так что круг неудовлетворённых потребностей расширяется. В силу этого наблюдающееся микроулучшение ситуации само по себе не гарантирует ни социальной стабилизации, ни роста оптимизма, ни активизации инновационной активности общества.

Для того чтобы трансформационный процесс принёс основной части российского общества *ощутимые позитивные результаты,* необходимо последовательное целенаправленное развитие реформ. Конкретное содержание экономической и социальной политики, связанной с решением этих задач, широко обсуждается в литературе, но не относится к теме этой статьи (см., например: [9, 10]). Нас же интересуют, в первую очередь, социальные движущие силы трансформационного процесса, состав и характер тех общественных групп, на усилия и поддержку которых он может в ближайшем будущем опираться.

До сих пор основным агентом преобразования российского социума была правящая верхушка, имевшая смелость

реформировать общество по своему усмотрению, без развёрнутого дискурса с остальными слоями. Но что может сделать своими силами группа, составляющая полпроцента населения? В лучшем случае — перестроить формально-правовое пространство путём разработки и издания указов, законов, подзаконных норм, инструкций и проч. Однако от реформирования общественных институтов «на бумаге» до их реального преобразования — дистанция огромного размера. Чтобы реально задействовать новые институты и сделать их достаточно эффективными, требуется преобразование основной социальной ткани общества на всю его глубину и ширь, практическое освоение нового нормативно-правового пространства путём массовой социально-инновационной деятельности, формирования новых социальных практик.

Потенциальными субъектами, наиболее готовыми к такой деятельности, являются верхний и средний слои общества, более других способные воспользоваться открываемыми реформами возможностями повышения своего статуса, улучшения качества жизни и престижа. Результаты же такой деятельности опосредованно ведут к социально-экономическому подъёму общества. Что касается базового слоя, то в сложившихся условиях от него можно ожидать в лучшем случае лояльности к власти и новым хозяевам экономики. Но для успешного завершения постсоциалистической трансформации российского общества этого совершенно не достаточно.

Меры, осуществлявшиеся либеральными реформаторами в социальной сфере, с моей точки зрения, не заслуживали названия политики. Их стратегия вообще не имела открыто предъявленного обществу социального компонента. Сдвиги в социальной сфере представляли собой, скорее, стихийные, заранее не просчитывавшиеся последствия экономических преобразований [11]. Этот просчёт реформаторского правительства дал возможность многим высокостатусным группам (от банкиров и генералитета до верхушки бюрократии и иерархов православной церкви) действовать в своих эгоистических интересах без оглядки на интересы общества. Асоциальный характер деятельности команды Гайдара-Чубайса, отсутствие у её представителей не только понимания, но и интереса к социальным проблемам завели реформы в тупик. Об этом свидетельствует не только рост протестного поведения массовых слоёв — множащиеся забастовки, блокады, пикетирования шахтёров, учителей, работников культуры, но и сдерживающее влияние обнищания россиян на рост внутреннего платежеспособного спроса и инвестиционного потенциала мелкого и среднего предпринимательства.

Что касается новой социальной политики, о необходимости которой сейчас говорят большинство политиков, то обсуждать её конкретные направления, не зная масштабов возможного финансирования, вряд ли имеет особый смысл. Более определённо можно говорить лишь о задачах, на решение которых она должна быть направлена. Я вижу три таких задачи.

Первая — это легитимизация деятельности *правящего слоя,* его *правовое и моральное очищение:* строгое и последовательное отделение государственного аппарата от всякого частного бизнеса, преодоление тотальной коррумпированности бюрократии и правового беспредела, восстановление законности (согласно принципу «один закон для всех»), развёртывание бескомпромиссной борьбы с экономической преступностью. Добавлю: плюс покаяние власти перед народом. Несмотря на то, что это понятие девальвировано чрезмерно частым употреблением, обойтись без него невозможно. Необходимо понять, что без открытого признания властью не только своих ошибок, но и допущенных преступлений, равно как и без наказания последних, преодолеть отчуждение народа и восстановить доверие массовых групп к либерально-демократическим институтам нельзя. А при отсутствии такого доверия проводимые властью реформы просто не могут быть эффективными.

Второй задачей является экономическое, правовое и информационное содействие развитию многообразных форм легитимной и конструктивной *социально-инновационной деятельности* массовых слоёв общества в сфере хозяйственного предпринимательства и преобразования социальной сферы.

Наконец, третья задача состоит в создании необходимых условий для становления *социально-партнёрских отношений* между представителями наёмного труда, частного капитала и государственной власти.

(Воспроизводится по: Вестник РГНФ. 1998. № 3. С. 132–147)

ЛИТЕРАТУРА

1. Machonin P. Social Transformation and Modernization. To Constructing the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries. Praha, 1997.
2. Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Социологический журнал. 1995. № 3.
3. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2.
4. Уровень жизни населения России: Статистический сборник. 1996 г. Основные показатели денежных доходов населения и величина прожиточного минимума по регионам РФ. М.: Госкомстат России, 1996. С. 65–67.
5. Экономические и социальные перемены // Мониторинг общественного мнения. 1997. № 4 (30). С. 62.
6. Дискин И.Е. Россия: социальная трансформация элиты и мотивация // Куда идёт Россия?.. Альтернативы общественного развития / Под общ. ред. Т.И. Заславской, Л.А. Арутюнян. М.: Интерпракс, 1994. С. 114–125.
7. Ершова Н.С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идёт Россия?.. Альтернативы общественного развития / Под общ. ред. Т.И. Заславской, Л.А. Арутюнян. М.: Интерпракс, 1994. С. 151–155.
8. Римашевская Н.М. Сбережения населения и внутренние источники экономического роста в России. Результаты экспериментальных исследований: Тезисы доклада на заседании Отделения экономики РАН. 1997.
9. Экономические реформы в России (итоги, перспективы) / Отв. ред. В.П. Логинов. М., 1997. С. 240.
10. Шейнис В.П. Конституционный процесс на современном этапе // Куда идёт Россия? Общее и особенное в современном развитии. М., 1997. С. 114–124.
11. Дахин В.Н. Социальные последствия «либеральной революции» в России // Куда идёт Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1994. С. 132–137.

Post-Socialist Transformation in Russia

Tatyana Ivanovna Zaslavskaya — RAS academician, Doctor of Science (Economics).

The paper discusses Russia's post-socialist transformation. After analyzing Russia's social structure, social strata, and socio-cultural differentiation, the author concludes that the transformation process was still midway in 1996. The liberal reformers' asocial policies actually caused the reforms to come to a standstill. The new social policy must aim such tasks as legal and moral purification of the ruling class, the promotion of social innovation among the general public, and the establishment of social partnerships across all social domains.

Keywords: society, social transformation, social type, social structure, system of public institutions, institutional substructure, substructure of social groups, social stratification, socio-cultural differentiation, socio-stratification scale, social strata

REFERENCES

1. Machonin P. Social Transformation and Modernization. To Constructing the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries. Praha, 1997.
2. Zaslavskaya T.I. Sotsial'nyi mekhanizm transformatsii rossiiskogo obshchestva // Sotsiologicheskii zhurnal. 1995. № 3 (in Russian).
3. Zaslavskaya T.I. Sotsial'naya struktura sovremennogo rossiiskogo obshchestva // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1997. № 2 (in Russian).
4. Uroven' zhizni naseleniya Rossii: Statisticheskii sbornik. 1996 g. Osnovnye pokazateli denezhnykh dokhodov naseleniya i velichina prozhitochnogo minimuma po regionam RF. M.: Goskomstat Rossii, 1996. S. 65–67 (in Russian).
5. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny // Monitoring obshchestvennogo mneniya. 1997. № 4 (30). S. 62 (in Russian).
6. Diskin I.E. Rossiya: sotsial'naya transformatsiya elity i motivatsiya // Kuda idyot Rossiya?.. Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya / Pod obshch. red. T.I. Zaslavskoi, L.A. Arutyunyan. M.: Interpraks, 1994. S. 114–125 (in Russian).
7. Ershova N.S. Transformatsiya pravyashchei elity Rossii v usloviyakh sotsial'nogo pereloma // Kuda idyot Rossiya?.. Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya / Pod obshch. red. T.I. Zaslavskoi, L.A. Arutyunyan. M.: Interpraks, 1994. S. 151–155 (in Russian).
8. Rimashevskaya N.M. Sberezheniya naseleniya i vnutrennie istochniki ekonomicheskogo rosta v Rossii. Rezul'taty eksperimental'nykh issledovanii: Tezisy doklada na zasedanii Otdeleniya ekonomiki RAN. 1997 (in Russian).
9. Ekonomicheskie reformy v Rossii (itogi, perspektivy) / Otv. red. V.P. Loginov. M., 1997. S. 240 (in Russian).
10. Sheinis V.P. Konstitutsionnyi protsess na sovremennom etape // Kuda idyot Rossiya? Obshchee i osobennoe v sovremennom razvitii. M., 1997. S. 114–124 (in Russian).
11. Dakhin V.N. Sotsial'nye posledstviya «liberal'noi revolyutsii» v Rossii // Kuda idyot Rossiya? Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya. M., 1994. S. 132–137 (in Russian).

Индекс УДК 159.316.6
Код ГРНТИ 15.41

Д.В. УШАКОВ*

Социальный и эмоциональный интеллект: теоретические подходы и методы измерения

Статья посвящена актуальной проблеме социального интеллекта, которая в последнее время привлекает всё большее внимание исследователей. Социальный интеллект является важным практическим качеством, во многом определяющим успех человека в социальном взаимодействии. Кроме того, исследование социального интеллекта вносит вклад в общетеоретические сферы психологии, особенно в изучение соотношения аффекта и интеллекта. В статье предлагается подход к анализу социального интеллекта на основе разработанной автором структурно-динамической теории, а также описываются созданные методы его диагностики.

Ключевые слова: социальный интеллект, когнитивное и аффективное, невербальная репрезентация, практический интеллект, адаптация к среде, эмоциональный интеллект

После прочтении комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» в январе 1825 г. А.С. Пушкин написал своему другу А.А. Бестужеву письмо, в котором поставил вопрос, составляющий сегодня (хотя и в других, специальных терминах) проблему психологии интеллекта. Пушкин сомневался, что горе Чацкого — от ума. По мнению Пушкина, в комедии «Горе от ума» умное действующее лицо — Грибоедов. «А знаешь ли, кто такой Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, проведший несколько времени с очень умным человеком (именно Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями. Всё, что говорит он, очень умно. Но кому говорит он всё это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Всё это непростительно. Первый признак умного человека — с первого взгляда знать, с кем имеешь дело и не метать бисера перед Репетиловым и тому под.» [3, с. 122].

Первый признак умного человека, называемый Пушкиным, это признак социального интеллекта, т.е. способности понимать других людей и их поведение. Горе Чацкого — не совсем от ума. Точнее сказать, оно от структуры его ума. Возможно, он достаточно способен и восприимчив, чтобы в абстрактной форме усвоить то, что ему, согласно Пушкину (любившему в несколько постмодернистском духе устраивать встречи авторов со своими героями), говорит Грибоедов.

* **Ушаков Дмитрий Викторович** — академик РАН, доктор психологических наук, директор Института психологии РАН, член совета РФФИ.

Однако в структуре ума Чацкого есть слабое место — непонимание того, с кем он имеет дело. Избыток его декларируемого ума — не сам по себе причина миллиона его терзаний, причина — недостаток ума социального.

Проблема социального интеллекта привлекает в последнее время всё большее внимание исследователей. На это существует несколько причин. С одной стороны, социальный интеллект является чрезвычайно важным практическим качеством, причём с развитием исследований выясняются новые и совсем неочевидные области его применения. Общий интеллект выступает, как показали многочисленные исследования, наиболее надёжным предиктором успеха в профессиональной деятельности и обучении. Его предсказательная сила, однако, убывает для тех профессий, где существенную роль в успехе играет взаимодействие с другими людьми. Возникшую лакуну логично было бы заполнить при помощи социального интеллекта. Действительно, некоторые авторы утверждают, что социальный (или эмоциональный[1]) интеллект является принципиально важным фактором в плане профессиональной успешности, хотя это положение пока нельзя считать достаточно надёжно установленным.

С другой стороны, проблема социального интеллекта оказывается важной теоретически и даже философски. Увлечение информационным когнитивизмом в 60–80-е гг. вывело на передний план «вычислительные», «компьютерообразные» модели мыслительного процесса. Проблемы эмоций [4], интуиции [2], «недизъюнктивного» процесса [1] оказались второстепенными для когнитивной психологии того периода. Постепенно, однако, границы применимости «твёрдого» когнитивизма обозначились очень ясно, и корифеи этого направления заговорили о совсем необычных для себя вещах: Х. Саймон и Д. Бродбент — об интуиции [9, 10], Г. Бауер — о репрезентации эмоций в семантической сети [7, 8] и т.д.

Социальный интеллект как раз и является такой проблемой, где взаимодействуют когнитивное и аффективное. В сфере социального интеллекта вырабатывается подход, понимающий человека не просто как вычислительный механизм, а как когнитивно-эмоциональное существо.

В ходе исследования проблема социального интеллекта была подвергнута как теоретическому, так и эмпирическому анализу.

Теоретическое описание социального интеллекта

Основные теоретические проблемы социального интеллекта заключались в том, чтобы установить его отношение к общему интеллекту и выявить его структурные особенности.

Было показано, что социальный интеллект обладает рядом характерных структурных особенностей:

- континуальным характером;
- использованием невербальной репрезентации;
- потерей точности социального оценивания при вербализации;
- формированием в процессе имплицитного научения;
- использованием «внутреннего» опыта.

Лишь последнее полностью отличает социальный интеллект от всех других видов интеллекта.

На базе структурно-динамической теории интеллекта [5, 6] было предложено объяснение таким особенностям социального интеллекта, как его низкие корреляции с другими видами интеллекта при наличии

[1] Несмотря на существование разных способов трактовки понятия эмоционального интеллекта, все авторы имеют в виду способность к познанию эмоционального мира людей. Может показаться, что эмоциональный интеллект — частный случай социального интеллекта. Однако представляется, что скорее это пересекающиеся множества. Эмоциональный интеллект может быть направлен как на других людей, так и на себя, на познание собственных эмоций. Этот второй аспект выходит за рамки традиционного понимания социального интеллекта.

связей с личностными особенностями. Согласно этой теории уровень социального интеллекта личности зависит от:

- потенциала формирования, который проявляется также в уровне общего интеллекта;
- личностных, в первую очередь эмоциональных, особенностей, в большей или меньшей степени привлекающих силы человека к общению с другими людьми и их познанию;
- того, как сложился жизненный путь человека, пришлось ли ему направить свои силы на взаимодействие с другими людьми или на предметную работу.

Разработка методик оценки различных аспектов социального интеллекта

Основные усилия в плане эмпирического исследования социального интеллекта в рамках проекта, поддержанного РГНФ, были направлены на создание методик его оценки. При этом пришлось дать ответы на ряд вопросов принципиального характера. Один из этих вопросов: почему правильными должны считаться одни ответы в тестах социального интеллекта, а не другие? В отношении тестов предметного интеллекта такие вопросы значительно менее актуальны. Строго говоря, определение правильного ответа вообще в любых тестах интеллекта — дело экспертной оценки. Бывает, что тестируемый по Равену или другой известной методике не соглашается с тем ответом, который считается правильным, и предлагает другой. Однако для определения правильного ответа там всегда можно построить ту или иную аргументацию. В тестах социального интеллекта проблематична сама возможность аргументировать.

Возьмем тест Гилфорда—О'Салливена, направленный на оценку социального интеллекта. В одном из его субтестов изображены жесты или позы и требуется подобрать картинку, выражающую аналогичное состояние. Единственный аргумент правильности выбора может строиться примерно следующим образом: поза P выражает состояние S, это же состояние выражено мимикой M, следовательно, P и M выражают одно и то же состояние. Однако соответствие позы и мимики состоянию остаётся во власти субъективизма экспертной оценки. Дело усугубляется тем, что состояния не всегда хорошо определимы словами, что ещё более затрудняет аргументацию.

Другой субтест связан с предсказанием развития ситуации. Здесь аргументы тоже весьма проблематичны: они строятся по типу «в ситуации Sit люди совершают поступки P». Например, в одном из пунктов этого субтеста ответ, который считается правильным в американском варианте теста, признан неправильным во французском. Ситуация там заключается в том, что отец порет своего маленького сына. В американском варианте закономерным развитием этой ситуации считается уход ребёнка из дома, тогда как во французском — плач ребёнка.

Возникает следующая коллизия: чем бесспорнее мнение экспертов, тем проще ситуация, но тем проще и задача тестируемого. При сколько-нибудь сложном вопросе появляется сомнение относительно правильности экспертной оценки.

Суждение о том, какие чувства или действия вызывает та или иная ситуация, остаётся интуитивным, не изученным научной психологией вопросом. Научная психология значительно продвинулась в ряде областей и ушла далеко вперёд от здравого смысла. Однако есть и такая область знаний человеческой души, где квалифицированный психолог мало чем отличается от человека с простой жизненной сметкой. Именно к этой области и относятся те задачи, из которых составляются тесты социального интеллекта. Если интерпретация жестов ещё более или менее развивается в некоторых разделах психологии, то теории, описывающей ситуативные причины различных чувств или действий, просто не существует.

Чтобы иметь возможность аргументировать правильность того или иного решения в тесте социального интеллекта, необходима своего рода «химия чувств» (пере-

фразируя известный термин Дж. Ст. Милля), т.е. такая теория, которая позволит предсказать изменение чувств человека при комбинировании разных свойств ситуации.

Измерение социального интеллекта — заданный метод

Первый тест, созданный разработчиками проекта, направлен на изучение способности субъекта к пониманию того, какое чувство будет испытывать человек в той или иной ситуации. Эта способность, безусловно, не исчерпывает всего социального интеллекта, но является важной его частью.

Для описания принципиальной схемы теста ситуацию можно представить в виде набора переменных $S = \{V_1, V_2, V_3...\}$, где S — ситуация, а V — ситуационные переменные. Представим такую ситуацию: маленький мальчик идёт по улице, вдруг на него с лаем набрасывается собака. Эмоция испуга, которую испытает мальчик, будет зависеть от нескольких переменных. Размер собаки, яростность её атак, громкость лая и т.д. будут способствовать усилению эмоции страха. В то же время расстояние до собаки, наличие преград (например, забора) и взрослых защитников, напротив, уменьшают страх ребёнка. Схематично сказанное можно представить так:

$$V_1 \Uparrow\rightarrow E \Uparrow$$
$$V_2 \Uparrow\rightarrow E \Downarrow$$

Если под символом E понимать эмоцию, под символом V — ситуационную переменную, а знаками $\Uparrow$ и $\Downarrow$ обозначать увеличение и уменьшение значения ситуационной переменной или эмоции, то формула обозначает, что одни ситуационные переменные приводят к увеличению данной эмоции, а другие — к её уменьшению.

Продолжая анализ ситуации с собакой, легко заметить, что все перечисленные переменные ситуации относятся лишь к двум основным категориям: размеру опасности и её вероятности. Скажем, наличие забора или взрослого рядом уменьшают вероятность нападения собаки, а увеличение размера собаки приводит к повышению ущерба, возможного в результате её нападения. Таким образом, оказывается, что переменные ситуации относятся к разным уровням: одни переменные представляют собой конкретизацию других. В дальнейшем мы будем обозначать конкретизирующие переменные при помощи двойного индекса. Например, конкретизацией переменной V_1 будут переменные V_{11} V_{12} и т.д.

Схема предлагаемого теста заключается в том, что субъекту описывают некоторую ситуацию, а затем просят установить, как будут меняться чувства персонажей при изменении некоторых ситуационных переменных.

Приведённый выше пример с собакой является очень простым и вряд ли может быть использован в качестве теста для взрослых испытуемых. В нашем тесте применялся значительно более сложный материал, связанный с чувством ревности. Для создания тестовых заданий был проведён предварительный анализ ситуационных переменных, влияющих на чувство ревности.

Этот анализ прежде всего показал, что под словом «ревность» понимается не одно, а по крайней мере два чувства, на которые ситуационные переменные оказывают различное влияние. Вслед за П. Жане мы выделили ревность-обладание и ревность-самолюбие. В первом случае чувство возникает из-за боязни потерять дорогого человека, во втором — из-за ущерба самооценке в результате того, что ревнующему предпочли кого-либо другого. Конечно, в реальной жизни оба эти чувства зачастую возникают одновременно, однако для выявления того, как они связаны с ситуацией, их необходимо разделить, поскольку некоторые ситуационные переменные влияют на эти чувства прямо противоположным образом.

Рассмотрим ревность-самолюбие. Для удобства введём символические обозначения. Ситуация ревности предполагает наличие как минимум трёх персонажей: некто S ревнует O к своему сопернику Z.

Предпочтение, которое оказывается сопернику перед ревнующим, может от-

носиться последним за счёт преимуществ соперника в отношении некоторых свойств или несправедливой оценки со стороны О. Чем более значимым является качество, на основании которого произошло предпочтение, тем более чувствительный удар наносится самолюбию. В результате люди склонны приписывать успех соперников стечению обстоятельств или умению соперника «пустить пыль в глаза». Схематически описанное соотношение между ситуационной переменной и эмоцией можно представить следующим образом:

V_1 (значимость качества) ⇑ →
E (ревность-самолюбие) ⇑

Значимость свойства может быть конкретизирована в нескольких направлениях. Так, социальное положение и возраст являются чем-то более внешним, чем личностные качества или интеллект, поэтому для ревнующего становится легче, если причина негативности сравнения с конкурентом может быть отнесена на счёт первых.

В случае ревности-обладания наибольшее значение имеет вероятность потери дорогого объекта:

V_1 (вероятность потери) ⇑ →
E (ревность-обладание) ⇑

Эта вероятность повышается с увеличением привлекательности соперника, его активной нацеленности на объект, возможности их общения и т.д. Так, высокое социальное положение соперника, скорее всего, является переменной, увеличивающей привлекательность. Отсюда получаем следующие схемы в отношении конкретизирующих переменных:

V_{11} (социальное положение Z) ⇑ →
E (ревность-обладание) ⇑
V_{12} (интерес Z к O) ⇑ →
E (ревность-обладание) ⇑
V_{13} (возможность встреч Z с O) ⇑ →
E (ревность-обладание) ⇑

Очевидно, что два типа ревности приводят к очень разным вариантам поведения. Например, в случае ревности-самолюбия само по себе устранение соперника не приводит к облегчению, как в случае ревности-обладания. Разрешение ситуации ревности-самолюбия заключается исключительно в доказательстве преимущества перед соперником.

Практический интеллект и адаптация к среде у подростков

Второй тест, разработанный в рамках проекта, направлен на анализ практического интеллекта и следует схеме, предложенной известным американским психологом Р. Стернбергом. Он разработал тесты практического интеллекта для различных профессиональных сфер — бизнеса и армейской службы. С его точки зрения, в основе практического интеллекта лежит способность к формированию неявных знаний (tacit knowledge). Под неявными знаниями понимаются такие, которым нас никто не учит, но которые возникают из опыта взаимодействия с окружающей средой. Действительно, правила нашего взаимодействия с другими людьми мы усваиваем, в основном, без специального эксплицитного обучения. В результате эти правила оказываются трудно вербализуемыми, но могут достаточно эффективно направлять наши действия.

Рассмотрим более подробно структуру тестов практического интеллекта, разработанных Стернбергом. Испытуемому предъявляются ситуация и несколько способов действия в ней. Например, в тесте на практический интеллект в сфере бизнеса описывается ситуация, когда начальник излагает менеджеру план рекламной кампании, который тот находит катастрофическим. Менеджер при этом хорошо знает, что его начальник плохо переносит критику. Предлагается несколько способов действий менеджера в этой ситуации, которые испытуемый должен оценить по степени их адекватности.

Рассмотрим, какие требования к практическому интеллекту испытуемых предъ-

является тест. Прежде всего испытуемый должен понять цели персонажа, адекватность действий которого он оценивает. Здесь следует сделать замечание общего характера. Интеллект проявляется тогда, когда перед человеком стоит цель. Если не определено, к чему стремится человек, речь не идёт об интеллекте. Если бы в тесте ставилась задача о том, например, должен ли менеджер предпочесть интересы общего дела или личную выгоду, речь шла бы о тесте личностного выбора, а не социального интеллекта. Тест социального интеллекта поэтому обязательно предполагает наличие целей, которые могут не формулироваться в самом задании, но при этом подразумеваются. Задача заключается в том, чтобы найти пути, которые позволят наиболее оптимальным способом сочетать различные цели.

Вернёмся к ситуации с менеджером. Очевидно, что он находится в поле действия противоположных тенденций. Хорошие отношения с начальником для него — условие продуктивной работы. В то же время он должен вносить вклад в общее дело и не может отдавать свой голос за план, обречённый на провал. Понимание этих отношений требует от испытуемого опыта. Не пройдя этих ситуаций или аналогичных им, этот опыт усвоить нельзя. Да и в самих ситуациях он усваивается имплицитно, а не в виде эксплицитной формулировки.

Здесь уместно сравнение с тестом социального интеллекта, описанным ранее. Там понимание ситуации в принципе не требовало жизненного опыта, оно основывалось лишь на способности вжиться в роль. В тесте практического интеллекта речь идёт о принятых в обществе отношениях, которые можно узнать, лишь пожив в этом обществе. Необходимо проанализировать сложную систему социальных отношений, понимание которой сложилось у испытуемого за пределами ситуации тестирования.

В случае теста социального интеллекта ситуация для персонажа максимально упрощена. Она рассмотрена с точки зрения порождаемых ею чувств. Здесь же речь идёт о решении ситуации, которая включает целый ряд компонентов. Это не только воздействие на эмоции другого человека с учётом его особенностей. Это также и предвосхищение развития ситуации. Например: менеджер одобрит план — план будет реализовываться — на определённом этапе случится провал — будет проведён анализ причин неудачи — виновники понесут наказание. Способность к такому предвидению не связана с собственно эмоциональным интеллектом, поскольку речь идёт не об эмоциональных состояниях людей, принимающих решения. Необходимо предвидеть сценарий, по которому будет развиваться деятельность людей и организаций, осуществляемая на рациональных основаниях.

Таким образом, описанный выше тест социального интеллекта оценивает чётко локализованную способность к пониманию эмоций, а тест практического интеллекта — менее ясно очерченную способность, которая, однако, более связана с реальными жизненными ситуациями, всегда имеющими синтетический и эклектический характер.

Мы поставили перед собой несколько задач.

Во-первых, мы постарались создать тест практического интеллекта на русском языке, отражающий российские реалии. Поскольку тесты практического интеллекта, которые следуют рассмотренной схеме, апеллируют к принятым в обществе сценариям взаимодействия людей, эти тесты являются культурно специфичными. Так, адекватные действия американского сержанта, обнаружившего, что отделение не выполнило свою задачу, могут оказаться неадекватными для сержанта российской армии.

Во-вторых, мы разработали тест для одной из наиболее востребованных сфер в практике отечественных психологов — для школы. Школьная практика, пожалуй, в наибольшей степени является потребите-

лем психологических тестов. Однако тесты социального интеллекта там до сих пор не применялись, тогда как тесты общего интеллекта весьма востребованы и являются на сегодняшний день лучшим предиктором школьной успеваемости.

В-третьих, мы произвели оценку того, как практический интеллект школьников, измеренный по созданному нами тесту, связан с их популярностью у сверстников и с академической успеваемостью. Хотя репутацией самого надёжного предиктора школьных оценок пользуются тесты интеллекта, всё же можно предположить и наличие связи с оценками интеллекта практического. Практический интеллект позволяет школьнику более грамотно строить отношения с учителями, а в отметках наверняка присутствует не только объективный компонент (оценка знаний, умений и навыков), но и субъективный (симпатии учителя). Однако если связь практического интеллекта с успеваемостью будет обнаружена, можно будет предположить и другой путь — возможные корреляции общего интеллекта как с успеваемостью, так и с практическим интеллектом, которые приведут к корреляции двух последних между собой. В нашем исследовании мы постарались развести эти возможные объяснения. Что же касается популярности среди сверстников, то здесь можно было бы ожидать большую предсказательную силу практического интеллекта по сравнению с общим.

Тест разрабатывался по схеме тестов практического интеллекта, предложенной Р. Стернбергом. Были выделены три основные сферы приложения практического интеллекта школьников — отношения с учителями, сверстниками и родителями. Для каждой из этих сфер было разработано по три ситуации с возможными вариантами ответов.

На следующем этапе все ситуации были предъявлены экспертам с целью оценивания различных вариантов ответов. В качестве экспертов выступили пять человек среднего возраста с высшим образованием. Некоторые из них обладали учёными степенями в области психологии.

Был проведён анализ согласованности экспертных оценок с помощью критерия α Кронбаха. Суждения одного эксперта, оценки которого низко коррелировали с другими оценками, были исключены из дальнейшего анализа. Оценки оставшихся экспертов усреднялись для получения эталонного ответа. Результаты по тесту каждого испытуемого определялись степенью их соответствия (т.е. корреляцией) эталонному ответу.

Гендерные различия

Результаты проведённого нами тестирования социального интеллекта показали преимущество женщин над мужчинами. Это преимущество достоверно на уровне 2% по критерию Манна-Уитни и примерно одинаково выражено у студентов технических специальностей и студентов-психологов.

По тесту практического интеллекта результаты девочек оказались значимо выше, чем результаты мальчиков, по общему баллу и по двум шкалам из трёх (учителя и родители). Таким образом, в очередной раз получено свидетельство преимущества женщин в сфере социального интеллекта.

Показатели практического интеллекта, академическая успеваемость и социометрия

В наших исследованиях была показана высокая связь практического интеллекта с академической успеваемостью. Корреляция общего балла по всей выборке с оценками составляет 0,57. Если учесть, что корреляция общего интеллекта со школьными оценками бывает обычно в диапазоне 0,5–0,6, то можно констатировать, что практический интеллект как предиктор школьной успеваемости не уступает общему интеллекту.

Исследование также показывает достаточно существенные положительные корреляции практического интеллекта

с показателями социометрии. Для 11-го класса корреляция общего балла с данными социометрии достигла уровня 0,6. Примечателен уровень корреляции для различных шкал теста. Шкала взаимоотношений со сверстниками, как и можно было предположить, дала в целом по выборке более высокие корреляции с социометрией, чем другие. В то же время в 11-м классе на первое место вышла шкала отношений с учителями. Это может объясняться как случайными флуктуациями данных, так и тем обстоятельством, что в 11-м классе успех в учебе является практически более важным делом. Следовательно, одноклассники могут больше уважать тех, кто грамотно строит отношения с учителями.

Эмоциональная креативность

Третий разработанный тест апеллирует к новому понятию — эмоциональной креативности. В психологии давно обсуждается проблема предметной креативности, понимаемой как способность генерировать оригинальные решения для предметных задач. Нами предложено понятие эмоциональной креативности, допускающее две трактовки:

- как способности генерировать множество предметных решений в соответствии с «эмоциональным тоном» ситуации;
- как способности порождать в других определённые эмоциональные состояния.

Для анализа этой способности в рамках проекта был разработан специальный тест: предъявляется ситуация, которую требуется уточнить, чтобы стала логически обоснованной реакция действующих лиц. Например, предлагается доопределить ситуацию так, чтобы объяснить, почему человек, спустившись утром к своей машине и обнаружив на ней царапину, испытал бы радость.

Заключение

Исследование социального интеллекта сегодня является перспективным как по практическим, так и по теоретическим соображениям. Для прогресса в этой области необходимы решение проблемы соотношения общего и социального интеллекта, а также создание надёжных процедур измерения социального, эмоционального и практического интеллекта.

(Воспроизводится по: Вестник РГНФ. 2005. № 4. С. 131–139)

ЛИТЕРАТУРА

1. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.
2. Пономарёв Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. Изд-во АН СССР, 1958.
4. Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Изд-во МГУ, 1984.
5. Ушаков Д.В. Мышление и интеллект // Психология XXI века / Ред. В.Н. Дружинин. М.: ПЕР СЭ, 2003. С. 291–353.
6. Ушаков Д.В. Интеллект: структурно-динамическая теория. М.: ИП РАН, 2003.
7. Bower G.H. Mood and memory // American Psychologist. 1981. V. 36. Pp. 129–148.
8. Bower G.H. How might emotions affect learning // The handbook of emotion and memory: Research and theory / S.-A. Christianson (Ed.) Hillsdale, New Jork: Erlbaum. 1992. Pp. 3–31.
9. Berry D., Broadbent D. Implicit learning in the control of complex systems // Complex problem solving / P. Frensch, J. Funke (Eds.) // Hillsdale. N.J.: Lawrenee Erlbaum Associates, 1995. Pp. 131–150.
10. Simon H. Making management decisions: the role of intuition and emotion. Academy of management executive, 1987.

Social and Emotional Intelligence: Theoretical Approaches and Methods of Measurement

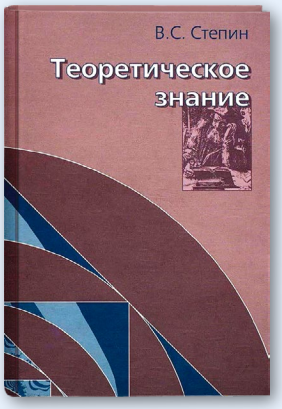
Dmitry Viktorovich Ushakov — RAS academician, Doctor of Science (Psychology), Director of the RAS Institute of Psychology, board member of the Russian Foundation for Basic Research.

The paper focuses on the topic of social intelligence, which has been increasingly gaining researchers' interest lately. Social intelligence is a valuable practical quality that largely determines a person's success in social interactions. Moreover, the study of social intelligence contributes to the general theoretical areas of psychology, especially to the study of the relation between affect and intelligence. The work proposes an approach to analyzing social intelligence on the basis of the structural-dynamic theory developed by the author and proposes the techniques for its assessment.

Keywords: social intelligence, cognitive and affective, nonverbal representation, practical intelligence, adaptation to the environment, emotional intelligence

REFERENCES

1. Brushlinskii A.V. Myshlenie i prognozirovanie. M.: Mysl', 1979 (in Russian).
2. Ponomaryov Ya.A. Psikhologiya tvorchestva. M.: Nauka, 1976 (in Russian).
3. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii: V 10 t. T. 10. Izd-vo AN SSSR, 1958.
4. Tikhomirov O.K. Psikhologiya myshleniya. M.: Izd-vo MGU, 1984 (in Russian).
5. Ushakov D.V. Myshlenie i intellekt // Psikhologiya XXI veka / Red. V.N. Druzhinin. M.: PER SE, 2003. S. 291–353 (in Russian).
6. Ushakov D.V. Intellekt: strukturno-dinamicheskaya teoriya. M.: IP RAN, 2003 (in Russian).
7. Bower G.H. Mood and memory // American Psychologist. 1981. V. 36. Pp. 129–148.
8. Bower G.H. How might emotions affect learning // The handbook of emotion and memory: Research and theory / S.-A. Christianson (Ed.) Hillsdale, New Jork: Erlbaum. 1992. Pp. 3–31.
9. Berry D., Broadbent D. Implicit learning in the control of complex systems // Complex problem solving / P. Frensch, J. Funke (Eds.) // Hillsdale. N.J.: Lawrenee Erlbaum Associates, 1995. Pp. 131–150.
10. Simon H. Making management decisions: the role of intuition and emotion. Academy of management executive, 1987.



В.А. ЛЕКТОРСКИЙ*

В.С. Стёпин. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 744 с.

Ключевые слова: теоретическое знание, научная теория, теоретические схемы, научная картина мира, постнеклассическая рациональность, человекоразмерный объект, рефлексивный объект знания, акт коммуникации

Выход этой книги стал событием в нашей философии. Она во многих отношениях необычна.

Прежде всего это итог многолетней разработки оригинальной концепции теоретического знания. О природе научной теории, её структуре, способах связи научной теории с фактами опыта, с одной стороны, с философскими представлениями о реальности — с другой, написано немало. Об этом спорили философы. Об этом размышляли выдающиеся учёные. Эта проблематика стала одной из центральных в ряде направлений философии XX столетия. Развиваемая В.С. Стёпиным концепция не только выдерживает сравнения с самыми популярными сегодня в мире философскими теориями науки (К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса и др.), хорошо известными отечественному читателю по многочисленным переводам, но в целом ряде отношений их превосходит.

В.С. Стёпин пытается понять природу науки, научности, теоретического знания на основании исследования структуры и генезиса теоретического знания в их единстве. При этом автор обосновывает свою концепцию основательнейшим анализом огромного материала истории науки (в частности, истории классической квантовой электромагнитной теории, теории относительности и других дисциплин). Поэтому книга В.С. Стёпина — это не только изложение теоретической концепции, но и реконструкция ряда важных эпизодов истории науки.

Теоретическое знание, по В.С. Стёпину, — это многослойная структура. Понять, как оно устроено и функционирует, невозможно без осмысления происхождения и роли его разных слоёв. В.С. Стёпин исходит из важной идеи о том, что теория — это не просто дедуктивная система, в основе которой лежит некоторый набор аксиом (такое представление характерно для многих концепций современной философии науки), а нечто более сложное, включающее, в частности, и теоретические модели (теоретические

* **Лекторский Владислав Александрович** — академик РАН, доктор философских наук.

схемы) как системы идеализированных объектов. Генетически конструктивный метод построения теории предполагает мысленное экспериментирование с этими объектами. Поэтому переходы от одних слоёв теоретического знания к другим (например, от фундаментальной теоретической схемы к частной) — это не просто формальный вывод, а творческая работа. Исключительно оригинальны и обстоятельно обоснованы анализом истории науки развитые автором соображения об операциональном смысле теоретических схем и их конструктивном обосновании.

Особую роль в развитии теории играет научная картина мира, которая не тождественна теории в узком смысле слова, а предполагается последней, вступая с нею в сложные отношения. В некоторых случаях, когда развитая теория отсутствует, научная картина мира может самостоятельно вступать во взаимоотношения с экспериментом, направляя его и давая ему интерпретацию.

Наконец, особую роль в теоретическом поиске играют идеалы и нормы исследования: описания и объяснения, доказательности и обоснования, строения знания. Принципиально важно, что они имеют исторический характер и изменяются как в связи с освоением наукой нового типа объектов, так и в связи с изменением типа культуры.

Такое понимание структуры и генезиса теоретического знания позволяет В.С. Стёпину дать новое, гораздо более тонкое и плодотворное понимание характера и структуры революций в науке, чем это имеется у Т. Куна в его известной книге.

Нужно сказать, что автор развивал и уточнял свои идеи на протяжении последних 20 лет. Они оказали огромное влияние на наших специалистов в области философии науки, науковедения и истории науки. В.С. Стёпин с полным основанием считается лидером отечественных разработок в этих областях.

Дальнейшее развитие концепции в последние годы означало для автора выход на новый круг проблем. Изучение исторических изменений идеалов и норм научного поиска привело его к формулированию трёх типов научной рациональности. Первый тип — это классическая рациональность: реальность изучается такой, какова она есть безотносительно к наблюдателю и исследователю. Второй тип — неклассическая рациональность: научное изучение реальности предполагает учёт используемых средств (приборов, систем отсчёта, способов описания и объяснения). Наконец, третий тип автор именует постнеклассической рациональностью. Если о первых двух типах рациональности написано у нас и за рубежом немало, то о рациональности последнего типа В.С. Стёпин начал говорить по сути дела первым. Между тем исследование постнеклассической рациональности не только позволяет понять современный этап в развитии естествознания, но и перебросить мост между естественными науками и науками о человеке. Анализ этой тематики означает для В.С. Стёпина выход в область философской антропологии и философии культуры.

Дело в том, что постнеклассическая рациональность предполагает, что среди объектов современной науки особое место занимают такие природные комплексы, в которые включён в качестве компонента сам человек. При изучении человекоразмерных объектов, показывает В.С. Стёпин, поиск истины непосредственно затрагивает гуманистические ценности. С системами такого типа нельзя свободно экспериментировать. В процессе их исследования и практического освоения особую роль начинает играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия. С развивающимися человекоразмерными системами естествознание стало работать гораздо позже социально-гуманитарного знания. В своё время прошли большие дискуссии об особенностях знания последнего типа (в частности, работы В. Дильтея, Г. Риккерта и др.), в результате которых гуманитарное знание было резко противопоставле-

но знанию естественно-научному. Между тем развитие постнеклассической науки позволяет снять это противопоставление. Как показывает В.С. Стёпин, решающую роль в этом сыграло развитие идей глобального эволюционизма, а также нелинейной динамики и синергетики. В этой связи в книге ставится множество интереснейших проблем, касающихся современного понимания наук социально-гуманитарного типа.

Речь идёт, в частности, о возможности снятия оппозиции генерализирующего и индивидуализирующего подходов, на которой в своё время базировалось противопоставление естественных наук и наук социально-гуманитарных. Ведь сегодня и естествознание имеет дело с теоретическими реконструкциями развития индивидуально неповторимых событий (Вселенная, Земля и т.д.). Речь может идти, как считает автор, также о снятии оппозиции естественного и искусственного: когда осуществляется деятельность с развивающимися системами, эта деятельность может актуализировать возможные сценарии развития объекта и тем самым формировать его новые состояния.

В этой связи, как мне представляется, можно по-новому поставить проблему исследования субъективности, которая является центральной для всех наук гуманитарного цикла. В.С. Стёпин справедливо подчёркивает мысль о том, что наука имеет дело только с объектами, и в этом смысле она ограничена: необъектное бытие не может быть её предметом. Но в той мере, в какой опыт может быть представлен в виде объекта, он допускает научное исследование, и в этом отношении научное знание границ не имеет. Это полностью относится и к постнеклассической науке: те новые и во многом необычные (человекоразмерные) объекты, с которыми имеет дело этот тип знания, остаются объектами и ничем другим быть не могут.

Однако возникает вопрос: может ли субъективный мир стать объектом научного исследования? Мне представляется, что, исходя из концепции В.С. Стёпина, на него можно сегодня дать ответ, который не будет похож на ответы, дававшиеся в недавнем прошлом.

С одной стороны, является тривиальным тот факт, что я могу отнестись к явлениям моего сознания как к объектам. Я могу сделать предметом собственной рефлексии (и научного познания) мои мысли, переживания, воспоминания и т.д. Именно из этого исходила психология, когда она стала эмпирической наукой. Однако можно ли сделать объектом само Я, понимаемое не как совокупность эмпирических состояний сознания субъекта, а как центр субъективного опыта, как воплощение единства сознания и одновременно инстанция принятия решений, как источник свободы воли? Согласно И. Канту, такое Я, Трансцендентальное Я, принципиально не может быть объектом опыта, а потому не может быть и предметом научного исследования. Наука, согласно Канту, останавливается там, где мы имеем дело с Я. С точки зрения философии эмпиризма, Я не может быть предметом знания просто потому, что оно не существует, так как не дано как факт субъективного опыта. В действительности же можно показать (развитие современной философии и эмпирических наук о человеке, как мне представляется, даёт сегодня для этого основания), что Я и сознание в целом может быть объектом научного исследования, но это весьма специфический объект: во-первых, рефлексивный: Я существует постольку, поскольку оно осознаётся как Я; во-вторых, полагаемый в актах коммуникации, выводящих субъекта за его собственные пределы, связывающих его с другими. Это означает, в частности, что исследования Я и всего, что с ним связано (единство сознания, личная идентичность, свобода воли и т.д.), не переставая быть научными, в то же время предполагают такой тип научного знания, который в ряде отношений отличается от классического. Это и есть

та самая постнеклассическая наука, которая так основательно исследована в книге В.С. Стёпина.

Нужно сказать, что книга В.С. Стёпина отличается исключительным богатством проблем и идей, о которых невозможно сказать в короткой рецензии. Все эти проблемы концентрируются вокруг главной: каково место рациональности и науки в той цивилизации, которая идёт на смену техногенной? Как трансформируется при этом переходе сама наука?

Книгой В.С. Стёпина может гордиться отечественное обществоведение. Важно, чтобы она стала достоянием и зарубежного читателя: её обязательна нужно перевести на основные западные языки.

(Воспроизводится по: Вестник РГНФ. 2001. № 1. С. 245–248)

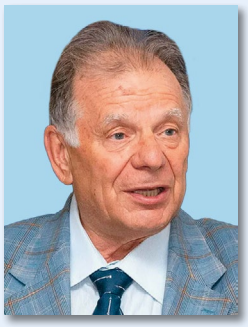
Styopin V.S. Theoretical Knowledge. Moscow: Progres-Traditsiya, 2000. – 744 p.

Vladislav Aleksandrovich Lektorsky — RAS academician, Doctor of Science (Philosophy).

Keywords: theoretical knowledge, scientific theory, theoretical schemes, scientific worldview, postnonclassical rationality, man-sized object, reflexive object of knowledge, act of communication

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ?

Индекс УДК 001.3
Код ГРНТИ 12.09, 12.75, 12.79



Ж.И. АЛФЁРОВ*

У нас есть будущее

Академик Ж.И. Алфёров утверждает, что у России есть будущее, она может стать великой державой, но не благодаря ядерному оружию и иностранным инвестициям, а благодаря труду её народа, сохранению и развитию науки и образования.

Ключевые слова: фальсификаторы истории, «нужда в героическом», увековечение памяти, великая держава, труд народа, развитие научного потенциала, образование

Непреложная истина, о которой порой сознательно или умышленно забывают некоторые политические и государственные деятели, учёные, журналисты и писатели: чтобы быть уверенным в завтрашнем дне, в будущем, надо не оплёвывать своё прошлое, а ценить его, рассматривать его как основу, как свои корни и, конечно же, не сидеть в настоящем сложа руки, а действовать. То есть нужен труд, неутомимый, творческий, созидательный, героический. Нужна нацеленность на этот труд, на подвиг во имя Родины, во имя её спасения, во имя её будущего.

Правомерно идёт об этом речь в кличе «В забвении — отказать!». Необходимость «нужды в героическом» надо, наконец, осознать, всем взяться за дела, каждому, кто способен трудиться умственно или физически: стоять у станка, находиться в научной лаборатории, за штурвалом комбайна, корабля, самолёта... Я сказал — всем, потому что все вместе мы — сила, которую не одолеть никакому врагу — ни внутреннему, ни внешнему.

К сожалению, эта сила ослабла после развала СССР. В Союзе были наши самодостаточность, независимость от влияния внешних негативных сил. В нём каждый край, республика, область, народ обретали уверенность в завтрашнем дне, в своём будущем.

* **Алфёров Жорес Иванович** — академик РАН, доктор физико-математических наук, лауреат Нобелевской премии, председатель президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, вице-президент РАН (1991–2017).

Вот почему развал СССР явился величайшей трагедией не только для нашей страны. На самом деле — это, может быть, ещё не до конца осознано — развал Советского Союза был величайшей трагедией для развития экономики и общества на всей нашей планете.

Для нас эта беда обернулась тем, что до сих пор не можем выбраться из её провальной ямы. Лично я до сих пор не могу воспринимать моих друзей, знакомых из бывших советских социалистических республик как мигрантов, как чужих людей. 25 млн русских, что называется, в одночасье оказались за рубежом, разделились семьи. Практически порвались или с трудом поддерживаются с ними родственные, дружественные и иные связи. Это гигантская трагедия.

И всё-таки я с оптимизмом смотрю в завтрашний день. Надеюсь, что на новых принципах, по-новому, но всё-таки возродим Советский Союз. Будем дружно, как и положено братьям-славянам, жить с моей замечательной и родной Республикой Беларусь, с которой строили Союзное государство...

Не могу принять фальсификаторов истории нашей Родины, её героического прошлого, подвигов соотечественников во все времена, и в особенности в самой страшной и кровопролитной из войн — Великой Отечественной 1941–1945 гг., 65-летие Победы в которой отметили в 2010 г. Нужна не карикатура на неё, до сих пор не сходящая с телеэкранов и появляющаяся на страницах периодических изданий, в книгах отдельных борзописцев, а правда о войне, её героях. Нужны не заказные, тенденциозные публикации и издания, а исторически достоверные повествования, рассказы о том, как жили наши предки — прадеды, деды, отцы. Надо воспитывать людей, в особенности молодого читателя, на наших отечественных, а не на «забугорных» героях. Их у нас множество. Они наша гордость, образец для подражания. К ним я бы отнёс многих замечательных советских и нынешних учёных. К примеру, в 2011-м исполняется 100 лет со дня рождения Мстислава Всеволодовича Келдыша, теоретика космонавтики, трижды Героя Социалистического Труда. Он возглавлял Академию наук СССР. Именно при нём наша наука занимала передовые позиции не только в космических исследованиях, но и в других сферах. Ныне в Москве одна из площадей носит его имя. Кстати, на ней находится и Институт космических исследований РАН. К сожалению, даже некоторые москвичи, проходя по этой площади, не задумываются, ничего не знают о человеке, в честь которого она названа. То же самое можно сказать об академике А.Ф. Иоффе, создателе советской физической школы, из которой вышли Курчатов Харитон, Семёнов, Ландау, Капица, Арцимович... Больше с известностью повезло Юрию Гагарину, который полвека тому назад открыл дорогу в космос.

Вроде бы аксиома — страна должна чтить и помнить своих героев, но в жизни иногда получается совсем наоборот. Об увековечении памяти о достойных людях приходится поднимать голос, напоминать всем, от кого это зависит, о том, что боевой или трудовой подвиг во имя Отчизны забвению не подлежит.

В целом считаю: у России будущее, безусловно, есть. Только на это будущее надо, не покладая рук и не жалея сил, самоотверженно работать. За него надо, как упомянутые герои, бесстрашно бороться. Убеждён, если уж со временем нашей стране суждено быть «впереди планеты всей», попросту говоря, великой державой, то она ей обязательно будет, но не благодаря ядерному оружию или иностранным инвестициям, а благодаря, как сказано выше, труду её народа, вере в знания, в науку, благодаря сохранению и развитию научного потенциала и образования.

(Воспроизводится по книге: Алфёров Ж.И. Власть без мозгов. Кому мешают академики. М.: Алгоритм, 2013. — С. 210–212)

There is a Future

Zhores Ivanovich Alfyorov – RAS academician, Doctor of Science (Physics, Mathematics), Nobel Prize winner, Chairman of Presidium of St. Petersburg Scientific Center RAS, Vice-President of RAS (1991–2017).

Zhores Alfyorov believes that Russia has a future and can become a great power – not through nuclear weapons and foreign investment, but through the labor of its people, the preservation and development of science and education.

Keywords: falsifiers of history, need for the heroic, memorialization, great power, people's labor, development of scientific potential, education

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2024, № 1 (116)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
http://www.rfbr.ru

Подписано в печать 22.04.2024. Формат 60×90 1/8.
Усл. печ. л. 20. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 345549

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар».
107023, г. Москва, ул. Электрозаводская, д. 20, стр. 3